Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Петрозаводский государственный университет»

На правах рукописи

Казаковцева Ольга Сергеевна

РАСПОЛОЖЕНИЕ КОМПОНЕНТОВ АТРИБУТИВНОГО СЛОВОСОЧЕТАНИЯ В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ XI–XIII ВЕКОВ

(на материале текстов эпистолярного жанра и древнерусского красноречия)

Специальность 10.02.01 - Русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Н.В. Патроева

Петрозаводск
2019

Оглавление

Введение 3

Глава 1. Атрибутивные словосочетания в в языке памятников древнерусской письменности 13

1.1. Понятие атрибутивного словосочетания. Способы выражения атрибута в книжном языке Древней Руси 13

1.2. Язык древнерусских памятников в аспекте расположения атрибута: из истории вопроса 24

1.3.К принципам отбора материала: вопрос об атрибутивных конструкциях, выраженных причастными и субстантивными оборотами...42

1.4. Выводы по главе 1 49

Глава 2. Структура и расположение компонентов атрибутивных словосочетаний в памятниках древнерусского красноречия XI–XIII вв. 50

2.1. Порядок слов в двухкомпонентных атрибутивных словосочетаниях.....53

2.2. Порядок слов в многокомпонентных словосочетаниях.....127

2.3. Экспрессивные функции атрибутивной локализации в «словах» и поучениях 137

2.4. Выводы по главе 2 142

Глава 3. Структура и расположение компонентов атрибутивного словосочетания в древнерусских посланиях XI–XIII вв. 146

3.1. Порядок слов в двухкомпонентных атрибутивных словосочетаниях.....148

3.2. Порядок слов в многокомпонентных словосочетаниях 184

3.3. Экспрессивные функции атрибутивной локализации в древнерусских посланиях 189

3.4. Выводы по главе 3 192

Заключение 196

Список сокращений и условных обозначений 205

Список использованной литературы 207

Список таблиц 231

Введение

Порядок слов обычно определяется как типичное, но исторически изменчивое для данного языка расположение членов конструкции, их линейная последовательность в соответствии с определенными синтаксическими ролями[1]. Локализация компонентов в разных типах словосочетаний, в составе предложения и тексте выполняет целый ряд важнейших функций: структурно-грамматическую, семантическую, актуального членения, ритмообразования, экспрессивно-стилистическую и др.

Проблема порядка слов справедливо считается одной из сложнейших в лингвистике и требующей обширного исследования в сравнительно-историческом и типологическом аспектах с привлечением большого объема материала многих языков на разных этапах их развития: «для собственно диахронического синтаксиса поддержкой может быть обилие текстов, которое позволяет с вероятностью судить о норме и аномалиях на основании наличия или отсутствия той или иной конструкции»[2].

Вопрос о реконструкции порядка слов в праиндоевропейском языке, о порядке расположения членов предложения в языках индоевропейской семьи, в том числе славянских языках и общеславянском языке, активно обсуждался в XX столетии. Например, предпринимались попытки связать расположение глагола-сказуемого и дополнения с размещением иных компонентов предложения (К. Бругман, Б. Дельбрюк, Дж. Гинберг, Ю. С. Степанов[3]): так, согласно Дж. Гринбергу, если в языке глагол

---

[1] См. напр., *Ковтунова* И. И. Порядок слов // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 218.

[2] *Красухин* К. Г. Очерки по реконструкции индоевропейского синтаксиса. М.: Наука, 2005. С. 4.

[3] Ю. С. Степанов, рассуждая о переходе от активного строя к номинативному в истории индоевропейского предложения, выделяет такую основную тенденцию, как замена конечного положения глагола-сказуемого на серединное (см. *Степанов* Ю. С. Индоевропейское

предшествует объекту, то определение предшествует определяемому. При порядке слов «вербум – объект» эта особенность заменяется на противоположную[4]. По этому поводу К. Г. Красухин замечает, что «универсалии Гринберга являются в лучшем случае фреквентариями. К примеру, в литовском языке при стандартном порядке слов VO генитивные и адъективные определения всегда предшествуют определяемому, а в русском языке различаются конструкции с генитивом и адъективом: в первом определение стоит в постпозиции (дом отца), во втором – в препозиции (отцов дом). <...> Иными словами, необходимо обследование очень большого количества языков на предмет выявления в них «четких» и «нечетких» черт, связанных с порядком слов»[5].

По мнению В. Н. Ярцевой, начинать анализировать грамматический уровень языка (в том числе и в сопоставительном плане, и в аспекте словопорядка) лучше всего со словосочетания: «Если при сравнении двух (или нескольких) языков исходить не из универсальных логико-семантических категорий, а начинать анализ микросистем, в которых наличествуют синтаксические отношения, обнаруживаемые во всех языках, то к таковым, например, относятся атрибутивные отношения со всеми своими семантическими подразделениями. <…>. Для того, чтобы руководствоваться при отборе конструкций структурными показателями с их последующим семантическим анализом, удобно использовать линейные свойства языка и, следовательно, выделить минимальные пары, основанные на принципе позиции члена словосочетания»[6].

Порядок слов в текстах, написанных на старославянском языке (в том числе в его восточнославянской редакции, или изводе), системному

предложение. М.: Наука, 1989. С. 3−4.)

[4] *Гринберг* Дж. Некоторые универсалии, касающиеся порядка слов // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1970. Вып. V: Языковые универсалии. С. 114−163.

[5] *Красухин* К. Г. Очерки по реконструкции… Указ. соч. С. 163−164.
Вопрос о расположении адъективного и генитивного членов рассматривает, например, на материале старославянского языка К. Дельбрюк (*Delbrück* B. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. Srassburg, 1893. P. 441−445).

[6] *Ярцева* В.Н. Контрастивная грамматика. М.: Наука, 1981. С. 38.

описанию не подвергался, как не анализировалось в сравнительном плане и становление литературной нормы словорасположения в истории русского языка в ее взаимодействии с церковнославянскими образцами. Вопрос о расположении определения в атрибутивном словосочетании на материале памятников письменности Древней и Старой Руси, таким образом, еще ждет своего решения в сопоставительном и типологическом, общем и частном, синхронном и диахроническом, структурном[7] и функционально-семантическом аспектах.

Актуальность работы обусловлена тем, что в современной историко-синтаксической науке не существует пока полного, комплексного и разноаспектного описания всей системы факторов, оказывавших влияние на расположение элементов в группе «определение – определяемое», в памятниках древнерусской эпохи. Необходимость подобного описания диктуется и неоднократно уже высказывавшимся в научной литературе требованием полномасштабного описания всех древне- и старорусских источников[8] в грамматическом и стилистическом планах, которое позволило бы в конечном итоге не только уточнить сам предмет исторического синтаксиса, до сих пор остающийся «весьма неясно очерченным»[9], но и в более либо менее отдаленном будущем создать обобщающие труды по исторической грамматике и исторической стилистике русского языка, в которых описание тех или иных морфологических либо синтаксических явлений сопровождалось бы выявлением тенденций и интерпретацией разнообразных факторов, обусловливающих функционирование, активизацию или, напротив, исчезновение этих феноменов на каком-либо историческом промежутке языковой эволюции.

---

[7] Этот аспект И. П. Распопов называл "конструктивно-синтаксическим", противопоставляя ему "коммуникативно-синтаксический" (*Распопов* И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М.: Просвещение, 1970. С. 31).

[8] *Виноградов* В. В. О задачах истории русского литературного языка // Виноградов В. В. Избранные труды: История русского литературного языка. Москва: Наука, 1978. С. 152−177.

[9] *Тарланов* З. К. О предмете исторического синтаксиса русского языка (к постановке проблемы) // Вестник ЛГУ. Сер. 2. История, язык, литература. Ленинград, 1983. № 2. С. 62.

Объектом исследования в диссертации являются порядок слов в атрибутивных словосочетаниях. **Предмет исследования** – атрибутивные словосочетания в древнерусских текстах XI−XIII веков.

Источниками языкового материала для исследования служат тексты древнерусского красноречия XI−XIII вв. (поучения Феодосия Печерского: «Слово о терпении, любви и посте», «Поучение о терпении и смирении», «Слово утешительное к братии душевной о пользе», «Поучение келарю»; «Поучения о простой чади»: «Поучение Моисея о чрезмерном излишестве», «Слово Моисея о присягах и клятвах», «Слово мудрого епископа Белгородского»; слова и поучения Кирилла Туровского: «Притча о человеческой душе и теле», «Слово о снятии тела Христова с креста», «Слово о белоризцах и монашестве», «Слово на Вербное воскресенье», «Слово о расслабленном»; «Слова и поучения Серапиона Владимирского»; «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона) и тексты эпистолярного жанра XI−XIII вв. («Послание Климента, митрополита русского, написанное к смоленскому пресвитеру Фоме, истолкованное монахом Афанасием», «Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу», «Послание о повинных» Даниила Юрьевского, два послания Феодосия Печерского князю Изяславу Ярославичу: «О вере христианской и о латинской» и «О неделе»). Выбор источников для анализа аргументирован желанием охватить разные по жанровой принадлежности памятники, не описанные еще подробно с точки зрения порядка следования элементов атрибутивной конструкции. Древнерусские тексты извлекались для изучения из изданий: «Библиотека литературы Древней Руси» под редакцией Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко (Т. 1. СПб., 1997, Т. 4. СПб., 1997, Т. 5. СПб., 2005); «Литературное наследие Феодосия Печерского», подготовленное к изданию И. П. Ереминым (Труды Отдела древнерусской литературы / ред. В. П. Адрианова-Перетц. Т.5. М.; Л., 1947); «Эпистолярное наследие Древней Руси: исследования, тексты, переводы» Н. В. Понырко (СПб., 1992).

Цель исследования – выявить особенности и принципы расположения компонентов атрибутивных словосочетаний в древнерусских памятниках XI–XIII веков.

Задачи исследования:

1. обобщить научные представления о природе атрибутивных словосочетаний;

2. извлечь из текстов и классифицировать атрибутивные словосочетания;

3. проанализировать морфологическое выражение атрибута;

4. определить процентное соотношение препозитивных и постпозитивных конструкций;

5. охарактеризовать особенности расположения компонентов атрибутивного словосочетания в анализируемых текстах;

6. выявить факторы, влияющие на расположение компонентов атрибутивного ряда;

7. определить наметившиеся в период становления восточнославянской письменности тенденции формирования норм и свойства порядка расположения компонентов в сфере словосочетаний с присловным зависимым элементом в определительном значении (атрибутом).

Гипотеза исследования заключается в том, порядок расположения компонентов атрибутивного ряда в древнерусских памятниках XI–XIII веков является жанрово-стилистически обусловленным; процент препозиции атрибута ниже, чем выше регистр текста.

Теоретической основой диссертационного исследования являются труды известных лингвистов, занимающихся историческим синтаксисом и теорией словосочетания: В. И. Борковский, Ф. И. Буслаев, Л. П. Булаховский, В. В. Виноградов, А. Х. Востоков, Н. И. Греч, В. М. Живов, О. А. Лаптева, С. П. Обнорский, А. Г. Руднев, В. З. Санников,

И. И. Срезневский, З. К. Тарланов, А. А. Шахматов и др., а также работы исследователей, изучающих язык древнерусских текстов, в частности поучений и посланий: И. П. Еремин, В. В. Колесов, Д. С. Лихачев, А. М. Молдован, Н. В. Понырко, О. В. Творогов и др.

Научная новизна работы состоит в том, что:

1) впервые описаны и сопоставлены между собой атрибутивные словосочетания в указанных разножанровых источниках древнерусской эпохи (поучениях и посланиях), не подвергавшихся до сих пор комплексному синтаксическому анализу, в том числе на уровне словосочетания;
2) проверены как упоминавшиеся в научной литературе в качестве общепринятых, так и еще не подтвержденные на большом материале факторы, влияющие на расположение атрибута, на примере данных памятников раннего периода в развитии русской словесности;
3) выявлены тенденции в области порядка расположения компонентов в группе «определение – определяемое» в зависимости от типа структуры, морфологического и лексико-семантического ее наполнения, а также в аспекте функционально-стилистическом.

До сих пор «исторический синтаксис остается малоизученной областью, не готовой по многим параметрам к обобщающей трактовке»[10], хотя именно синтаксическое устройство обусловливает, наряду с лексикой, стилистически-языковое и жанровое своеобразие памятников[11].

Теоретическая значимость данной работы заключается в том, что результаты исследования расширяют существующие научные представления о структуре и функционировании атрибутивных словосочетаний в текстах XI−XIII вв., эволюции норм словопорядка, уточняют основные тенденции в области дистрибуции членов предложения на материале оригинальных

[10] *Живов* В. М. История языка русской письменности. М.: Русский фонд содействия образования и науке, 2017. Т. 1. С. 73.
[11] *Акимова* Э. Н. Категория обусловленности и её реализация в языке памятников письменности русского Средневековья: XI - XVII вв. : автореф. дис. … д. филол. наук. Н.Новгород, 2007. С. 3.

разножанровых памятников той эпохи, а значит, и направления эволюционных процессов в синтаксической системе древнерусского языка в целом.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования результатов исследования в лекционных курсах и на семинарских занятиях по исторической грамматике, исторической стилистике русского языка, при подготовке учебно-методической литературы по историческому синтаксису, а также созданием электронной базы данных, демонстрирующей тенденции в расположении компонентов атрибутивных словосочетаний.

В процессе работы над диссертационным исследованием использовались общенаучные эмпирические (наблюдение, сравнение, описание) и теоретические **методы** исследования (ознакомление с материалом, выдвижение гипотезы, оценка основательности предположения, проверка гипотезы), общелогические методы и конкретизирующие их приёмы (индукция и дедукция, анализ и синтез, обобщение, аналогия, системный и структурный подходы). Также в ходе работы были применены описательный, структурно-грамматический, сопоставительно-типологический, сравнительно-исторический и статистический методы. Для проведения количественного анализа языкового материала использовался метод сплошной выборки.

В ходе исследования были извлечены 2366 атрибутивных конструкций, в том числе 30 словосочетаний с несогласованным (управляемым) атрибутом и 133 полупредикативные атрибутивные конструкции. Анализу подвергались согласованные определения с атрибутом, выраженным именем прилагательным, местоимением, порядковым именем числительным, причастием и именем существительным. Помимо согласованных атрибутов, в сопоставительном плане были привлечены и примыкающие посессивные определения, выраженные местоимениями *его*, *ее*, *их*. Несогласованные атрибуты, представленные существительным в косвенном падеже с

предлогом и без предлога, были отобраны в качестве иллюстративного фона, но к разноаспектному анализу не привлекались в силу низкой своей активности и безвариативного типа расположения в рассматриваемых текстах[12].

Положения, выносимые на защиту:

1. Анализируемые памятники относятся к книжным регистрам, сформировавшимся в результате интерференции церковнославянского (старославянского восточнославянской редакции) и восточнославянского материала, функционировавшего в период восточнославянского средневековья. Синтаксические особенности, в том числе порядок расположения согласованных атрибутивных компонентов, свидетельствуют о том, что тексты ораторского жанра (поучения, «слова») и эпистолярии принадлежат к близким по своей языковой организации и стилистическим особенностям регистрам, хотя и несколько отличающимся степенью «книжности» («высокости») выражения; обе жанровые группы памятников демонстрируют черты старославянского лексического и грамматического строя.
2. Препозиция определения в двухкомпонентных и многокомпонентных атрибутивных словосочетаниях преобладает над постпозицией во всех анализируемых нами текстах. При этом наиболее употребительной формой определения является местоименная форма имени прилагательного. Нечленные адъективные формы качественных и относительных прилагательных в текстах посланий тяготеют к размещению перед определяемым словом (69 % случаев), тогда как в

[12] Несогласованные (управляемые) атрибуты представлены малым числом примеров (23 конструкции в поучениях и 7 – в посланиях) в рассматриваемых текстах и занимают исключительно постпозитивное положение, например, *человѣколюбие Бога* (СлСВ, 376), *в дому отца* (ПослКС, 124), хотя нельзя, разумеется, исключить возможность препозиции посессива в иных древнерусских памятниках.
В обнаруженных еще более редких примерах, кроме родительного беспредложного (*дождь съ небеси* (СлСВ, 376), *казни от Бога* (СлСВ, 382), *покаяние от сердца* (СлСВ, 384), *жену въ похоти* (ПослЯк, 388), *наказание с любовью* (ПослКС, 118), можно заметить, что предложно-падежные словоформы обычно выполняют синкретическую функцию − атрибутивно-субъектную, атрибутивно-объектную или атрибутивно-обстоятельственную.

текстах поучений данные формы доминируют в постпозиции (53 % репрезентаций).

3. Словорасположение компонентов атрибутивного ряда зависит от морфологического выражения определяющего слова (а для прилагательных и местоимений – выявляется также зависимость локализации от лексико-грамматического разряда).
4. Положение атрибута, выраженного притяжательным прилагательным, указательным и притяжательным местоимениями, зависело от одушевленности / неодушевленности определяемого слова: при одушевленном существительном такие определения стремились к постпозиции.
5. В предложных атрибутивных словосочетаниях определение, выраженное качественным и относительным прилагательным, а также определительным местоимением, тяготело к препозитивному положению.
6. Конструкции, представленные традиционными устойчивыми словосочетаниями с сакральным значением, в большинстве своем, имеют закрепленное положение атрибута, то есть характеризуются постоянством не только лексического состава, но и синтаксической структуры.
7. Наиболее распространенные семантические группы определяемого существительного в текстах поучений и посланий − «названия лиц в сфере богослужения» и «предметы, связанные с богослужением». Самая употребительная семантическая группа прилагательных − «общественно-государственная сфера; религия».
8. Локализация атрибутов широко используется в текстах поучений и посланий как средство усиления выразительности речи.

Достоверность результатов работы обеспечена использованием теоретических и эмпирических методов, выбранных с учетом цели и задач исследования; проведением комплексного анализа полученного материала,

извлеченного путем сплошной выборки, а также обсуждением результатов исследования на конференциях и семинарах разного уровня.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования обсуждались на следующих конференциях: 1. Всероссийская научно-практическая конференция «VIII Камские чтения» (Набережные Челны, 2016); 2. Международная научная конференция «Молодые исследователи – регионам» (Вологда, 2016)»; 3. 69-я Всероссийская (с международным участием) научная конференция обучающихся и молодых ученых ПетрГУ (Петрозаводск, 2017); 4. XXIV Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2017); 5. Международная научная конференция «Грамматические исследования поэтического текста» (Петрозаводск, 2017); 6. XXV Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2018); 7. 70-я Всероссийская (с международным участием) научная конференция обучающихся и молодых ученых ПетрГУ (Петрозаводск, 2018); 8. Всероссийская научная конференция «Естественнонаучные методы в цифровой гуманитарной сфере» (Пермь, 2018); 9. 71-я Всероссийская (с международным участием) научная конференция обучающихся и молодых ученых ПетрГУ (Петрозаводск, 2019). Результаты работы отражены в десяти публикациях, четыре из которых напечатаны в изданиях, рекомендованных Перечнем ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура работы. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка использованной литературы, включающего 222 источника, и списка таблиц.

Глава 1. Атрибутивные словосочетания в языке памятников древнерусской письменности

1.1. Понятие атрибутивного словосочетания. Способы выражения атрибута в книжном языке Древней Руси

Словосочетание как синтаксическая единица давно занимала умы ученых-лингвистов. Начало изучению словосочетания положил М. В. Ломоносов, описав в «Российской грамматике» «сочинение частей слова»[13]. Далее в «Русской грамматике» А. Х. Востоков (1831 г.) вводит понятие «словосочинения», еще не выделяя его как отдельную синтаксическую единицу[14].

В середине XIX века в связи с развитием логического, а затем и психологического направлений в языкознании изучение словосочетания ушло на второй план ввиду того, что главной единицей синтаксиса, по мнению исследователей того времени (Н. И. Греч, Г. П. Павский, Н. И. Давыдов), стало предложение. Ф. И. Буслаев в своем «Опыте исторической грамматики русского языка» рассматривает вопрос о «согласовании определительных слов с определяемыми» и «согласовании приложения» в разделе «Словосочинение в предложении простом и сложном»[15].

В конце XIX века лингвисты вновь обратились к проблеме словосочетания. Ф. Ф. Фортунатов, идеи которого внесли огромный вклад в развитие теории этой синтаксической единицы, определял словосочетание как «то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного

---

[13] *Ломоносов* М. В. Российская грамматика. СПб.: Императорская Академия Наук, 1755. С. 185−205.

[14] *Востоков* А. Х. Русская грамматика по начертанию его же сокращенной Грамматики полнее изложенная. СПб: Типография И. Глазунова, 1831. С. 259.

[15] *Буслаев* Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1957. С. 445, 449−456.

слова (не частицы) с другим полным словом, будет ли это выражение целого психологического суждения, или выражение его части»[16].

Последователи идей Ф. Ф. Фортунатова, М. Н. Петерсон и А. М. Пешковский, также считали синтаксис учением о словосочетании, а предложение − одним из его видов[17]. Подобной трактовки придерживался и А. А. Шахматов: «Словосочетанием называем такое соединение слов, которое образует грамматическое единство, обнаруживаемое зависимостью одних из этих слов от других. Предложение, состоящее из двух и более слов, является также словосочетанием, но словосочетанием законченным…»[18].

Принципиально новое понимание словосочетания предложил академик В. В. Виноградов, отмечая его «двоякую» природу: «Такого рода грамматические единства, называемые словосочетаниями, состоят не менее чем из двух полнозначных слов и являются строительным материалом для предложения. Только в составе предложения и через предложение словосочетания входят в систему коммуникативных средств языка. Рассматриваемые вне предложения, как строительный материал для него, словосочетания так же, как и слова, относятся к области номинативных средств языка, средств обозначения предметов, явлений, процессов и т.п.»[19]. Таким образом, В. В. Виноградов функционально разграничил две единицы синтаксиса: предложение выполняет коммуникативную функцию, словосочетание – номинативную.

Учение академика В. В. Виноградова поддерживается многими современными исследователями (Н. Н. Прокопович, Н. С. Валгина, В. П. Малащенко, Е. Н. Ширяев, П. А. Лекант), которые также понимают

---

[16] *Фортунатов* Ф. Ф. Избранные труды. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957. Т.2. С. 451.
[17] Современный русский язык. Указ. соч. С. 205.
[18] *Шахматов* А. А. Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 277.
[19] *Виноградов* В. В. Вопросы изучения словосочетания (На материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1954. №3. С. 6.

словосочетание как соединение двух и более знаменательных слов на основе подчинительной связи (так называемая узкая трактовка словосочетания[20]).

Однако в современной русистике существует и широкое понимание словосочетания (В. П. Сухотин, А. Н. Гвоздев, В. А. Белошапкова, В. В. Бабайцева, Е. С. Скобликова и др.), согласно которому словосочетание – соединение знаменательных слов на основе сочинительных, подчинительных и предикативных отношений (В. А. Белошапкова предикативные отношения на уровне словосочетания исключает[21], а Е. С. Скобликова, например, рассматривает[22]).

Помимо проблемы границ словосочетания, дискуссии последних десятилетий XX века касались еще и вопроса о том, существует ли словосочетание вне предложения и до предложения как отдельная самостоятельная синтаксическая единица[23].

В нашей работе мы придерживаемся узкой трактовки словосочетания, определяя его как сочетание двух и более знаменательных слов на основе подчинительной связи. По нашему мнению, словосочетание является самостоятельной синтаксической единицей, выполняющей номинативную функцию и вне предложения, поэтому считаем возможным рассматривать на уровне словосочетания его состав, описывать лексико-морфологические свойства и семантику его компонентов как особого грамматического феномена. В настоящей работе нас будут интересовать только атрибутивные словосочетания (атрибутивные конструкции), элементы которых связаны

---

[20] См. подробнее, напр.: *Политова* И. Н. Изучение темы «Словосочетание» в курсе современного русского литературного языка // Язык и образование. 2008. № 3. С. 177−183.

[21] *Белошапкова* В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высшая школа, 1977. С.60−78.

[22] *Скобликова* Е. С. Современный русский язык: Синтаксис простого предложения (теоретический курс): учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 55-62.

[23] См. материалы дискуссий: *Фоменко* О. В. Является ли словосочетание единицей языка? // НДВШ. Филологические науки. 1975. № 6. С. 60−65; *Моисеев* А. И. Некоторые вопросы теории словосочетаний // НДВШ. Филологические науки. 1977. № 2. С. 54−60; *Тер-Минасова* С. Г., *Гвишиани* Н. Б. Можно ли опровергнуть учение о словосочетании? // НДВШ. Филологические науки. 1977. № 2. С. 61−67; *Кобрин* Р. Ю., *Авербух* К. Я. Еще раз о словосочетании // НДВШ. Филологические науки. 1979. № 5. С. 86−90.

«атрибутивными отношениями, то есть отношениями качества, количества или обладания»[24].

В организации синтаксической связи, объективирующей смысловые, в том числе атрибутивные, отношения, важную роль играет, наряду с грамматическим оформлением главного и зависимого элементов словосочетания, порядок их расположения. В зависимости от причин, обусловливающих локализацию определяемого и определяющего, возможно рассмотрение факторов дистрибуции как на уровне словосочетания (состав, лексико-семантическое и морфологическое наполнение структуры), так и на уровне предложения и целого текста (например, в случае актуализации компонентов словосочетания, при выяснении вопроса о влиянии функционально-стилистического фактора).

Вопрос о способах выражения атрибута[25] в древнерусском языке рассматривается в большинстве трудов, посвященных исторической грамматике русского языка. Многие исследователи сходятся во мнении, что перечень частей речи, выступающих в роли согласованного определения, не отличается от современного русского языка. Как и в настоящее время, это могли быть прилагательные, причастия, порядковые числительные и местоимения[26]. Однако в древнерусском языке в атрибутивной функции наблюдается наряду с полными (членными) формами использование и кратких (нечленных) форм имен прилагательных и причастий.

---

[24] *Синкевич* Д. А. Атрибутивные конструкции в современной лингвистике: проблемы определения и анализа // Актуальные вопросы современной науки. 2010. №12. С. 247.

[25] Известно широкое понимание термина «атрибут», выводящее его за границы словосочетания, например, в работах В. И. Чуглова, который относит к атрибутам, помимо обычных присловных определений, также обособленные полупредикативные конструкции и определительные придаточные части, − см. подробнее: *Чуглов* В. И. Субстантивные конструкции с зависимой атрибутивной частью. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1984. 88 с.

В нашей работе мы придерживаемся узкого понимания термина «атрибут», используя его «для обозначения второстепенного члена предложения, наряду с термином “определение”» (*Касаткин* Л. Л. Краткий справочник по современному русскому языку / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, П. А. Лекант. М.: Высшая школа, 1995. С. 270.)

[26] Историческая грамматика русского языка. Указ. соч. С. 148−173; *Руднев* А. Г. К вопросу о принципах употребления… 139−157; *Спринчак* Я. А. Указ. соч. С. 111−117; *Соколова* М. А. Указ. соч. С. 255; *Георгиева* В. Л. История синтаксических явлений русского языка. М.: Просвещение, 1968. С. 53−63; *Стеценко* А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М.: Высшая школа, 1972. С. 50−51; *Тарланов* З. К. Становление типологии предложения …С. 28−46.

В вопросе выбора той или иной формы адъектива древнерусским писателем предположения медиевистов расходятся. Так, одна из версий исследователей о предпочтении той или иной формы прилагательного заключается в значении выражаемого им признака. По словам Е. С. Истриной, «местоименная форма употребляется в тех случаях, когда определение – прилагательное называет признак известный, обычный, само собой вытекающий для данного случая и вообще не отражающийся ярко в сознании; так называемый признак не имеет существенного значения в общем смысле предложения, не привлекает к себе внимания. Именная форма употребляется в тех случаях, когда определение-прилагательное означает признак, применяющийся к предмету как результат акта мысли, результат умозаключения; в силу этого он всегда обозначает признак энергично проявляющийся, существенно значимый для предложения»[27].

Подобного мнения придерживается и Я. А. Спринчак, отмечая, что, несмотря на возможность употребления кратких форм в роли атрибута, со временем именные формы утратили склонение и стали употребляться преимущественно в предикативной функции[28].

Также к данной точке зрения склоняется и американский славист Хорас Лант, отмечая что «полные формы прилагательных показывают качество как известное»[29].

Вслед за указанными исследователями С. В. Власова, опираясь на полученные данные из Успенского сборника XII−XIII вв., делает выводы, что «полная форма прилагательного является маркированным членом оппозиции и указывает на то, что предмет, обозначенным существительным… выделен из общего числа подобных ему предметов, обладающих тем же качеством. Краткая форма указывает на то или иное свойство (качество) предмета, не

[27] *Истрина* Е. С. Указ. соч. С. 33−62.
[28] *Спринчак* Я. А. Указ. соч. С. 111−117.
[29] *Horace* G. Lunt Old church Slavonic grammar. Mounton,1968. 143 p.

давая ему при этом дополнительной характеристики, не выделяя из множества равных ему по роду»[30].

В противовес вышеуказанной точке зрения ряд ученых опровергает мотивированность выбора полной или краткой формы имени прилагательного в зависимости от выражаемого атрибутом значения определенности / неопределенности.

Так, В. Л. Георгиева, произведя анализ памятников древнерусского языка, делает заключение, что распространенное мнение о выборе местоименной или именной формы имени прилагательного вовсе не зависит от известности или неизвестности выражаемого прилагательным признака. Скорее, как полагает исследователь, выбор формы обусловлен «значением самого прилагательного, либо значением определяемого существительного»[31].

Подобного мнения придерживается и А. Н. Стеценко. Опираясь на труды Н. И. Греча, ученый считает, что выбор краткой или полной формы прилагательного не мотивирован и не зависит от выражаемого атрибутом значения определенности или неопределенности[32].

Данной версии выбора краткой или полной формы имени прилагательного придерживаются и авторы «Исторической грамматики русского языка». Проведя анализ атрибутивных сочетаний в древнерусских и старорусских памятниках письменности, создатели монографии выдвигают гипотезу об отсутствии мотивированности выбора данных форм, ссылаясь на возможность их синонимической замены, а также на случайное их употребление. Использование именной или местоименной формы атрибута, по мнению исследователей, скорее, зависит от личных предпочтений автора и объясняется морфологическими факторами. Так, например, прилагательные с суффиксом -*ъск*- в 98 % случаях встретились в полной форме, тогда как в этом же процентном соотношении прилагательные с

[30]*Власова* С. В. Указ. соч. С. 29.
[31] *Георгиева* В. Л. Синтаксические функции прилагательных …С. 1−23.
[32]*Стеценко* А. Н. Указ. соч. С. 50−53.

суффиксами *–ов (ев)-*, *-ын (ин)-*, *jь-* были употреблены в краткой форме. Также выбор форм зависит и от вхождения прилагательных в «употребительные словосочетания». К примеру, в словосочетании *князь великии* – прилагательное употреблено в членной форме, а в словосочетании *радость велика* – в нечленной[33].

Некоторые медиевисты отмечают влияние на выбор формы прилагательного самого жанра памятника.

По результатам сравнительного исследования употребления имен прилагательных в разножанровых памятниках древнерусского и старорусского языка, Н. Ю. Гурьева приходит к выводу, что для деловой письменности XII–XIV вв. характерен спад нечленных форм имен прилагательных, их применение отмечено по преимуществу в устойчивых словосочетаниях. В памятниках же церковно-книжного и светского типа XI−XIV вв. наблюдается вариативное употребление двух форм имен прилагательных, дифференциация между которыми происходит по признаку определенности-неопределенности[34].

Исследователь В. Ленделова, произведя сопоставительный анализ духовных и договорных грамот XV в., замечает, что в роли определения могли равноправно употребляться как полные, так и краткие формы имен прилагательных, однако численный перевес остается за полными формами, краткие же формы идут на спад. На выбор той или иной формы, по словам автора, свое влияние оказывает жанр памятника, а также употребление в составе определенных лексико-семантических группах[35].

Кроме согласования древнерусский синтаксис, так же, как и современный строй русского языка, знал и аппозицию, как данного вида синтаксической связи.

---

[33]Историческая грамматика русского языка. Указ. соч. С. 148−173.
[34] *Гурьева* Н. Ю. Указ. соч. С. 1−16.
[35]*Ленделова* В. Синтаксические особенности кратких и полных имен прилагательных духовных и договорных грамотах московских князей XV века в сопоставлении с Московским летописным сводом к. XV века: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1989. С. 1−24.

По наблюдениям Л. А. Коробчинской, древнерусское приложение, выраженное согласованным именем существительным, было довольно распространенным явлением. По мнению исследователя, приложения делились на две семантические группы: уточняющие и определяющие. «Определяющее приложение дает дополнительную качественную характеристику имени <…> Уточняющее приложение только конкретизирует определяемое слово»[36].

В. И. Борковский отмечает, что определение, выраженное именем существительным, в древнерусском языке согласовалось с определяемым словом только в падеже и числе. Группа слов, выступающая в роли приложения, по мнению исследователей, довольно обширна, но среди прочих выделяются наиболее употребительные лексемы, обозначающие «1) титул, должность, занятие лица, 2) степень родства, 3) принадлежность данного лица к той или иной народности»[37].

В данной работе мы не выделяем главу о способах выражения главного слова в атрибутивных сочетаниях древнерусского языка. Но сделаем оговорку, что определяемое слово может быть выражено не только именем существительным, но и прилагательным, причастием и местоимением, находящимся в данной функции.

Атрибутивные словосочетания, как в современном русском, так и в древнерусском языке могли носить устойчивый характер. Сам термин «устойчивое сочетание» широко используется в лингвистической науке, но «имеет широкое и неопределенное содержание»[38].

Т. А. Лапаева, проанализировав историю данного термина, выделяет несколько интерпретаций понятия «устойчивости»: одна группа лингвистов (В. В. Виноградов, Н. М. Шанский) отождествляет «устойчивость с воспроизводимостью» и «поэтому употребляет УС как синоним термина

---

[36] *Коробчинская* Л. А. Приложение в древнерусском языке // Вопросы русского языкознания. Книга вторая. Издание Львовского университета, 1956. С. 69−70.

[37] Историческая грамматика русского языка. Указ. соч. С. 451.

[38] *Лапаева* Т. А. Устойчивые сочетания в системе языковых единиц // Вестник Новгородского государственного университета. 2007. № 44. С. 75.

«фразеологизм»; другие же исследователи (В. Л. Архангельский, С. Г. Гаврин, И. А. Мельчук, М. М. Копыленко) предлагают «широкую» трактовку этого понятия, связывая ее с предсказуемостью компонентов, тем самым включая в УС не только фразеологизмы, но и разновидности несвободных сочетаний[39].

Язык древнерусских произведений «отличается клишированностью и, как следствие, формульностью. <…> Формульность древнерусского языка эксплицируется в тексте посредством единиц особого ранга, представляющих собой своеобразные устойчивые сочетания»[40].

Объяснение большого использования подобных конструкций в древнерусском языке исследователь А. С. Орлов находит в том, что «в средние века русской письменности внешность ее произведений была менее богата, мы имели меньше материала для выражения и поэтому дорожили им – отсюда повторение и некоторое однообразие схем и формул»[41].

Обстоятельный анализ традиционных формул произвел О. В. Творогов, который так же, как и А. С. Орлов, акцентировал внимание на обилие устойчивых словосочетаний в древнерусских текстах. О. В. Творогов, отмечая неустоявшееся в научной среде определение подобных конструкций, предлагает термин «традиционная формула», под которым подразумевается «речевые штампы, т.е. широко распространенные устойчивые словосочетания», характеризующиеся устойчивостью и стереотипностью[42].

Отличительные признаки устойчивых словосочетаний в своей работе выделяет Н. М. Хоменко, среди которых «воспроизводимость; моделируемость; своеобразие семантики; определенный лексический состав;

---

[39] *Лапаева* Т. А. Устойчивые сочетания… С. 75−77.

[40] *Зайнуллина* С. Р. Традиционные формулы русских летописей: структура и семантика (на материале «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку): дис. … канд. филол. наук. Ижевск, 2015. С.45.

[41] *Орлов* А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М.: Императорское общество истории и древностей России при Московском университете, 1902. С. 50.

[42] *Творогов* О. В. Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет» // Труды Отдела древнерусской литературы. М., Л.: Наука, 1962. Т. 18. С. 277−284.

частичное или полное ослабление грамматических категорий слов-компонентов оборотов»[43].

С. Р. Зайнуллина, ссылаясь на работы О. В. Творогова, отмечает отличительные от фразеологизмов признаки традиционных формул: «меньшая степень устойчивости и идиоматичности; обусловленность употребления предметом изображения темой повествования (а не жанром и стилем); функционирование в тексте особого типа, которые в настоящее время уже не создаются»[44]. Исследователь подмечает, что в настоящее время нет общепринятого наименования древнерусских устойчивых образований, приводя в пример порядка тридцати терминов из работ разных авторов, среди которых синкретема, устойчивые формулы, повествовательные шаблоны, стилистические трафареты и т.д. Также С. Р. Зайнуллина на основе работ предшественников выделяет критерии традиционных формул: «закрепленность в исторических словарях; значительная степень употребительности / частотности; композиционная обусловленность».[45]

По мнению М. В. Пименовой, древнерусские устойчивые словосочетания отличаются от фразеологизмов «прежде всего с семантической точки зрения, поскольку реализуют отражающее древнюю концептуальную форму ментальности синкретичное значение, основанное на метонимии (а не на метафоре, как большинство современных фразеологических единиц)»[46].

Таким образом, произведя анализ работ, посвященных древнерусским устойчивым словосочетаниям, видим, что единого термина для обозначения данной единицы нет. В нашем исследовании мы, вслед за О. В. Твороговым, будем использовать термин «традиционные устойчивые словосочетания».

---

[43]*Хоменко* Н. М. Устойчивые словосочетания в древнерусском языке XII−XV вв. (на материале произведений Кирилла Туровского и Епифания Премудрого): автореф. дис. …канд. филол. наук. Л., 1990. С. 7.

[44] *Зайнуллина* С. Р. Указ. соч. С.53.

[45] Там же. С. 46−48.

[46]*Пименова* М. В. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб., Владимир: ВГПУ, 2007. С. 53.

Выбранный термин подчеркивает то, что использование словесных штампов было подчинено традиции, в рамках которой был создан текст.

1.2. Язык древнерусских памятников в аспекте расположения атрибута: из истории вопроса

Литературный язык древнерусской народности XI−XIII вв. – это начальный (по периодизации А. Н. Кожина) период в истории развития русского литературного языка, приходившийся на время существования Киевского государства и феодальной раздробленности[47].

Язык памятников древнерусской письменности этого периода не был однороден: в нем использовались грамматические формы и конструкции, восходящие как к старославянскому языку, так и к разговорной речи славян, ввиду чего в научной среде возникла дискуссия об основе древнерусского литературного языка. Так, одни ученые (А. Х. Востоков[48], И. И. Срезневский[49] и С. П. Обнорский[50]) считали, что древнерусский язык самобытен и отличается от церковнославянского, а другие исследователи, наоборот, полагали, что в основе древнерусского литературного языка лежит церковнославянский язык, хотя генетически старославянский и восточнославянский языки разнятся, поэтому языковая ситуация в Древней Руси характеризовалась как «двуязычие» (А. С. Шишков[51], М. А. Максимович[52], А. А. Шахматов[53]).

Н. Н. Дурново считал, что до конца XII века восточнославянские и другие диалекты являются говорами внутри единого общеславянского языка,

---

[47] *Кожин* А. Н. Литературный язык Киевской Руси. М.: Русский язык, 1981. С. 8−9.
[48] *Востоков* А. Х. Филологические наблюдения / издал по поручению 2 Отделения Академии наук И. Срезневский. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1865. С. 1−27.
[49] *Срезневский* И. И. Мысли об истории русского языка и других славянских наречий. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1887. С. 17−29.
[50] *Обнорский* С. П. Избранные работы по русскому языку. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1960. С. 29−32.
[51] *Шишков* А. С. Рассуждение о красноречии Священного Писания. СПб.: Императорская типография, 1811. С. 43−91.
[52] *Максимович* М. А. История древней русской словесности. Киев: Университетская типография, 1838. Кн. 1. С. 147−168.
[53] *Шахматов* А. А. Очерк современного русского литературного языка. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1941. С. 60−70.

так что в этом случае старославянский книжный язык и восточнославянские говоры не являются разными языками, а лишь диалектами одного языка вплоть до падения редуцированных как последнего общеславянского изменения[54].

Новое видение этого вопроса представил В. В. Виноградов, считавший, что «у восточных славян была самобытная культура слова, но и старославянская письменность играла значительную роль»[55]. Согласно концепции В. В. Виноградова, в основе тесного взаимодействия старославянской письменности и языка восточных славян сложились два типа древнерусского литературного языка: книжно-славянский и народно-литературный[56]. Однако, как отмечает, А. И. Горшков, учение о двух типах литературного языка не получило широкого распространения, и «применительно к литературному языку Киевской Руси обычно говорится о трех группах памятников письменности: 1) деловые или юридические памятники, 2) церковно-книжные памятники, 3) памятники художественной литературы»[57].

Еще один этап полемики связан с концепцией «диглоссии», выдвинутой А. В. Исаченко и, более детально, Б. А. Успенским, который, вслед за А. А. Шахматовым и В. В. Виноградовым, полагал, что литературным языком на Руси до XVII века был церковнославянский, но язык кирилло-мефодиевских переводов «с самого начала вступает в тесные отношения с разговорным языком восточных славян» и вскоре «начинает

---

[54] *Дурново* Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 624−637.

[55] *Виноградов* В. В. Вопросы образования русского национального литературного языка // Избранные труды. История русского литературного языка. М.: Наука, 1978. С. 185.

[56] *Виноградов* В. В. Вопросы образования… С. 178−201.

[57] *Горшков* А. И. История русского литературного языка. М.: Высшая школа, 1965. С. 31.
Три стиля в древнерусском литературном языке также выделяли Г. О. Винокур (см. *Винокур* Г. О. Избранные работы по русскому языку. М: Учпедгиз, 1959. С. 43.), В. Д. Левин (см. *Левин* В. Д. Краткий очерк истории русского литературного языка. М.: Просвещение, 1964. С. 19.) и Н. А. Мещерский (см. *Мещерский* Н. А. История русского литературного языка. Л.: ЛГУ, 1981, С. 43).

восприниматься как кодифицированная разновидность этого языка»[58], используемая исключительно для нужд письменности, − так формируется ситуация «диглоссии».

В. М. Живов, учитывая критику концепции диглоссии, представленную в работах ряда славистов (например, Д. Ворта[59], писавшего о том, что ни о какой кодифицированности старославянского языка до XVI−XVII веков не может быть и речи), предлагает теорию «регистров»: «Церковнославянский и восточнославянские говоры относятся к разным регистрам, реализовавшимся в языковой деятельности одного языкового коллектива; вернее сказать, из церковнославянского и восточнославянского материала формировались разные регистры, функционировавшие в восточнославянском средневековье. Были ли эти регистры разными языками или одним языком – схоластический вопрос…»[60].

Синтаксис старославянского языка, постепенно сформировавшийся в результате деятельности по переводу греческих книг, стал употребляться не только в переводных, но и в оригинальных разножанровых произведениях, несомненно, отличаясь от синтаксиса живых славянских диалектов той эпохи и от синтаксиса разговорного языка древних славян. Период XI−XIV веков в истории русского письменного языка В. М. Живов связывает со временем начального формирования основных регистров и изменения отношений между ними «в результате распада общеславянского языкового единства (XIII−XIV вв.)»[61]. Эта концепция начального периода древнерусской языковой ситуации представляется нам наиболее адекватной для объяснения взаимоотношений церковнославянской и восточнославянской языковых сфер.

---

[58] *Успенский* Б. А. История русского литературного языка (XI−XVII вв.). М.: Аспект пресс. 2002. С. 23.
[59] *Ворт* Д. Очерки по русской филологии / пер. с англ. К. К. Богатырева. М.: Индрик. 2006. С. 148−175.
[60] *Живов* В. М. Указ. соч. Т.1. С. 68-69.
[61] Там же. С. 72.

Именно синтаксическое устройство отличает один регистр от другого, хотя кодификации правил (норм) синтаксических в Древней и Старой Руси еще не было, как и обучения им писцов или синтаксической правки рукописей. Основу книжного синтаксиса в этот ранний период развития русской словесности составил «тот порядок расположения слов и набор конструкций, который выработался в церковнославянских переводах с греческого[62] и был представлен в основном корпусе книжных текстов»[63], хотя простого копирования греческих образцов для этого было недостаточно, в том числе и в области словопорядка. В. М. Живов подчеркивает невозможность изучения порядка слов в отвлечении от жанровых характеристик текста[64].

Произведения церковно-книжной письменности были не только переводными, но и оригинальными, создававшимися «в духе византийско-болгарской религиозно-поучительной и житийной литературы»[65]. Язык таких памятников, к ярким образцам которого относят «Слово о законе и благодати» Илариона и поучения Кирила Туровского, изобилует выразительными средствами (метафорами, эпитетами, сравнением, антитезой, повторами и др.), библейской символикой и цитатами из Священного Писания[66].

По замечаниям исследователей, писцы в церковно-религиозных произведениях выбирали книжные варианты морфологических форм, например, с финалией на *-я* в падежных формах (*святыя пасхи, враги твоя, власти темныя*), архаичные нестяженные формы имени прилагательного

---

[62] «Греческое прилагательное, как показывает Канде, обычно постпозитивно» (Цит. по: *Лаптева* О. С. Расположение одиночного атрибутивного прилагательного // Славянское языкознание. 1959. С. 101.).

[63] *Живов* В. М. Указ. соч. Т.1. С. 328.

[64] Там же. С. 520.

[65] *Кожин* А. Н. Указ. соч. С. 85.

[66] *Кожин* А. Н. Указ. соч. С. 85−92; *Андрейчева* Н. И. История русского литературного языка. М.: Издательство МГУ, 1989. С. 14−19; *Еремин* И. П. Ораторское искусство Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. Т. 18. С. 50−58; *Колесов* В. В. К характеристике поэтического стиля Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Наука, 1981. Т. 36. С. 37−49; *Кедайтене* Е. И. История русского литературного языка: учеб. пособие. М.: Изд-во РУДН, 1994. С. 40.

(*святаго и пьрвааго начальника*) и имперфекта (*любляаше, бяаше*), а также формы прилагательных на *–аго* (*-яго*) в Р.п. ед.ч. (*свободнаго*, *ангельскаго*). В предложениях широко использовались причастия и причастные обороты[67].

Лингвисты отмечают и книжный характер лексики данных произведений («Иларион пишет чистым церковнославянским языком»[68]): использование слов с неполногласием, «со *щ* в соответствии с *ч* в русизмах, варианты на *а*, *е* в соответствии с русизмами на *я*, *о*[69], употребление сложных слов (*иноплеменикомъ*, *человеколюбие*) и слов с отвлеченным значением на *–ьство*, *- ние*, *- ость* (*богатьство, достояние, ненависть*)[70].

Однако, несмотря на следование автора высокому стилю языка, в результате взаимодействия книжно-славянского и народно-литературного типов языка, в текстах древнерусских поучений обнаруживаются восточнославянские вкрапления, к примеру, «полногласные формы слов (*огородником*, *волочаху*), слова с *ч* в соответствии со старославянским *щ* (*клевечуть*, *печеры*), формы кратких действительных причастий на *–а* (*доида*, *пека*)»[71].

Анализируемые в настоящей работе произведения древнерусской литературы относятся к церковно-книжному типу памятников, или книжному регистру, в концепции В. М. Живова. Медиевисты, анализируя тексты поучений и посланий, исследовали, в основном, источниковедческую, текстологическую и стилистическую сторону памятников, оставляя в тени грамматический строй текстов, в том числе и порядок слов[72].

---

[67] *Андрейчева* Н. И. Указ. соч. С. 14−16; *Кедайтене* Е.И. Указ. соч. С. 39−42; *Кустарева* М. А. История русского литературного языка. М.: Просвещение, 1971. Ч.1. С. 24−-6.
[68] *Якубинский* Л. П. История древнерусского языка. М.: Учпедгиз, 1953. С. 95.
[69] *Андрейчева* Н. И. Указ. соч. С. 15.
[70] *Кожин* А. Н. Указ. соч. С. 95.
[71] *Горшков* А. И. Указ. соч. С. 34.
[72] *Дзиффер* Дж. Язык и стиль Слова «О законе и благодати» // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки, 2013. Т. 155, кн. 5. С. 7−16; *Антонова* М. Ф. Кирилл Туровский и Епифаний Премудрый // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Наука, 1981. Т. 36. С. 223−227; *Колесов* В. В. К характеристике поэтического стиля… С. 37−49; *Алексеева* Т. А. К лингвотекстологическому изучению произведений Кирилла Туровского // Памятники русского языка: Вопросы исследования и издания. М., 1974. С. 157—170; *Алексеева* Т. А. «Слова» Кирилла Туровского как источник для исторической лексикологии // Источники по истории русского языка. М., 1976. С. 80−90; *Колобанов* В. А. Обличение княжеских междоусобий в

Порядок следования компонентов субстантивно-атрибутивного сочетания в памятниках Древней Руси XI−XIII вв. остается, пожалуй, одним из самых спорных вопросов в изучении исторического синтаксиса русского языка и еще малоизученной областью. Историки языка в поисках ответа на вопрос о словорасположении компонентов атрибутивного словосочетания в начальный период развития русского языка в качестве материала исследования привлекали летописи (I Новгородская, Ипатьевская и Лаврентьевская летописи), грамоты, евангельские и житийные тексты, а также вкупе с другими произведениями некоторые «хрестоматийные» тексты, к примеру, «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», «Русская правда»[73].

Проведя анализ работ по историческому синтаксису, освещающих проблему расположения компонентов в субстантивно-атрибутивных словосочетаниях, мы условно выделяем четыре сложившихся направления в истории решения данного вопроса [74].

поучениях Серапиона Владимирского // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. Т. 17. С. 329−333; *Гудзий* Н. К. Где и когда протекала литературная деятельность Серапиона Владимирского? // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1952. Т. XI. Вып. 5. С. 450−456; *Никищенкова* Г. В. Послания и поучения Феодосия Печерского. Проблемы поэтики: автореф. дис… канд. филол. наук. Орел, 2010. С. 1−26; *Соболевский* А. И. Два русских поучения с именем Григория // Известия ОРЯС. СПб., 1907. Т. XII. Кн. 1. С. 250−262; *Еремин* И. П. Из истории древнерусской публицистики XI века (Послание Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославичу о латинянах) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1935. Т. 2. С. 21−38; *Никольский* Н. К. О литературных трудах митрополита Климентия Смолятича, писателя XII века. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1892. С. 4−87; *Лопарев* Х. М. Послание митрополита Климента к смоленскому просвитеру Фоме. Неизданный памятник литературы XII века. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1892. С. 10−11; *Успенский* Б. А. Митрополит Климент Смолятич и его послания // Словѣне. 2017. №1. С. 171−218.

[73] *Руднев* А. Г. О Генезисе обособленных членов предложения, как синтаксической категории, в русском литературном языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Л., 1962. С. 1−32; *Гурьева* Н. Ю. Эволюция синтаксической функции членных и нечленных прилагательных в русском языке (XII−XVII вв.): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1985. С. 1−16; *Власова* С. В. Краткие и полные имена прилагательные как средство определенности / неопределенности в Успенском сборнике XII−XIII вв.: автореф. дис.… доктора филол. наук. Вильнюс, 2003. С. 1−29; Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 25−58.

[74] Аналогичное деление на условные группы причин словопорядка членов предложения (только главных членов) произвел в своей работе А. Н. Котляренко (см. *Котляренко* А. Н. О расположении главных членов предложения в древнерусском языке (по памятникам XIV–XV вв.) // Вопросы синтаксиса и лексики русского языка. Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1965. Т. 268. С. 211−227).

Так, первая группа исследователей объясняет причину выбора препозитивного или постпозитивного положения компонентов в следовании древнерусских авторов морфологическому принципу, то есть зависимости выбора форм от частеречной принадлежности атрибута.

Немецкий языковед-славист Эрих Бернекер в своем труде «Порядок слов в славянских языках» отмечал, что в общеславянском языке атрибутивные прилагательные и указательные местоимения могли как предшествовать, так и следовать за именем существительным. Количественные числительные, как правило, стояли перед именем, а притяжательные местоимения и прилагательные следовали за субстантивом[75].

В. З. Санников полагает, что место зависимого определения не связано с выражающим им значением и в большинстве случаев их положение является случайным. Однако, исследователь отмечает, что тяготение одной группы слов к препозиции, а другой – к постпозиции зависит от частеречной принадлежности зависимого слова. Так, порядковые числительные практически всегда находятся в препозиции, а притяжательные прилагательные в постпозиции. Выявлено, что полные прилагательные вне зависимости от их разряда тяготеют к положению перед определяемым словом, а краткие – к положению за ним. Что касается местоимений, то их расположение также зависит от разряда, например, притяжательные употребляются чаще в постпозиции. На материале разножанровых памятников XI−XIV вв.[76] В. З. Санников производит общий количественный подсчет атрибутивных словосочетаний, устанавливая, что «на 52 % препозиции приходится 48 % постпозиции»[77]. Исходя из полученных данных, автор делает вывод об отсутствии смыслоразличительной функции в

[75]*Бирнбаум* Х. Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции. М.: Прогресс, 1986. С. 145.

[76] В качестве источников, в основном, послужили летописи, житийные тексты, поучения и берестяные грамоты XI−XIV вв.

[77]*Санников* В. З. Согласованное определение // Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. М.: Наука, 1968. С. 47−94.

расположении согласованного определения и мотивированности в выборе формы имени прилагательного, однако отмечает, что предпочтение положения атрибута зависит от его морфологического выражения[78].

Данного принципа в решении вопроса о положение атрибута придерживаются и современные исследователи.

Так А. А. Уржумова, проведя анализ членных и нечленных форм имен прилагательных, отмечает, что адъективы в краткой форме располагаются преимущественно в постпозиции по отношению к определяемому существительному, и это, по ее мнению, характеризует такое расположение слов не только как позицию зависимого имени, но и как позицию предиката. Препозитивное положение для нечленного имени возможно, однако, с точки зрения А. А. Уржумовой, оно нетипично и в результате заменяется членной формой. Краткие формы в постпозиции не выполняют в полной мере функцию атрибута, а образуют предикативный центр, одновременно называя лицо или предмет и обозначая его признаки. Вследствие чего исследователь предлагает употреблять по отношению к нечленной форме термин «предикатив» или «предикативная нечленная форма». Членные формы прилагательных, по мнению А. А. Уржумовой, могут располагаться как в препозиции, так и в постпозиции. Однако, как отмечает исследователь, зависимость выбора атрибутивной позиции в летописных и евангельских текстах не случайна, а зависит «в частности, от значения лица имени существительного». Так, членные имена при существительных со значением лица чаще всего употребляются в препозиции. Расположение в препозиции является следствием «приобретения собственно качественного значения, которое не мыслится в отрыве от определяемого существительного»[79].

Вторая группа исследователей определяющим фактором расположения компонентов считает намеренное использование автором постпозиции в стилистических целях, для логического выделения атрибута.

---

[78] *Санников* В. З. Указ. соч. С. 47−94.
[79] *Уржумова* А. А. Указ. соч. С. 101−111.

Такого объяснения придерживается Л. А. Булаховский, считая, что постпозитивное употребление прилагательных в языке памятников Древней Руси наблюдается гораздо чаще, чем в современном, связывая это с влиянием церковнославянского языка. Но, наряду с заимствованным, есть и исконно русское употребление постпозиции: намеренное подчеркивание отмечаемого автором признака[80].

С. П. Обнорский, проведя подробный анализ четырех памятников древнерусского языка, отмечает, что в «Русской Правде» преобладающее положение атрибута – препозиция. Случаи положения определения в постпозиции немногочисленны и, в основном, используются в лексикализованных сочетаниях. В сочинениях Владимира Мономаха и в «Молении Даниила Заточника» исследователь отмечает частотность препозитивного положения определения, однако в стилистических целях, для усиления подчеркнутости признака, препозиция нередко заменяется постпозицией. В «Слове о полку Игореве» С. П. Обнорский констатирует факт постпозитивного употребления притяжательных прилагательных. Также исследователь отмечает положение постпозиции и для контекстуально эмоционально насыщенных прилагательных. «Представленный материал с препозитивным и постпозитивным употреблением прилагательных в памятнике имеет большое значение в характеристике поэтической стороны «Слова». Постпозитивное употребление прилагательных, цельным образом отражено в памятнике, составляет одну из ярких особенностей «Слова»[81].

Такого же мнения придерживается и В. И. Борковский, считающий, что обычное положение согласованного определения – это препозиция, а постпозиция используется автором намеренно, в целях логического выделения атрибута: «постпозицию определения мы объясняем

---

[80] *Булаховский* Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев: Радянська школа, 1958. С. 358−359.
[81] *Обнорский* С. П. Очерки по истории… С. 9−18.

стилистическими причинами – желанием выделить логическим ударением прилагательное (или другую часть речи)»[82].

По мнению В. В. Данилова, порядок слов в доисторических индоевропейских языках основывался не на синтаксических нормах, а следовал требованиям экспрессии и выразительности. Впоследствии этого, по мнению ученого, члены предложения заняли свои позиции в предложении, причем атрибутивное прилагательное «получило место» препозиции[83].

М. А. Соколова отмечает, что в памятниках древнерусского периода наблюдалось наряду с частотным использованием препозитивных прилагательных, особенно в памятниках делового толка, их не менее редкое их употребление в постпозиции. Пытаясь определить причину расположения компонентов субстантивно-именной группы, исследователь пишет о возможности использования авторами постпозиции как стилистического приема. Но тут же делает оговорку, что четкие выводы сделать пока невозможно по причине малоизученности данного вопроса[84].

По мнению Л. А. Коробчинской, обычным местом согласованного определения в древнерусском языке была препозиция, постпозиция же использовалась для увеличения «удельного веса» как самого определяемого, так и определения. Появление смысловой нагрузки в положении после определяемого слова автор обосновывает тем, что в данном положении имя прилагательное приобретает оттенок предикативности. «Для предикативности характерно утверждение наличия признака или качества, приписываемого предмету, а признак или качество, наличие которого утверждается, выделяется яснее, четче, чем обычное определение»[85].

---

[82] *Борковский* В. И., *Кузнецов* П. С. Историческая грамматика русского языка. М.: КомКнига, 2006. С. 406–414.

[83] *Данилов* В. В. Постпозитивные определения (К вопросу о развитии речи учащихся) // Русский язык в школе. 1947. № 2. С. 30–34.

[84] *Соколова* М. А. Указ. соч. С. 255–256.

[85] *Коробчинская* Л. А. Функции порядка слов в древнерусском языке … С. 73–85.

Исследователь Н. Ю. Гурьева, проведя сравнительный анализ памятников языка древней и старшей поры, отметила, что дифференциация препозитивного и постпозитивного положения атрибута зависит от жанрово-стилистических особенностей самого памятника. Так, по словам исследователя, в деловой письменности XI–XIV вв. преобладает препозитивное положение имени прилагательного как в членных, так и в нечленных формах, тогда как в церковно-книжных памятниках нечленные формы равно употребляются в пре - и в постпозиции, а членные – преимущественно препозитивны. Постпозитивное нечленное прилагательное, по замечанию исследователя, носит архаический характер, делает текст приближенным к каноническим образцам, а препозитивное нечленное прилагательное наоборот, демонстрирует близость памятника к живому народному языку[86].

И. В. Баданина, проанализировав летописные и деловые памятники Москвы XVII века, делает замечание, что именная форма имени прилагательного в качестве, как правило, употребляется в постпозиции по отношению к определяемому слову, ее препозиция обуславливается «законом инициального расположения коммуникативно наиболее значимой информации». Для местоименной формы обычное положение – перед определяемым словом. Постпозитивное положение, как отмечает исследователь, выполняет определенные грамматические, коммуникативные и стилистические функции, в частности, использование в сочетаниях книжного характера и влияние разговорной речи[87].

Третья группа ученых придерживается семантического обоснования положения компонентов в субстантивно-атрибутивных словосочетаниях.

А. Г. Руднев, анализируя памятники старшей поры, определил причины использования именных и местоименных прилагательных в зависимости от выражаемого ими значения. Так, именные прилагательные

[86] *Гурьева* Н. Ю. Указ. соч. С. 1−16.
[87] *Баданина* И. В. Именные и местоименные формы имен прилагательных в летописных и деловых памятниках Москвы XVII в.: автореф… канд. ф. наук. М., 1999. С. 1−24.

используются в положении препозиции, если обозначают отношение к материалу, из которого изготовлен предмет и если вместе с существительным образуют устойчивое лексическое сочетание. Местоименные имена прилагательные, по мнению исследователя, употребляются, как правило, в препозиции, употребление после определяемого слова используется автором намеренно, для большей выразительности или эмоциональной окраски. В подобных случаях имя прилагательное обозначает качество «свойство в большой дозе, отношение к материалу, указание на разряд, вид, разновидность определяемого предмета или понятия». Препозитивное употребление именных прилагательных, с точки зрения А. Г. Руднева, имело ограниченный характер уже в XII−XIV вв. и постепенно шло на спад[88].

В. Л. Георгиева на основе проведенного исследования, заключает, что выбор положения имени прилагательного относительно определяемого им имени существительного зависит от выражаемого прилагательным значения. Так, полная форма чаще всего находится в препозиции, а постпозиция обычно сигнализирует о присутствии предикативного оттенка[89].

С точки зрения О. А. Лаптевой, постпозиция прилагательных широко использовалась в памятниках древнерусского периода. Автор работы считает, что препозитивное расположение являлось исконным, а постпозитивное – заимствованным из церковнославянского языка[90]. Исследователь обращает внимание на то, что в древнерусском языке была «недостаточная морфологическая и синтаксическая расчлененность» именных и местоименных форм прилагательных, в результате чего они могли свободно употребляться в качестве как предикативного, так и атрибутивного адъектива в препозиции и постпозиции. С течением времени, по мнению, О. А. Лаптевой, нечленные формы в связи их непродуктивностью

[88] *Руднев* А. Г. О Генезисе обособленных членов предложения, как синтаксической категории, в русском литературном языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Л., 1962. С. 1−32.
[89] *Георгиева* В. Л. Синтаксические функции прилагательных… С. 1−23.
[90] *Лаптева* О. А. О некоторых изменениях порядка слов в древнерусском языке // Филологические науки. 1959. № 3. С. 55−67.

закрепились в функции предиката, а в роли атрибута стали занимать исключительно постпозитивное положение. Качественные полные прилагательные закрепили свою позицию в зависимости от их передаваемого значения: постпозитивное прилагательное выражало обычный, невыделенный признак, а препозитивное сообщало нечто новое. Однако в XI–XIII вв. устоявшиеся правила подверглись изменениям, в связи, с чем возросло число препозитивного употребления прилагательных, для которых стало характерно обозначение и невыделенного признака[91].

В. В. Колесов в «Исторической грамматике русского языка» отмечает, что порядок слов в древнерусском языке был «скорее обратным, чем прямым»[92]. В тексте «Жития протопопа Аввакума», созданного в XVII веке, В. В. Колесов отмечает в начальном списке постпозицию качественного прилагательного, а в последнем списке – постпозицию относительного прилагательного. К примеру, *и возложилъ руку правую на пламя; далъ шубу новую; лѣто цѣлое мучилися; отеческое благословение.* Постпозитивные прилагательные, как пишет исследователь, выражают непостоянный и изменчивый признак. Развитие новых препозитивных сочетаний началось с качественных полных прилагательных, которые начали обозначать признак постоянный. Говоря о притяжательных местоимениях в атрибутивной функции, В. В. Колесов пишет, что использование их в препозиции окончательно сформировалось только к концу XVII века[93].

Авторы коллективного труда «Древнерусская грамматика XII−XIII вв.» отмечают, что место прилагательного не было точно закреплено, однако положение его во многом зависит от значения самого слова. Так, например, исключительно в положении постпозиции находятся прилагательные,

---

[91] *Лаптева* О. А. Расположение древнерусского одиночного атрибутивного прилагательного… С. 98−112.
[92] *Колесов* В. В. Историческая грамматика русского языка. М.: Академия, 2009. С. 421−423.
[93] Там же. С. 421−423.

обозначающие прозвище лиц, терминологические обозначение и образные определения[94].

Согласно точке зрения четвертой группы ученых, порядок расположения компонентов в языке древнерусского периода является свободным, и положение компонентов во многом определяется волей автора.

Так, Ф. И. Буслаев отмечает, что прилагательные и местоимения могут стоять как перед определяемым словом, так и после него, однако прозвища и фамилии принято ставить в постпозиции. Например, *Борис Годунов, Иоанн Грозный*. Если при субстантиве имеются два прилагательных, то ближе ставится то, которое означает его ближайший признак: *тихий летний вечер.* Также наблюдается постпозиция числительных обозначающих примерный счет, к примеру, *листа два*. Причину относительно свободного порядка слов в русском языке исследователь видит в развитой флективной системе, позволяющей постановку зависимых слов впереди и после главного слова[95].

Французский лингвист А. Мейе делает выводы, что «порядок слов не имеет грамматической значимости», поэтому для славянских языков характерна как препозиция, так и постпозиция атрибута. Но числительные в атрибутивных словосочетаниях всегда предшествуют субстантиву[96].

К выводу об относительной свободе расположения слов в древнерусском предложении приходит и В. П. Воробьев. Однако, как утверждает ученый, под «относительной свободой» не следует понимать необоснованного хаотичного словопорядка. Определенные нормы, по словам исследователя, есть, и, по сравнению, с древнерусским языком, требования к ним в современном языке возросли. Но, ссылаясь на малоизученность данной проблемы в лингвистике, какие-либо принципы расположения слов В. П. Воробьев не устанавливает[97].

---

[94] Древнерусская грамматика XII−XIII вв. М.: Наука, 1995. С. 294−330.
[95] *Буслаев* Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. С. 557−561.
[96] *Мейе* А. Общеславянский язык. М.: Изд-во иностранной литературы, 1951. С. 385−387.
[97] *Воробьев* В. П. К вопросу об общности некоторых синтаксических явлений в славянских языках

Немаловажным представляется рассмотрение и дистантного расположения компонентов. К данному вопросу в своих работах обращались многие медиевисты, к примеру, Л. А. Булаховский, В. И. Борковский, В. В. Колесов. Однако и здесь не обошлось без спорных моментов.

Авторы монографии «Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение», «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков» и В. В. Колесов отмечают, что данное явление отделения определения от определяемого слова встречалось как в древнерусских памятниках письменности, так и не теряет своей употребительности в современном русском языке. Разница состоит лишь в большей распространенности такого расположения в предложениях XI–XVII вв.[98]

Л. А. Булаховский, напротив, отмечает, что предложения с разрывом между согласованным прилагательным и субстантивом редки в древнерусском языке, а больше характерны для языка XVIII − н. XIX вв.[99]

Причину разъединения определяемого и определяющего слова В. И. Борковский видит в создании определенного стилистического приема, тогда как В. З. Санников считает, что дистантность определения – это обычное явление древнерусского языка, «не связанное со смысловым выделением»[100].

О. А. Лаптева, вслед за В. И. Борковским, считает, что благодаря разъединению определения и определяемого слова достигается выделение атрибута, а если определение выносится в конец фразы, то логически выделяются сразу два компонента: и субстантив, и определяющее его слово. Что касается расположения компонентов словосочетаний с дистантной

// Вопросы русского языкознания. К 80-летию профессора А. М. Лукьяненко. Саратов, 1961. С. 127−136.

[98] Историческая грамматика русского языка. Указ. соч. С. 183−186; *Колесов* В. В. Историческая грамматика … С. 421−423.

[99] *Булаховский* Л. А. Исторический комментарий … С. 357.

[100] Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Указ. соч. С. 75−79.

дистрибуцией, то, как пишет исследователь, определение обычно занимает постпозитивную позицию[101].

Изучив вышеуказанные работы историков языка относительно расположения компонентов атрибутивного ряда в памятниках разных жанров, заключаем, что «в деловой письменности XII–XIV вв. преобладало препозитивное определение»[102], а в «церковно-книжном языке (особенно в библейских текстах и житиях) преобладала постпозиция атрибута»[103].

О словопорядке в летописных текстах сложилось несколько мнений: Р. А. Евстифеева[104] отмечает исконную постпозицию атрибута, тогда как Л. А. Коробчинская[105] и А. А. Уржумова[106] фиксируют реальное преобладание препозиции. О. А. Лаптева, являясь сторонников исконной постпозиции прилагательного, подчеркивает, между тем, что на примере летописного материала не наблюдается четкой корреляции препозитивного и постпозитивного положения атрибута. Скорее, как пишет, автор, «коммуникативная обусловленность того или иного способа расположения прилагательного сочеталась и тесно переплеталась с обусловленностью иного порядка – структурно-синтаксической, лексико-семантической, лексико-стилистической, жанрово-стилистической»[107].

В памятниках светского художественно-книжного языка («Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника»), по наблюдениям Л. Ю. Гурьевой, преобладает препозиция, однако в целях стилизации (приближение к каноническим образцам) определение может быть постпозитивным[108].

---

[101] *Лаптева* О. А. Расположение древнерусского одиночного атрибутивного прилагательного… С. 98−112.
[102] *Гурьева* Н. Ю. Указ. соч. С. 13.
[103] *Минлос* Ф. Р. Позиция атрибута внутри именной группы в языке Псковской летописи // Русский язык в научном освещении. 2008. №2 (16). С. 204.
[104] *Евстифеева* Р. А. Указ. соч. С. 203−216.
[105] *Коробчинская* Л.А. К вопросу о порядке слов… С. 3−15.
[106] *Уржумова* А. Указ. соч. С. 101−111.
[107] *Лаптева* О. А. Расположение одиночного качественного прилагательного…С. 14−15.
[108] *Гурьева* Н. Ю. Указ. соч. С. 14.

Профессор З. К. Тарланов, глава Петрозаводской лингвистической школы исторического синтаксиса, проведя скрупулезный анализ работ лингвистов-предшественников, установил, что в языке письменных памятников Древней Руси атрибутивное прилагательное может располагаться как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к определяемому субстантиву. Однако З. К. Тарланов отмечает, что изначально в древнерусском языке была лексико-морфологическая зависимость прилагательного[109]. Дистрибуция атрибутов демонстрирует и семантические различия. Так, в препозиции возникают отношения констатирования, а в постпозиции – отношение «не как установившееся, а как устанавливаемое». З. К. Тарланов подчеркивает, что «утверждения о случайности, немотивированности постпозиции или препозиции согласованного определения в древнерусском языке неосновательны и внеисторичны»[110], поскольку позиция атрибута детерминировалась целым рядом лексико-морфологических, функционально-семантических, стилистических, синтаксических факторов.

В ходе развития русского языка в атрибутивно-именном сочетании закрепилось левостороннее положение определения, последствия которого выражаются в следующем:

а) определение теряет зависимость от своей лексико-морфологической принадлежности; б) к XVII в. закрепляется ведущая, аккумулирующая роль качественных прилагательных в качестве доминирующей лексико-морфологической базы; в) набирает обороты переход относительных и притяжательных прилагательных в качественные; г) левостороннее закрепление субстантивно-атрибутивного ряда становится новой точкой отсчет в построении языковых моделей с прямым порядком

---

[109] *Тарланов* З. К. Основные тенденции в динамике синтаксиса в простом предложении в русском языке XI-XVII вв. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1998. С. 16.

[110] *Тарланов* З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. С. 37.

слов; д) препозитивное положение согласованного определения – доказательство утверждение гипотаксиса[111].

В современном русском литературном языке согласованное определение обычно располагается перед определяемым словом, постпозиция же «несет большую смысловую нагрузку в предложении[112], либо имеет поэтическую окраску[113], либо вместе с определяемым существительным образует термин[114], либо становится выразителем предикативности[115]»[116].

Подводя итог анализу работ о характеристике языка XI−XIII вв. в аспекте словопорядка компонентов атрибутивного словосочетания в памятниках разных жанров, отметим, что синтаксис (в том числе и частный вопрос словопорядка) древнерусских посланий и поучений еще ждет своего внимательного комплексного исследования, по результатам которого может воссоздаться затем цельная картина динамики грамматического строя начального периода развития русского языка.

---

[111] *Тарланов* З. К. Становление типологии русского предложения … С. 28−46.
[112] *Лаптева* О. А. Расположение одиночного качественного прилагательного… С. 16.
[113] *Ковтунова* И. И. Порядок слов в современном русском языке и формирование норм словорасположения в XVIII−XIX веках: автореф. дис… д-ра филол. наук. М., 1973. 51 с.
[114] *Молошная* Т. Н. Субстантивные словосочетания в славянских языках. М.: Наука, 1975. 236 с.
[115] *Сиротинина* О. Б. Порядок слов в русском языке. М.: ЛЕНАНД, 2014. 176 с.
[116] *Улитова* А. С. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в памятниках деловой и книжной письменности XVII века: дис… канд. филол. наук. М., 2016. С. 3.

1.3. К принципам отбора материала: вопрос об атрибутивных конструкциях, выраженных причастными и субстантивными оборотами

В процессе выборки материала из анализируемых нами текстов древнерусского поучений и посланий нами были выделены конструкции с причастием или существительным и группой зависящих от него компонентов, а также группы однородных адъективных компонентов при определяемом слове – имени или местоимении оформленные с помощью запятых текстологами, работавшими над изданием памятников. Конструкции эти вычленялись в качестве сопоставительного фона как не относящиеся к уровню словосочетания в силу своей полупредикативности, подчеркнутой обособлением, однако совсем обойти их вниманием не представлялось возможным, во-первых, по причине дискуссионности вопроса о наличии категории обособленных членов предложения в книжно-письменном языке Древней Руси, а, во-вторых, в связи с возможностью расширенного понимания границ понятия «атрибут» некоторыми грамматистами (см. упомянутые ранее работы В. И. Чуглова, например).

Поскольку вопрос о времени появления категории обособления в русском литературном языке до сих пор остается одним из нерешенных в современной синтаксической теории, считаем нужным представить краткий экскурс в историю проблемы[117].

---

[117] Выделение и описание категории обособления является заслугой профессора А. М. Пешковского, понимающего под обособленным членом «второстепенный член, уподобившийся (один или вместе с другими, зависящими от него членами) в отношении мелодии и ритма и – параллельно – в отношении связей своих с окружающими членами отдельному придаточному предложению» (*Пешковский* А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. С. 416.).

Однако начальный этап изучения обособленных оборотов, по наблюдениям Н. В. Патроевой, «связан … с именем М. В. Ломоносова, который в своих трудах по грамматике и ораторскому искусству дает необходимые нормативно-стилистические рекомендации по использованию различных видов «приложений» (*Патроева* Н. В. Поэтический синтаксис: категория осложнения. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2002. С. 13.).

Далее, в первой трети XIX века, Н. И. Гречем было выдвинуто предположение, что причастные и деепричастные обороты являются сокращенными придаточными предложениями:

Многие исследователи исторического синтаксиса (к примеру, А. Н. Стеценко[118], В. Л. Георгиева[119], Я. А. Спринчак[120]) утверждают, что уже в памятниках древнерусского периода встречаются случаи полупредикативного (по понятным причинам, остававшегося при этом без пунктуационного оформления в рукописи) употребления причастных, адъективных и субстантивных оборотов.

Однако существует и другая точка зрения, выдвинутая З. К. Тарлановым, согласно которой «категория обособления – это новая, поздняя категория в истории русского языка, вернее – категория синтаксиса нового времени, соответствующая периоду иерархически организованного,

---

«Причастия действительные и страдательные, в отношении синтаксическом, суть сокращения или совокупления глаголов с местоимением относительным, которое сообщает оным силу выражать подчинение придаточного предложения: *солнце, освещающее землю, вм. солнце, которое освещает землю*… Деепричастия, в отношении синтаксическом, суть сокращения или совокупления глаголов с союзом подчиняющим, который сообщает оным силу выражать подчинение придаточного предложения, например, *мой брат обрадовался, увидев своего друга*, вместо: *мой брат обрадовался, когда увидел своего друга*» (*Греч* Н. И. Практическая русская грамматика. СПб., 1827. С. 362).

Подобный взгляд на обособленные обороты как сокращенные придаточные предложения приводят в своих трудах А. Х. Востоков, И. И. Давыдов и Ф. И. Буслаев (*Руднев* А. Г. Синтаксис осложненного предложения. М.: Учпедгиз, 1959. С. 8−9; *Чуглов* В. И. Осложненное предложение в современном русском языке: полупредикативные и пояснительные конструкции (в структурно-семантическом аспекте). Вологда: ВИРО. 2011. С. 12.).

Ошибочность и антиисторичность данной теории была доказана А. А. Потебней, внесшим большой вклад в развитие теории обособления, поставив вопрос об интонационном выделении особой синтаксической конструкции − приложении (appositio) в качестве члена простого предложения: «Приложение не происходит от зависимого предложения и не есть такое предложение, а имеет функцию, среднюю между собственно определением и определительным предложением с глагольным сказуемым» (*Потебня* А. А. Из записок по русской грамматике. М.: Учпедгиз, 1958. Т. 1−2. С. 9.).

Дальнейшее развитие идея А. А. Потебни находит в работах Д. Н. Овсянико-Куликовского, А. А. Шахматова, В. В. Виноградова (*Патроева* Н. В. Указ. соч. С. 14-15.).

В последующие десятилетия категория обособления все так же привлекает внимание исследователей. Подвергая критики критерии обособления, выделенные А. М. Пешковским, А. Г. Руднев предлагает свое определение обособленного члена предложения: «Обособленным называется такой второстепенный член предложения, который используется в речи для усиления, пояснения либо уточнения смысловой роли, связи его с определяемым членом предложения и выделяется при произношении и на письме» (*Руднев* А. Г. Синтаксис… С. 28.).

Таким образом, обобщая краткий обзор истории изучения обособленных членов предложения, заключаем, что ввиду различных взглядов на данную синтаксическую категорию, данный вопрос остается дискуссионным (*Патроева* Н. В. Указ. соч. С. 15.).

[118] *Стеценко* А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М.: Высшая школа, 1977. С. 122−124.

[119] *Георгиева* В. Л. История синтаксических явлений русского языка. М.: Просвещение, 1968. С. 98−99.

[120] *Спринчак* Я.А. Очерк русского исторического синтаксиса (Простое предложение). Киев: Учпедгиз, 1960. С. 125−128.

гипотаксического, синтаксиса. Древнерусскому синтаксису эта категория была еще неизвестна в силу его специфики, определяющей также и архаическую сущность его компонентов. Хронологически нижняя граница зарождения и утверждения в русском синтаксисе обособляемых атрибутивных компонентов едва ли переходит XVII век»[121], когда закрепляется норма левостороннего расположения присловного атрибута при прямом порядке слов, а правостороннее его расположение, как правило, приводит к появлению в структуре предложения оборота полупредикативного характера.

Отсутствие строгой нормы словорасположения, рыхлость структуры древнерусского предложения, в котором еще отсутствовала жесткая иерархия подчинительных связей и отношений не могут не подтвердить точку зрения профессора З. К. Тарланова, с которой отчасти соглашаемся и мы. Однако в исследуемых текстах уже встречаются именные и причастные обороты, пунктуационно выделенные текстологами (иногда непоследовательно), настаивая на том, что вопрос о времени зарождения категории полупредикативности остается действительно дискуссионным: иерархия компонентов структуре древнего предложения очень постепенно выстраивалась так, что обычный присловный атрибут и предицирующая часть (сказуемое – основной предикат, а также полупредикативные обороты) оказались четко противопоставлены своей локализацией (лево- и правосторонней).

Приведем некоторые примеры встречающихся в анализируемых памятниках оборотов с описанием их локализации по отношению к определяемому слову.

Причастные обороты

1. Контактная постпозиция атрибута (всего 84 примера[122])

---

[121] *Тарланов* З. К. Университетский курс русского синтаксиса в научно-историческом освещении. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2007. С. 300.

[122] Материал исследования представлен в виде электронной базы данных, доступной на сервере http://92.63.104.247/#/colls

Бога, спасающего насъ (ПФП[123], 436); *его, предстояща прѣд Пилатом* (ПФП, 440); *своего брата, рожьшагося по духу святымъ крещениемь* (ППЧ, 286); *немощьнаго бѣса, глаголемаго Трясцю* (ППЧ, 286); *древо, от пламяни изгыбающе* (ППЧ, 288); о *всякомъ глаголѣ, исходящимь изъ уст Божии* (СлКТ, 146); *къ бесплотному тѣлу, не имущее строина разума* (СлКТ, 146); *чада, съсущеи от сесцю ея* (СлКТ, 146); *тѣло Исуса, оклеветанаго от архиерѣи завистию* (СлКТ, 162); *Господа, глаголяща въ Евангелии* (СлСВ, 370); *слово, реченное Господомъ* (СлСВ, 372); *мати, видящи чада своя боляща* (СлСВ, 372); *о законѣ, Моисѣомъ данѣѣмъ* (СлИл, 26); *сына Агариина играюща съ сыномъ своимъ Исакомъ* (СлИл, 28); *заповѣди, ведущаа въ жизнь вѣчную* (СлИл, 40); *блаженному Соломону, рекущу въ Притчах* (ПослКС, 120); *чистѣишая вещь, влагаема въ нъ* (ПослКС, 134); *нас, уповающих на имя святое твое* (ПослКС, 136).

2. Дистантное расположение причастного оборота и определяемого слова

(всего 11 примеров)

матерью ***христианою****, наказывающа мя добру закону и норовмъ правовѣрныхъ послѣдовати* (ПФП, 448); *евангелист* ***богата нарицаеть****, пришьдьша от Аримафѣя* (СлКТ, 160); *тварь* ***веселиться*** *свобождаема от работы вражья* (СлКТ, 188); *человѣка* ***расслаблена****, долго врѣмя на одрѣ в недузѣ лежаща* (СлКТ, 192); *Исуса Христа, Бога нашего* ***прославим****, ицѣливъшаго нас от недуг грѣховных* (СлКТ, 198).

[123]Здесь и далее: ПФП – поучения Феодосия Печерского: «Слово о терпении, любви и посте», «Поучение о терпении и смирении», «Слово утешительное к братии душевной о пользе», «Поучение келарю»; ППЧ – «Поучения к простой чади»: «Поучение Моисея о чрезмерном излишестве», «Слово Моисея о присягах и клятвах», «Слово мудрого епископа Белгородского», СлКТ – слова и поучения Кирила Туровского: «Притча о человеческой душе и теле», «Слово о снятии тела Христова с креста», «Слово о белоризцах и монашестве», «Слово на Вербное воскресенье», «Слово о расслабленном»; СлСВ – «Слова и поучения Серапиона Владимирского», СлИл – «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона; ПослКС – «Послание Климента, митрополита русского, написанное к смоленскому пресвитеру Фоме, истолкованное монахом Афанасием», ПослЯк – «Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу», ПослФП – Послания Феодосия Печерского князю Изяславу Ярославичу: «О вере христианской и о латинской» и «О неделе», ПослДан – «Послание о повинных» Даниила Юрьевского.

Начало формирования категории обособления в древнерусский период особенно заметно на примере конструкций с причастным оборотом при местоимении, так как сочетаемость местоимений такова, что они не допускают присутствия обычного определения. Например, *тя, повивающаго мъглою землю* (СтКТ, 164); *тя, небо облакы покрывающаго* (СлКТ, 164); *о нас, хвалящих тя* (СлКТ, 170); *о нас, чтущих твою с мюроносицами память* (СлКТ, 170).

Субстантивные обороты

Несмотря на то, что обороты с именем существительным более поздние по времени своего активного распространения в современном русском литературном языке, чем причастные, они, по наблюдениям историков языка, также встречаются и в древнерусских текстах[124]. Из анализируемых нами памятников письменности нами были выявлены 37 атрибутивных конструкций с существительным – обособленным приложением. Примечательно, что все конструкции постпозитивны (частоту этой позиции отмечали В. И. Борковский и П. С. Кузнецов[125]; это же отмечается и в современном русском языке[126]): *рабъ моихъ, пророкъ и апостолъ* (ПФП, 438); *святаго Феодосия, игумена Печерьскаго монастыря в Кыеве* (ПФП, 444); *поучение философа, епископа Бѣлгородьскаго* (ППЧ, 286); *к Василию, игумену Печерьскому* (СлКТ, 170); *Христос, благыи человѣколюбець* (СлКТ, 190); *азъ бо, грѣшныи вашь пастухъ* (СлСВ, 372); *азъ, грѣшныи отець вашь* (СлСВ, 372); *Аврааму, отцу своему* (СлИл, 28); *Боже, спасителю нашь* (СлИл, 42); *Исуса Христа, Сына Божиа* (СлИл, 42); *нашего учителя и наставника, великааго кагана нашеа земли Володимера, вънука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава* (СлИл, 42); *Изяслава князя, сына Ярославля, внука Володимеря* (ПослФП, 168); *Сыномъ, Господемъ нашим Исус Христомъ* (ПослДан, 56); *князя, отца своего* (ПослДан, 56);

[124] *Патроева* Н. В. Указ. соч. С. 92.
[125] *Борковский* В. И., *Кузнецов* П. С. Историческая грамматика русского языка. М.: КомКнига, 2006. С. 416.
[126] Там же. С. 95.

Климентом, мтрополитом рускым (ПослКС, 118); *Фомѣ, просвитеру Смоленскому* (ПослКС, 118); *Исава, брата своего* (ПослКС, 122); *Христу, солнцу праведному* (ПослКС, 128).

Наиболее частотными являются конструкции с приложением, обозначающим должность, титул определяемого лица, к примеру, *Феодоса, игумена Печерьскаго* (СлКТ, 180), *Кирила, многогрѣшнаго мниха* (СлКТ,170); *Давыдъ, пророк и цесарь* (ПослФП, 169), *Ирасъ, пастухъ его* (ПослКС, 124). В иных случаях существительное (приложение) обозначает родственные связи, например, *Исава, брата своего* (ПослКС, 122); *Фамара, сноха его* (ПослКС, 122), Третьей группой по частоте использования являются конструкции с атрибутом – характеристикой лица-библеизмом (*ти, рабе лукавыи* (ПФП, 442); *азъ бо, грѣшныи вашь пастухъ* (СлСВ, 372).

Так же, как и в случае с причастными оборотами, обращают на себя внимание конструкции с определяемым словом – местоимением, например *азъ бо, грѣшныи вашь пастухъ* (СлСВ, 372); *азъ, грѣшныи отець вашь* (СлСВ, 372), являющимися, по нашему мнению, «первыми вестниками» становления категории обособления в древнерусском языке ввиду постпозитивной позиции и интонационного выделения атрибута.

В «Слове о законе и благодати митрополита Илариона» (*Марию матерь его* (СлИл, 160); *Кирила многогрѣшнаго мниха* (СлИл, 170) и речах Кирила Туровского (*пророкъ писавъших о Христѣ всяко нашего язычнаго спасения* (СлКТ, 188); *жидове не порадавашая о съдравии немощьнаго* (СлКТ, 196); *жидове ни въздаша хвалы Богови* (СлКТ, 196), отмечена непоследовательность пунктуационного оформления причастных и субстантивных групп: отсутствие обособления в некоторых примерах наряду с обособленными в аналогичных случаях в ходе текстологической работы. То же наблюдаем иногда и в посланиях: *Давыдъ пророк и цесарь* (ПослФП, 169); *Господа с небес уже грядущаа на судъ человѣческымъ таинамъ* (ПослЯк, 390); *о крастелѣхъ согнивающих до утриа* (ПослКС, 140). Тогда

как, напротив, препозитивные обороты (единичный случай) могут быть обособлены: *сѣдяи на хѣрувимѣхъ, Вседержьць* (ПослЯк, 388).

Далее, во второй и третьей главах, представлено разноаспектное описание только присловных согласованных и примыкающих атрибутов.

1.4. Выводы по главе 1

1. Вопрос о порядке следования компонентов субстантивно-атрибутивных словосочетаний является дискуссионным на протяжении уже нескольких столетий. Описание системы факторов, обусловливающих локализацию атрибута, должно быть разноаспектным и комплексным.
2. Способы выражения определения в древнерусском языке свидетельствуют о разнообразии грамматики атрибутивных конструкций в языке синтетического строя и требуют учета морфологического критерия в качестве одного из основных при анализе порядка слов.
3. Порядок слов обусловливает, наряду с репертуаром конструкций, отбираемых книжником, тип языкового регистра и выполняет в высказывании целый ряд важнейших функций, что требует от исследователей учета не только структурно-грамматического, но и семантико-функционального и стилистического аспектов в ходе анализа дистрибуции компонентов словосочетания и предложения.

Глава 2. Структура и расположение компонентов атрибутивных словосочетаний в памятниках древнерусского красноречия XI−XIII вв.

Наряду с агиографическими, историческими и богословскими сочинениями важное место в древнерусском средневековом литературном дискурсе занимали памятники красноречия (ораторской прозы), которые, как и все книжные жанры, развивались в русле «религиозно-символического мировоззрения, проникнутого духом христианства»[127].

По жанровой природе тексты древнерусской ораторской прозы можно разделить на две группы: торжественного (эпидиктического) и учительного (дидактического) красноречия[128].

Памятники торжественного красноречия, яркими примерами которого признаны «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, слова и поучения Кирилла Туровского, создавались для широкой аудитории и, как правило, для публичного выступления. Поэтому их основными особенностями являются высокий стиль и пафос содержания, активное использование «риторических украшений», что способствует ритмизации текста[129].

Историки языка отмечают торжественный стиль написания поучений, для которого характерно антитезное сближение слов (*живые – мертвые, богатый – убогий*), использование экспрессивно-оценочных средств (*дождь благодатный*), сложных прилагательных, выступающих в роли эпитетов (*благодатное учение*)[130] и употребление «образов и фразеологических

---

[127] Красноречие Древней Руси (XI−XVII вв.) / сост., вступ. ст., подгот. древнерус. текстов Т. В. Черторицкой. М.: Советская Россия, 1987. С. 5−30.

[128] *Кириллин* В.М. «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона // История древнерусской литературы: аналитическое пособие. М. : Языки славянских культур. 2008. С. 427−435.

[129] Древнерусская литература. XI−XVII вв.: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред. В.И. Коровина. М.: ВЛАДОС. 2003. С. 58−65.

[130] *Кожин* А.Н. Указ. соч. С. 87−88; *Ларин* Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X−середина XVIII в.). СПб.: Авалон, Азбука-Классика, 2005.С. 138−152; *Еремин* И. П. Ораторское искусство Кирилла Туровского … С. 50−58.

оборотов из «священного писания»[131]. Также исследователи фиксируют в текстах применение архаичных нестяженных форм имен прилагательных[132].

Целью текстов дидактического красноречия было воспитание высоких моральных качеств и идеалов гражданского служения. Такие произведения были ориентированы на простой народ, поэтому ораторы стремились излагать свои мысли просто, без цитирования авторитетных источников и излишнего использования риторических украшений[133].

По мнению В. В. Кускова «дидактическая церковная проповедь не имеет художественного значения, она лежит за пределами литературы»[134].

К данной группе памятников исследователи относят поучения Феодосия Печерского и Луки Жидяты. Из анализируемых нами текстов к вышеперечисленным также можно причислить и «Поучения о простой чади».

«Слова и поучения Серапиона Владимирского», представляющие собой своеобразный отклик автора на трагическое событие своего времени – нашествие татаро-монгол, являются «переходной формой между эпидиктическим красноречием и учительскими текстами» ввиду того, что «риторика и возвышенный слог поучений сочетаются с их ярко выраженной дидактической направленностью»[135].

В данном памятнике отмечается использование яркой образности, ретроспективной аналогии, риторических диалогов, создающих ритмизацию текста, а также обилие заимствований из священных текстов, что является важными признаками торжественного красноречия[136].

В настоящем исследовании в качестве материала мы привлекли следующие тексты древнерусского красноречия: «Слово о законе и

---

[131] *Горшков* А. И. Указ. соч. С. 32.
[132] *Молдован* А. М.Указ. соч. С. 57; *Андрейчева* Н. И. Указ. соч. С. 15−19.
[133] Красноречие Древней Руси (XI−XVII вв.). Указ. соч. С. 5−30; Древнерусская литература. XI−XVII вв. Указ. соч. С. 65.
[134] *Кусков* В.В. История древнерусской литературы. М.: Высшая школа. 2003. С. 73.
[135] Древнерусская литература. XI−XVII вв. Указ. соч. С. 185.
[136] Там же. С. 185−187.
История русской литературы XI−XVII веков: учеб. для студентов пед. ин-ов / под ред. Д.С. Лихачева. М.: Просвещение. 1985. С. 149−151.

благодати» митрополита Илариона[137], «Слова и поучения Серапиона Владимирского»[138], поучения Феодосия Печерского («Слово о терпении, любви и посте», «Поучение о терпении и смирении», «Слово утешительное к братии душевной о пользе», «Поучение келарю»)[139], «Поучения о простой чади» («Поучение Моисея о чрезмерном излишестве», «Слово Моисея о присягах и клятвах», «Слово мудрого епископа Белгородского»)[140], слова и поучения Кирилла Туровского («Притча о человеческой душе и теле», «Слово о снятии тела Христова с креста», «Слово о белоризцах и монашестве», «Слово на Вербное воскресенье», «Слово о расслабленном»)[141].

Из анализируемых текстов нами была извлечена 1771 атрибутивная конструкция, в том числе 1576 (89 %) двучленных атрибутивных конструкций и 195 (11 %) − трехчленных[142].

[137] Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб., 1997. Т.1.: XI−XII века. С. 26−61.
[138] Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб., 1997. Т. 5: XIII век. С. 370−385.
[139] Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб., 1997. Т. 1: XI−XII века. С. 434−454.
[140] Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб., 1997. Т. 4: XII век. С. 284−290.
[141] Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб., 1997. Т. 4: XII век. С. 142−204.
[142] Материал исследования представлен в виде электронной базы данных, доступной на сервере http://92.63.104.247/#/colls

2.1. Порядок слов в двухкомпонентных атрибутивных словосочетаниях

«Без понимания того, что происходит на синтаксическом уровне, невозможно понять, как устроены регистры книжного языка… Языковой опыт книжника, создающего книжные тексты, в первую очередь основан на усвоении книжного синтаксиса… Противопоставленные стратегии изложения отличаются друг от друга не одними формальными элементами (конструкциями), но более общими установками, касающимися подачи информации. Именно к этим установкам приспособлены репертуары формальных средств, характеризующих разные регистры»[143], − отмечает В. М. Живов. Для этих репертуаров и понимания стратегии (прагматики) архаического изложения принципиальное значение имеет и порядок словорасположения.

Из 1576 двучленных атрибутивных словосочетаний 881 (55 %) словосочетание характеризуется контактным препозитивным положением атрибута, 678 (44 %) – контактной постпозицией атрибута и 17 (1 %) – дистантным положением компонентов.

Из полученных данных следует, что препозитивные словосочетания численно превосходят конструкции с постпозицией атрибута: 55 % к 44 %. Преобладание препозитивного расположения атрибута имеется в трех из пяти анализируемых нами текстах, в «Словах и поучениях Серапиона Владимирского» и в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона наблюдаем превалирование постпозитивных конструкций (в первом тексте 44 % препозиции: 56 % постпозиции, во втором тексте – 49 % препозиции: 51 % постпозиции). По нашему мнению, это, возможно, связано с тем, что «слово», в отличие от собственно поучения, гораздо более склонно к использованию постпозитивной локализации атрибута как жанр, больше

[143] *Живов* В. М. Указ. соч. Т. 1. С. 327.

ориентированный на торжественный слог и подвергшийся несомненному влиянию церковной литературы, библейской традиции.

Представим сводную таблицу морфологического выражения атрибута в препозитивном и постпозитивном положении (табл. № 2.1).

Таблица № 2.1 – Морфологическое выражение атрибута в поучениях

	ПФП	ППЧ	СлКТ	СлСВ	СлИл
Морфологическое выражение атрибута в препозитивных контактных двучленных словосочетаниях					
полная форма прилагательного	89 (62 %)	24 (59 %)	258 (62 %)	42 (59 %)	119 (55 %)
краткая форма прилагательного	3 (2 %)	-	30 (7 %)	-	10 (5 %)
определительное местоимение	13 (9 %)	1 (2 %)	41 (11 %)	6 (8 %)	52 (24 %)
притяжательное местоимение	19 (13 %)	5 (12 %)	62 (15,8 %)	18 (25 %)	23 (10 %)
указательное местоимение	9 (6 %)	8 (20 %)	7 (3 %)	2 (3 %)	1 (0,5 %)
порядковое числительное	6 (4 %)	-	2 (0,5 %)	1 (1 %)	1 (0,5 %)
действительное причастие	1 (0,6 %)	-	1 (0,2 %)	-	-
страдательное причастие	2 (1,4 %)	2 (5 %)	-	-	2 (1 %)
существительное	3 (2 %)	1 (2 %)	2 (0,5 %)	3 (4 %)	9 (4 %)
Морфологическое выражение атрибута в постпозитивных контактных двучленных словосочетаниях					
полная форма прилагательного	52 (49 %)	5 (33 %)	60 (24 %)	34 (39 %)	66 (30 %)
краткая форма прилагательного	3 (3 %)	2 (12 %)	52 (21 %)	4 (4 %)	22 (11 %)
определительное местоимение	1 (1 %)	-	4 (2 %)	-	-
притяжательное местоимение	47 (44 %)	7 (43 %)	120 (49 %)	50 (55 %)	123 (55 %)
указательное местоимение	2 (2 %)	2 (12 %)	6 (2 %)	1 (1 %)	3 (1 %)
порядковое числительное	-	-	2 (1 %)	-	-

Продолжение таблицы 2.1.

	ПФП	ППЧ	СлКТ	СлСВ	СлИл
действительное причастие	-	-	-	-	2 (2 %)
страдательное причастие	1 (1 %)	-	-	-	-
существительное	-	-	1 (1 %)	1 (1 %)	3 (1 %)

Сочетание прилагательного и определяемого[144]

В большинстве случаев (от 55 % до 62 %) препозитивный атрибут выражен членной (местоименной) формой имени прилагательного, к примеру, [Поучения Феодосия Печерского]: *благаго рая* (452), *честьнаго креста* (452), *на виноградьнаго владыку* (434), *лютым грѣхомъ* (442), *о душевнѣй ползѣ* (442); [Поучения о простой чади]: *телеснымь дѣломъ* (284), *от небеснаго царьства* (290), *сатанина невѣста* (290); [Слова и поучения Кирилла Туровского]: *всеродьную клятву* (198*), на праведный судъ* (196), *ангельским силам* (194), *вѣчныя жизни* (142), *царьское сребро* (142); [Слова и поучения Серапиона Владимирского]: *от злыхъ дѣлъ* (382), *великою любовью* (380), *поганьскаго обычая* (378), *преподобнаго Серапиона* (378), *въ послѣдняя лѣта* (370).

Также в эпизодах поучений Феодосия Печерского и «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, в которых даются духовные наставления или описываются христианские традиции, встретились нестяженные формы имен прилагательных (примечательно, что они превалируют в препозитивном положении), что подтверждает мнение исследователей об ограниченном круге лексем, имеющих данные формы[145]: *грядущаа мука* (ПФП, 442), *адъскаа мѣста* (ПФП, 442), *добрыими дѣлы* (ПФП, 450),

[144] В нашей работе мы используем принцип распределения атрибутивных словосочетаний, предложенный А. С. Улитовой в диссертационном исследовании «Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в памятниках русской деловой и книжной письменности XVII века» (2016).
[145] Древнерусская грамматика XII−XIII вв. Указ. соч. С. 294−330.

бѣсовскыих помышлений (ПФП, 436), *человѣколюбиваго Бога* (СлИл, 60), *святыихъ иконъ* (СлИл, 60), *Святаго Духа* (СлИл, 58), *деснаго стояниа* (СлИл, 56). Употребление нестяженных форм, по нашему мнению, также связано и с влиянием старославянского языка и стремлением автора приблизить свой текст к каноническим образцам: «исключительно книжный характер имеет лексика Илариона»[146].

Что касается кратких (именных) форм имен прилагательных, то они не нашли своего широкого употребления в препозитивных словосочетаниях. В «Поучениях о простой чади» и в «Словах и поучениях Серапиона Владимирского» в качестве препозитивного атрибута именные адъективы не используются, а в остальных текстах процент их употреблений − от 2 % до 7 %: [Поучения Феодосия Печерского]: *мрьтву жертву* (452), *святи апостоли* (446), *чюжѣ вѣры* (450); [Слова и поучения Кирилла Туровского]: *святу олтарю* (152), *едемскы рай* (146), *благодарственна человѣка* (142), *велика скровища* (182), *иерѣйску чину* (188).

Исследователь И. В. Баданина отмечает, что краткие формы имен прилагательных тяготеют к положению после определяемого слова[147]. Во всех анализируемых нами текстах этот факт нашел свое подтверждение: в поучениях Феодосия Печерского 2 % препозиции краткой формы имени прилагательного – 3 % постпозиции (*жрьтву чисту* (452), *жрьтву непорочну* (452), в «Поучениях о простой чади» краткой формы прилагательного в препозиции нет – 12 % постпозиции (*пса мертва* (288), *дѣла сатанина* (288), в «словах» и поучениях Кирилла Туровского 7 % препозиции – 21 % постпозиции (*пещера же глубока* (176), *стѣны каменны* (200), *душа чиста* (184), *по граду велика* (172), *душу цѣломудрену* (142), в «Словах и поучениях Серапиона Владимирского» краткой формы прилагательного в препозиции нет – 4 % постпозиции (*вѣру тверду* (380), *казни болша* (370), *милость Господня* (374), *в воли Господни* (370), в «Слове о законе и благодати»

[146] *Андрейчева* Н. И. Указ. соч. С. 15.
[147] *Баданина* И. В. Указ. соч. С. 19.

митрополита Илариона 5 % препозиции краткой формы – 11 % постпозиции (*новы языкы* (38), *человѣчьска естьства* (28), *добръ послухъ* (50), *Духа Свята* (58), *пѣснь нову* (32), *пиръ великъ* (30).

Однако, несмотря на то, что в положении после определяемого слова именных форм прилагательных больше, чем в препозитивном положении (34 % препозиции, 66 % постпозиции), данные формы нельзя назвать превалирующими в постпозиции: численный перевес, как и в положении перед определяемым словом, остается у местоименных форм прилагательных. Например, [Поучения Феодосия Печерского]: *годинъ павечерних* (440), *жизни бесконечной* (454), *о службѣ церковнѣй* (444), *рабе лукавый* (442); [Поучения о простой чади]: *душою челвѣческую* (286), *въ вѣрѣ честьнѣй* (284); [Слова и поучения Кирилла Туровского]: *друзии же противныя* (168), *милостыню ручную* (200), *Соломон премудрый* (192), *от сказания евангельскаго* (190), *сын погыбелный* (182); [Слова и поучения Серапиона Владимирского]: *каменее огненное* (382), *обычай поганьский* (382), *дѣлъ поганьскыхъ* (380), *дѣлехъ злыхъ* (378), *веселья бесконечнаго* (372), [Слово о законе и благодати митрополита Илариона]: *жертву бесквернъную* (44), *слово евангельское* (44), *Бога живааго* (40), *съ птицами небесными* (40). Полученные данные можно аргументировать отмечаемым медиевистами снижением употребления именных форм в древнерусском языке. Исследователи, проведя анализ разножанровых памятников XI–XIV вв., пришли к выводу, что, начиная уже с XI века, происходил спад употребление кратких форм имени прилагательного[148].

Распределим атрибутивные словосочетания на три группы, в зависимости от лексико-грамматического разряда имени прилагательного и рассмотрим каждую подробнее (табл. № 2.2).

[148] Историческая грамматика русского языка. Указ. соч. С. 163−165; *Пельтина* М. Н. Определения, выраженные прилагательными, в истории русского языка в сопоставлении с английским языком // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2010. №3. С. 113−120; *Георгиева* В. Л. Синтаксические функции прилагательных … С. 1−23.

Таблица № 2.2 – Зависимость положения атрибута от разряда прилагательного

Положение атрибута в СС[149]	Лексико-грамматический разряд имени прилагательного		
	качественное	относительное	притяжательное
препозиция	370 (76 %)	155 (77 %)	50 (33 %)
постпозиция	115 (24 %)	86 (23 %)	100 (67 %)

Сочетание качественного прилагательного и определяемого

1. Препозиция качественного прилагательного

1.1. Препозиция полного качественного прилагательного

[Поучения Феодосия Печерского]:

славнаго пророка (452), *честьнаго креста* (452), *богатую милость* (452), *живымъ тѣломъ* (452), *мертвымъ тѣломъ* (452), *неправедное ученье* (452), *добрыими дѣлы* (450), *чюжую вѣру* (450), *законьною женою* (448), *худый мнихъ* (448), *боголюбивый княже* (446), *съ вышнею молитвою* (442), *вѣрное око* (442), *непроходимая мѣста* (442, 2 раза), *добрым пенязником* (442), *о душевнѣй ползѣ* (442), *боголюбивыми человѣкы* (434), *горкых водъ* (436), *богоносивый Феодоръ* (438), *непостыдномъ лицемъ* (438), *добродѣтелныа вѣнца* (438), *неродивых мужь* (440), *на старѣйшеи сторонѣ* (440), *прѣдъ худымъ человѣкомъ* (440), *тщивымъ дѣлателемъ* (440), *о душевнѣй ползѣ* (442), *от благого подвизания* (442), *божественаго Феодора* (444), *святаго Феодосиа* (438), *святыхъ женъ* (452), *человѣколюбивый Бог* (442), *благый Богъ* (442), *благаго рая* (454), *преподобныхъ отець* (452), *святыхъ мощей* (450), *святый олтарь* (440).

Традиционные устойчивые словосочетания:

Святымъ Духомъ (454, 4 раза), *святыхъ отец* (452, 2 раза), *ради святыя*

[149] Здесь и далее: СС – субстантивно-атрибутивное словосочетание.

Богородица (452, 6 раз), *правую вѣру* (452, 6 раз), *пресвятой Троицѣ* (448), *святое Евангелие* (434, 4 раза), *лютым грѣхомъ* (442), *благаго Владыкы* (438, 4 раза), *божественных словесъ* (442), *Чьрьмное море* (446), *въ правовѣрней вѣрѣ* (448, 3 раза).

[Поучения о простой чади]:

телеснымь дѣломъ (294), *немощнаго бѣса* (286), *заколенаго сына* (286), *излишное похотѣние* (284), *о безъвременьнѣмь пиянствѣ* (284), *безвременьнымь дѣяниемь* (284), *излишняго пития* (284), *духовнымъ дѣломъ* (284), *на святѣй трапезѣ* (286), *святыя литургия* (287).

Традиционные устойчивые словосочетания:

Святымъ Духомъ (290, 4 раза), *святое крещение* (288, 4 раза), *вѣчный огнь* (288), *в бесконечныя вѣки* (290).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:

всеродьную клятву (198), *внутренний вертеп* (176), *вѣрнѣй человѣк* (194, 2 раза), *от грѣховных недуг* (192), *благый человѣколюбець* (190), *грѣшнаго мниха* (192), *пророческих писаний* (186), *благовѣрныя люди* (186, 2 раза), *различныя дары* (184), *грубом языком* (184), *плотскыми похотми (*182), *доброму пастырю* (182), *богоугоднаго подвига* (180), *житиискых печали* (180), *единородную дщерь* (180), *внутренняя добродѣтели* (180), *духовными жилами* (176), *душеполезное учение* (174), *благоразумный свѣтник* (174), *свѣтлую зарю* (172), *в послѣдней нищетѣ* (172), *на твердѣмъ камени* (172, 2 раза), *смертьный град* (168), *пламеньное оружие* (166), *от безаконьныхъ людий* (164), *честьную славу* (162), *тайный апостоле* (162), *единаго мѣста* (156), *живыя же крестьяны* (156), *милый господине* (204), *простою бѣседою* (204), *честный Василий* (204), *злымы мысльми* (202), *добраго начатка* (202), *къ богоблаженному Василию* (198), *богохульная словеса* (196), *смертная память* (176), *животворную чашю* (178), *честных причастньцѣх* (178), *люботрудными молитвами* (178), *пророческими гласы* (178), *о едином*

грѣшници (178), *умных человѣк* (178), *многою силою* (178), *немолчьная алилургия* (176), *на противнаго дьявола* (174), *на будущаго вѣка* (172), *нижняго свергѣпьства* (172), *потаенное житие* (172), *различная оружиа* (172), *безаконьными жьрцьмъ* (164), *невидимаго Господа* (164), *безздушьное тѣло* (162), *драгое имя* (162), *съ многоцѣньнымь каменьемь* (158), *исконное дѣло* (146, 2 раза), *злою печалью* (152), *нечестивых грѣхолюбець* (148), *иновѣрныхъ скверникъ* (148), *нужныя одежа* (146), *мутный ум* (144), *к бесплотному тѣлу* (146), *порядних словес* (144), *честный камень* (142), *спасенных словес* (142), *тридневнаго въскресения* (170, 2 раза), *благым дѣлом* (152), *великая чюдеса* (188), *чюдотворныя мощи* (154), *преподобными игумѣны* (204), *священному Авелю* (152), *будущаго вѣка* (142).

Традиционные устойчивые словосочетания:

пресвятыя Богородица (204, 2 раза), *Святаго Духа* (204, 17 раз), *святых отець* (202), *святаго крещения* (192, 2 раза), *жьртвьных овець* (192), *святых мужь* (174), *в вѣчную жизнь* (158, 3 раза), *бесконьчную жизнь* (192, 3 раза), *в вѣчном животѣ* (180), *святыя Богородица* (204), *Святѣй Троици* (200), *съ Пресвятымъ Духомъ* (198, 2 раза), *Новый закон* (198), *на праведный судъ* (196), *с святыми ангелы* (178), *тайный апостоле* (162), *в Послѣднии день* (154),

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]:

злый волкъ (382), *великою любовью* (382), *болшая заповѣдь* (378), *милосердныма очима* (376), *честные кресты* (376), *сердечныма очима* (374), *безаконными дѣлы* (372), *злыи обычаи* (372, 2 раза), *напрасного разлученья* (370), *скверныхъ судовъ* (370), *въ послѣдняя лѣта* (370), *боготворенаго человѣка* (380), *невиныя человѣкы* (378), *праведное богатьство* (376), *единаго лѣта* (374), *добрым обновлениемь* (372), *клятстаго прелюбодѣиства* (370), *криваго рѣзоимьства* (370), *при послѣднихъ людех* (370), *от злыхъ дѣлъ* (382), *блаженаго Серапиона* (382), *преподобнаго Серапиона* (378, 3 раза).

Традиционные устойчивые словосочетания:

Пречистымъ Духомъ (376), с *пресвятымъ Духомь* (372).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:

сладкааго лица (52), *честная глава* (52), *трисолнечьнаго Божьства* (52), *мертвыа тѣлесы* (52), *от богочестьвыихъ епископ* (60), *деснааго стояниа* (56), *благыи человѣколюбець* (56), *лъжууму пророку* (56), *злааго ради житиа* (54), *малое стадо* (54), *съ многымъ съмѣрениемъ* (48), *великааго Коньстантина* (48), *от благааго съмысла* (46), *сладкую чашу* (46), *прѣмужьственыи Василие* (46), *въ вышниимъ градѣ* (44), *ветъхааго человѣка* (44), *всемилостивое око* (44), *славнааго Святослава* (42), *старааго Игоря* (42), *великааго кагана* (42), *малыими похвалами* (42), *похвальныими гласы* (42), *новааго учениа* (38), *при благодѣтьнѣитм солнци* (30), *къ благодѣтьному крещению* (26), *добрыихъ дѣлъ* (52, 7 раз), *благыимъ дѣломъ* (52, 3 раза), *нетвердии вѣрою* (56), *на Великыихъ вратѣхъ* (50), *истиньнааго Бога* (56), *человѣколюбиваго Бога* (60), *от благааго Бога* (48, 3 раза), *святыимъ олтаремь* (44), *святыихъ иконъ* (60), *въ святую купѣль* (46, 2 раза).

Традиционные устойчивые словосочетания:

единосущную Троицу (52), *Святаго Духа* (60, 9 раза), *святыихъ отець* (60, 3 раза), *будущаго вѣка* (58, 4 раза), *съ Пресвятыимъ Духомъ* (56), *на Страшнемъ Судѣ* (54), *святаго Благовѣщениа* (52), *Святѣи Богородици* (50), *святаа церкви* (50, 3 раза), *от новааго Иерусалима* (48), *от Святыихъ писании* (48), *от святыихъ мужь* (46), *прѣдъ Святѣи Троици* (44, 3 раза), *единого Бога* (44, 4 раза), *православнѣи вѣрѣ* (42), *на вѣчную жизнь* (26), *истиннаго свѣта* (40).

1.2. Препозиция краткого качественного прилагательного

[Поучения Феодосия Печерского]:

мрьтву жертву (452), *чюжѣ вѣры* (450).

Традиционные устойчивые словосочетания:
святи апостоли (446).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:
суха древа (202), *на твердѣ основѣ* (202), *честьна дому* (184), *велика скровища* (184), *добра риза* (176), *духовна оружиа* (174), *в един час* (174), *велика богатства* (168), *в укромнѣ мѣстѣ* (156), *в Послѣдни день* (154), *величава гордость* (150), *славна житья* (150), *благодарственна человѣка* (142).
Традиционные устойчивые словосочетания:
в бесконечны живот (156, 2 раза).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:
добръ послухъ (50), *дивно чюдо* (46), *новы языкы* (38), *нъ ново учение* (38), *на новы люди* (38).

2. Постпозиция качественного прилагательного

2.1. Постпозиция полного качественного прилагательного

[Поучения Феодосия Печерского]:
рабе лукавый (442), *на страхъ великый* (440), *съ боязнию великою* (438), *въ чрътогъ радостный* (434), *вожди истинии* (434), *квасъ злосрѣлюбнаа* (436).
Традиционные устойчивые словосочетания:
животъ вѣчный (452, 2 раза), *мукы вѣчьныя* (452), *жизни бесконечной* (454), *къ морю Чрьному* (436, 2 раза), *мукамъ бесконечнымъ* (438), *жизни вѣчьнѣй* (450, 2 раза), *Духа Святаго* (448), *ангелы бесплотныа* (440), *свѣт истинный* (440).

[Поучения о простой чади]: *въ вѣрѣ честьнѣй* (284).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:

друзии же противныя (168), *Соломон премудрый* (168), *в разум истиньный* (194), *трапез богобойных* (192), *на страсть волную (*192), *сын погыбелный* (182), *Иосифа приснопамятнаго* (168), *осуждения грѣховнаго* (166), *от тлѣния грѣховьнаго* (156), *духа животнаго* (150), *пир зовый* (146), *смертию безлѣпотьною* (162), *древо животное* (152, 2 раза), *древа породнаго* (152).

Традиционные устойчивые словосочетания:

отче святый (182), *в живот вѣчьный* (188, 3 раза), *в день Судный* (152), *в землю обѣтованную* (192), *в недѣлю цвѣтную* (192), *Духъ Святый* (164, 2 раза), *Сына вышняго* (160).

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]:

грѣхи многия (370), *всякъ поганый* (384), *казни страшныя* (378), *огнь неугасаемый* (376), *от дѣлъ неподобныхъ* (372), *сѣмя божественное* (372), *веселья бесконечнаго* (372), *свѣтилъ великихъ* (370), *дѣлехъ злыхъ* (378).

Традиционные устойчивые словосочетания:

Духомъ Святымъ (380, 2 раза).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:

брѣмя грѣховное (48), *жертву бескверньную* (44), *въ странахъ многах* (42), *Бога живааго* (40), *вѣра бо благодѣтьнаа* (38), *дождь благодѣтныи* (32), *къ богу туждему* (36), *печалемь житиискамъ* (34), *хвалами божественами* (50), *градъ всеславнии* (50), *градъ святыи* (50), *съсуды честныими* (50), *камениемъ драгыимъ* (50), *на сыны свободныа* (30), *от обрѣзаниа законьнааго* (30), *сына свободныа* (30), *крещение благодатьное* (30), *Бога истиньнааго* (32).

Традиционные устойчивые словосочетания:

въ жизнь вѣчную (40, 3 раза), *Духъ Святыи* (58, 3 раза).

2.2. Постпозиция краткого качественного прилагательного

[Поучения Феодосия Печерского]:

жрьтву чисту (452), *жрьтву непорочну* (452), *гласъ немлъны* (438).

[Поучения о простой чади]: *пса мертва* (288, 2 раза).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:
душа чиста (184), *телеса бескверьна* (184), *плоть немощна* (180), *человѣк высок* (176), *по граду велика* (172), *пѣснь нову* (146), *мужу домовиту* (142), *душу цѣломудрену* (142), *пещера же глубока* (176).
Традиционные устойчивые словосочетания: *от Духа Свята* (200).

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]:
вѣру тверду (380), *казни болша* (370, 2 раза), *душа чиста* (372).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:
въ пути гладъкы (42), *отъ Дѣвицѣ бесквернены* (34), *отъ Дѣвицѣ безмужны* (34), *отъ Дѣвицѣ чисты* (34), *пѣснь нову* (32), *пиръ великъ* (30), *гоститву велику* (28), *от Бога истинна* (58, 2 раза).
Традиционные устойчивые словосочетания:
Духа Свята (58, 3 раза), *Троицу единобожествену* (56).

3. Словосочетания с дистантным положением атрибута, выраженным качественным именем прилагательным

Атрибутивные словосочетания кроме контактного расположения своих членов знали, как и в современном русском языке, дистантное положение. Исследователи отмечают, что разница между современным и древнерусским состоянием такого атрибутивного словосочетания заключается «не в наличии или отсутствии дистантного расположения согласованного определения, а в распространенности такого расположения: как будто, дистантное расположение определения в восточнославянских памятниках имеет большее

распространение, чем в современных текстах»[150].

Основными разрывающими компонентами (т.е. стоящими между определением и определяемым словом), по мнению ученых, являются предлоги, личные и притяжательные местоимения, несогласованные определения[151]. Между определением и определяющим словом могли быть и другие части речи и даже целые группы слов, но подобные случаи были намного.

В данной и последующих главам мы разделим полученные нами словосочетания на две группы: дистантные атрибутивные словосочетания с разрывающим компонентом – служебной частью речи и дистантные атрибутивные словосочетания с разрывающим компонентом – самостоятельной частью речи.

Разрывающий компонент – служебная часть речи

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:

Авраама ***ради*** *възлюбленаго* (174), *скораго* ***ради*** *покаяния* (180).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:

злааго ***ради*** *житиа* (54).

Разрывающий компонент – самостоятельная часть речи

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:

добрая ***творити*** *дѣла* (186), *к велицѣй* ***приведе*** *горѣ* (176), *в злых* ***пребываютъ*** *дѣлѣхъ* (150), *духовная* ***нам*** *красота* (158), *достойную* ***въздающе*** *честь* (180), *свѣтлая* ***сиящи*** *заря* (176).

***

Выполнив анализ контактных атрибутивных конструкций с атрибутом − качественным именем прилагательным (как в местоименной, так и в именной форме), замечаем, что данного типа словосочетаний характерно

[150] *Санников* В. З. Указ. соч. С. 76.

[151] Историческая грамматика русского языка. Указ. соч. С. 148−173.

положение перед определяемым словом. Так, на 370 случаев употребления словосочетаний с препозицией (76 %) имеем 115 случаев с постпозицией атрибута (24 %).

Краткие качественные прилагательные в сравнении с полными формами реже употребляются как в препозиции (96 % членных форм, 4 % – нечленных): в «Поучениях о простой чади» и в «Словах и поучения Серапиона Владимирского» их нет вообще, в поучениях Феодосия Печерского процент их употребления равен 2 %, в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона – 5 %, в словах и поучениях Кирилла Туровского – 7 %, так и в постпозиции (74 % членных форм, 26 % − нечленных).

Однако, если проанализировать расположение каждой формы отдельно, то можно заметить преобладание в препозиции местоименных адъективов (80 % препозитивных полных форм, 20 % − постпозитивных), тогда как именные прилагательные тяготеют к постпозитивному положению (44 % препозитивных кратких форм, 56 % − постпозитивных).

Особое внимание следует обратить на употребляемые в жанрах древнерусского красноречия традиционные устойчивые словосочетания (или «стилистические формулы», «постоянные формулы», «стилистические трафареты», «стилистические шаблоны»). Почти 80 % устойчивых словосочетаний связано с обозначением религиозных понятий, где самой распространенной лексемой стало прилагательное *святыи* (примечательно, что В. И. Борковский выделяет «лексические словосочетания» только с прилагательными *святыи* и *великыи*[152]). Кроме словосочетаний *от Духа Свята*, *отче святыи* во всех выделенных нами атрибутивных конструкциях прилагательное находится в препозиции.

В. В. Колесов, анализируя подобные устойчивые словосочетания в житийных текстах Кирилла Туровского, выделил несколько лексико-семантических групп в зависимости от слова, определяемого

[152] *Евстифеева* Р. А. Указ. соч. С. 162−203.

прилагательным *святыи*: источник святости (Бог, Дух, Троица), проводник святости (Богородица, ангелы, апостолы), воплощение святости (церковь, ритуалы) и свидетельства святости (молитва, Евангелие, книги)[153].

На постоянство связи определяемого и определения указывают не только регулярная повторяемость, свидетельствующая о формировании устойчивости, «формульности» словосочетания, но и фиксация таких групп в качестве целостных комплексов в исторических словарях («Словарь древнерусского языка XI−XIV вв. в 10 т. » и «Словарь русского языка XI−XVII вв.»).

Конструкции с дистантным положением атрибута употребляются в словах и поучениях Кирилла Туровского и в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона. Выполнив их анализ, делаем вывод, что для дистантных словосочетаний с атрибутом, выраженным качественным именем прилагательным, в которых разрывающий компонент выражен знаменательной частью речи, характерна 100 % препозиция атрибута. В дистантных словосочетаниях, где разрывающий компонент представлен служебной частью речи (предлог *ради*), число препозитивных и постпозитивных словосочетаний практически одинаково. Из знаменательных частей речи разрывающим компонентом в атрибутивных словосочетаниях выступают глагол (3 примера), причастие (2 примера) и местоимение (1 пример).

Обращает на себя внимание использование предлога в субстантивно-атрибутивных словосочетаниях: хотя примеров предложных конструкций меньше, чем беспредложных (117: 368), все же качественное прилагательное в словосочетаниях, где есть предлог, стоит чаще в положении перед определяемым словом (табл. № 2.3).

[153] *Колесов* В. В. Древнерусский святой // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. 48. С. 96−99.

Таблица № 2.3 − Позиция атрибута, выраженного качественным прилагательным, в предложных словосочетаниях

	Препозиция атрибута	Постпозиция атрибута
+ предлог[154]	78 (67 %)	39 (33 %)

Таким образом, предлог оказывает влияние на препозитивное положение атрибута, что подтверждает мнение исследователей Д. Ворта и Ф. Р. Минлоса[155].

Анализ лексико-грамматических разрядов существительных[156], выступающих в роли определяемого слова в атрибутивных словосочетаниях, показал, что в конструкциях с препозитивным и постпозитивным положением атрибута определяемое слово в подавляющем большинстве представлено конкретным именем существительным (79 % в препозиции, 91 % в постпозиции).

Примечательно, что имена собственные преимущественно употребляются в препозиции (89 %).

Среди нарицательных имен существительных 77 % − это конкретные существительные, 23 % − абстрактные. Вещественные и собирательные существительные в роли определяемого слова нами обнаружены не были (табл. № 2.4).

---

[154] Здесь и далее: + предлог – предложное атрибутивное словосочетание; - предлог – беспредложное атрибутивное словосочетание.

[155] *Worth* D. Animacy and adjective order: the case of новъгородьскъ. An explanatory microanalysis // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1985. № 31/32. P. 533−554.
Минлос Ф. Р. Позиция атрибута внутри именной группы… С. 203−216.

[156] Опыт диахронического описания групп лексики см. в работе Г.В. Судакова (*Судаков* Г.В. Типология лексических групп русского языка // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2017. № 2 (55). С. 78−91.)

Таблица № 2.4 − Зависимость положения атрибута, выраженного качественным прилагательным, от разряда существительного

Положение атрибута в СС	Лексико-грамматические разряды имен существительных				
	собственные	нарицательные			
		вещ.[157]	собир.	абстракт.	конкрет.
препозиция	77	-	-	64	229
постпозиция	10	-	-	28	79

Среди абстрактных имен существительных наиболее распространены семантические группы «вера, религия»[158] (*въ вѣрѣ* (ПФП, 450; ППЧ, 284); *мукы* (ПФП, 450); *милость* (ПФП, 452); *рая* (ПФП, 452); *въскресения* (СлКТ, 168); *добродѣтели* (СлКТ, 180); *грѣхи* (СлСВ, 370); *от обрѣзаниа* (СлИЛ, 30); *крещение* (СлИл, 30) и «чувства, эмоциональные состояния, их проявления» (*страхъ* (ПФП, 440); *печалью* (152, СлКТ); *любовью* (380, СлСВ).[159]

По результатам анализа атрибутивных конструкций с конкретными именами существительными в роли определяемого слова можем отметить, что в текстах древнерусского красноречия наиболее употребительными оказались следующие лексико-семантические группы: «предметы, связанные с богослужением, с культовыми обрядами»[160] (*креста* (ПФП, 452); *вѣнца* (ПФП, 438); *Писания* (ПФП, 446); *на трапезѣ* (ППЧ, 286); *мощи* (СлКТ, 154); *купѣль* (СлКТ, 46) *иконъ* (СлИл, 60); *чашу* (СлИл, 46); «названия лиц в сфере

[157] Здесь и далее: веществ. – вещественные имена существительные; собират. – собирательные имена существительные; абстракт. – абстрактные имена существительные; конкрет. – конкретные имена существительные.

[158] Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т.3. Имена существительные с абстрактным значением. Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояния природы, человека. Общество. М.: Азбуковник, 2003. С. 314−335.

[159] Там же. С. 238−271.

[160] Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т.1.: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Все живое. Земля. Космос). М., 2001. С. 376−384.

религии и культов»[161] (*ангелы* (ПФП, 440); *чада* (ПФП, 440); *от отца* (ПФП, 448; СлКТ, 48); *Владыкы* (ПФП, 434); *апостолъ* (ПФП, 448); *мнихъ* (ПФП, 448); *пророка* (ПФП, 452); *бѣса* (ППЧ, 286); *от мужь* (СлКТ, 46); *пастырю* (СлКТ, 48); *от епископъ* (СлИл, 60).

Распределив качественные прилагательные, выступающие в роли атрибута в текстах поучений, по лексико-семантическим группам, получаем следующую картину: процент употребления лексико-семантической группы (далее − ЛСГ) прилагательных «общественно-государственная сфера; религия»[162] выше у постпозитивных адъективов (к примеру, *ангелы бесплотныа* (ПФП, 440), *въ вѣрѣ честньнѣи* (ППЧ, 284), *от Духа Свята* (СлКТ, 200), *от Бога истинна* (СлИл, 58), чем у препозитивных (например, *боголюбивый княже* (ПФП, 446), *пресвятой Троицѣ* (ПФП, 448), *къ богоблаженному Василию* (СлКТ, 198), *Пречистым Духомъ* (СлСВ, 376): у первых процент употребления равен 80 %, у вторых – 88 %. Вместе с тем в постпозитивном положении наблюдаем снижение количества прилагательных, относящихся к ЛСГ «восприятие окружающего мира»[163] (качественная характеристика / оценка объекта, события или явления): в постпозиции – 6 %, в препозиции – 14 %, к примеру, *Чьрьмное море* (ПФП, 446)*, излишняго пития* (ППЧ, 284), *окаяннаго пьянства* (ППЧ, 288), *великою любовью* (СлСВ, 382), *по граду вѣлика* (СлКТ, 172), *пѣснь нову* (СлКТ, 146). Аргументировать это явление, по нашему мнению, можно стремлением авторов уподобить свое произведение каноническим образцам, в которых выше процент постпозитивного положения атрибута, прилагательные же с качественной характеристикой объекта (не религиозной) располагаются чаще в препозиции.

Также в текстах древнерусского красноречия встретилась ЛСГ

[161] Русский семантический словарь. Т.1. Указ. соч. С. 198−205.
[162] Словарь-тезаурус прилагательных русского языка / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2012. С. 140−143.
[163] Словарь-тезаурус прилагательных русского языка. Указ. соч. С. 195−209.

качественных прилагательных «человек и его внутренний мир; оценка»[164] (*неродивыхъ мужь* (ПФП, 440), *худый мнихъ* (ПФП, 448), *честный Василий* (СлКТ, 204), *старааго Игоря* (СлИл, 42), *рабе лукавый* (ПФП, 442), *Соломон премудрый* (СлКТ, 168), процент употребления которой равен в пре- и в постпозиции (по 6 %).

Анализ положения атрибута, выраженного качественным прилагательным, с точки зрения влияния одушевленности[165] определяемого им существительного, дал нам следующие результаты: препозитивное положение качественного прилагательного преобладает как в словосочетаниях с одушевленными, так и с неодушевленными существительными, причем процент употребления в постпозиции больше с неодушевленными (табл. № 2.5).

Таблица № 2.5 − Зависимость положения атрибута, выраженного качественным прилагательным, от одушевленности имени существительного

Позиция прилагательного при одушевленном существительном		Позиция прилагательного при неодушевленном существительном	
препозиция	постпозиция	Препозиция	постпозиция
150 (71 %)	60 (29 %)	209 (76 %)	66 (24 %)

Таким образом, предположение Д. Ворта о постпозитивном положении прилагательного при определяемом одушевленном существительном не нашло своего подтверждения[166].

---

[164] Словарь-тезаурус прилагательных русского языка. Указ. соч. С. 104−108.

[165] В период создания анализируемых памятников формально выраженная категория одушевленности отсутствовала, хотя семантическое различие имён, называющих "живые" и "неживые" предметы, несомненно, проявлялось в языковом сознании человека (*Ильченко* О. А. Семантика грамматики: Оппозиция одушевленности-неодушевленности в синхроническом и диахроническом аспектах: автореф. дис. … канд. филол. н. Краснодар, 2004. 28 с.). Поэтому в работе под словосочетаниями «одушевленное существительное» и «неодушевленное существительное» понимаем семантическую (не получившую на тот момент последовательного морфологического выражения) одушевленность / неодушевленность.

[166] *Worth* D. Указ. соч. P. 533−554.

Сочетание относительного прилагательного и определяемого

Относительные прилагательные, по мнению исследователей, так же, как и качественные, в большинстве случаев располагаются в препозитивном положении[167].

1. Препозиция относительного прилагательного

1.1. Препозиция полного относительного прилагательного

[Поучения Феодосия Печерского]:

адъскаа мѣста (442), *Господьскый праздникъ* (448, 2 раза), *въскресный день* (446), *псалтырное пѣние* (440), *кадилным присѣщениемь* (440), *бѣсовскыих помышлений* (436), *на виноградьнаго владыку* (434).

Традиционные устойчивые словосочетания:

къ Божьствьнамь Тайнамъ (452, 3 раза).

[Поучения о простой чади]:

зимная болѣзнь (284), *огньная болѣзнь* (284).

Традиционные устойчивые словосочетания:

от небеснаго царьства (290), *ангельская воиньства* (286).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:

духовную храмину (202), *калугерьское иго* (202), *серафимьскый украсителю* (198), *телесныя сквьрны* (198), *бѣсовьскыми разбойникы* (198), *животьное озеро* (194), *ангельскым силам* (194), *еретичьскымь учениемь* (192), *бѣсовьския силы* (198), *горняго Ерусалима* (186), *евангельская пища* (184), *героньскыми растерзании* (182), *мнишескый чин* (182), *земную честь* (182), *телесных похоти* (180), *житийскых вещи* (180), *иночьскый чин* (180),

[167] *Минлос* Ф. Р. Князь великий и великий князь: параметры варьирования // Слова. Концепты. Мифы. М.: Индрик, 2011. С. 209–210.

ангельскым чином (180), *телесных вещий* (178), *телесную печаль* (178), *плотьское украшенье* (176), *сукняныя одежа* (176), *псаломьстими гласи* (176), *апостольская преданиа* (176), *телесную чистоту* (174), *житийскиа мысли* (172), *ратьная оружия* (174), *человѣчьскаго телесе* (172, 2 раза), *пророчьскыхъ гаданий* (168), *человѣчьскых съгрѣшений* (166), *человѣческому спасению* (166), *надгробьныя пѣсни* (164), *небеснымъ силам* (164), *на суднѣмъ столѣ* (156), *телесному въскресению* (152), *животное древо (*152), *душевный путь* (150), *душевное бремя* (148), *от бытийскых книг* (146), *еуагельское слово (*144), *человѣчскыя душа* (142), *книжнаго поучения* (144), *царьское сребро* (142), *земное сокровище* (142), *о человѣчьстѣи души* (142), *к духовным трудам* (142), *еуаггельская притча* (142).

Традиционные устойчивые словосочетания:

небесное царство (186, 4 раза), *небеснаго цесаря* (186), *горняго царства* (194), *пророческая писанья* (184, 2 раза), *небесный круг* (164), *божестьвенныхъ книгъ* (142), *божественных писаний* (142), *ангельская воиньства* (168), *раиская врата* (154), *о небеснѣй жизни* (202), *архангельский владыко* (198, 2 раза).

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]:

людския неправды (382), *поганьскаго обычая* (378, 2 раза), *звѣздное премѣнение* (370), *божественьныя церкви* (376),

Традиционные устойчивые словосочетания:

божественое писание (378, 6 раза).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:

идольскыимъ мракомъ (26), *бѣсовьскыимъ служеваниемь* (26), *пророчьскаа проповѣданиа* (28), *христианьскаа церкви* (30), *вечернѣи зарѣ* (38), *по евангельскому слову* (38), *законное езеро* (38), *евангельскыи же источникъ* (38), *идольскому зною* (40), *Римьскаа страна* (42), *отъ дѣтскыи младости* (44), *идольскыи льсти* (44), *человеѣчьское естьство* (44, 2 раза), *словесныихъ*

овець (44), *въ земленыих владыках* (46), *земленыихъ мудрець* (46), *дневныа щедроты* (48), *Никеискааго Събора* (48), *от бѣсовьскыа льсти* (48), *сердечныими очима* (52), *утреняя роса* (54), *жерьственыа крове* (38), *небеснааго завѣтрия* (52), *человѣчьскааго рода* (28, 2 раза).

Традиционные устойчивые словосочетания:
небеснаго царьства (28), *апостольскаа труба* (46, 2 раза), *апостольскаа учениа* (28).

1.2. Препозиция краткого относительного прилагательного

[Слова и поучения Кирила Туровского]:
мѣдяна секира (202), *жидовьска праздьника* (190, 2 раза), *иерѣйску чину* (188), *мужьска ложа (*162), *адова врата* (168).
Традиционные устойчивые словосочетания:
едемскы раи (146, 3 раза).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:
человѣчьска естьства (28), *евангельскы громъ* (46), *Рускы земля* (60).

2. Постпозиция относительного прилагательного

2.1. Постпозиция полного относительного прилагательного

[Поучения Феодосия Печерского]:
годинъ павечерних (440), *годинъ обѣдѣнных* (440), *проповѣдание апостольское* (452), *в чинъ монастырьскый* (444), *о службѣ церковнѣй* (444), *къ пропасти адьстѣй* (444), *достояниа церковнаго* (444), *красотъ маловрѣменных* (442), *годинъ заутрьних* (440), *стѣны церковныа* (440, 2 раза), *входа церковнаго* (438, 2 раза), *врѣсту нощную* (438), *на сшествие церковное* (438), *вѣрѣ же латиньской* (448).
Традиционные устойчивые словосочетания:

въ день въскресный (444), *в царство небесное* (442, 2 раза), *столпом огньнымъ* (436, 2 раза).

[Поучения о простой чади]: *душою челвѣческую* (286).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:
милостыню ручную (200), *похоти телесныя* (190), *старѣйшина жречьский* (188), *толща земная* (182), *в домѣх царьских* (176), *твердь небесную* (168), *славы земныи* (156), *чрес закона священьскаго* (148).
Традиционные устойчивые словосочетания:
от сказания евангельскаго (190, 4 раза), *царствие небесное* (180), *олтарь небесный* (168), *чада церковная* (146), *царствию небесному* (142), *в сынѣх Израилевых* (188).

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]:
каменее огненное (382), *обычай поганьский* (382), *дѣлъ поганьскыхъ* (380), *печаль земную* (374), *басний человѣчьскыхъ* (380),
Традиционные устойчивые словосочетания:
Богъ небесныи (376, 3 раза), *царство небесное* (374, 3 раза).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:
от многобожества идольскааго (26), *сладости книжныа* (28), *у дуба Мамьвриискааго* (28), *веселие небесныа* (30), *веселие земныа* (30), *студеньтво нощьное* (30), *вѣра же христианьская* (32), *вода морьскаа* (32), *завистию иудеискою* (32), *на земли божьскаа* (34), *на земли человѣчьскаа* (34), *источникъ евангельскыи* (40), *съ птицами небесныими* (40), *съ звѣрьми земленыими* (40), *мракъ идольскыи* (44), *слово евангельское* (44), *льсти идольскыа* (46), *утварью златою* (52), *учениа еретичьскаа* (56), *гласомъ архангельскымъ* (60).
Традиционные устойчивые словосочетания:

въ царствии небеснѣмь (38), *трубы архангельскы* (50).

2.2. Постпозиция краткого относительного прилагательного

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:
стѣны камены (200, 2 раза), *речи соломоньскы* (178, 3 раза), *гнѣва жидовска* (170), *дух животнъ* (146).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:
Бог христианескъ (26), *корабль душевны* (26), *родъ человѣчьскъ* (58).

3. Словосочетания с дистантным положением атрибута, выраженным относительным именем прилагательным

Разрывающий компонент – служебная часть речи

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:
человѣчскаго ***ради*** *спасения* (184), *страха* ***ради*** *жидовьска* (170).

Разрывающий компонент – самостоятельная часть речи

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:
в небесное ***вводить*** *царство* (174), *на аиерьскую* ***възлетѣти*** *высоту* (148), *в телесныхъ* ***визящю*** *похотех* (148).

Разрывающий компонент – словосочетание

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:
радость ***творя имъ*** *тѣлесную* (56), *радость* ***творя имъ*** *душевную* (56).

Конструкции с дистантным положением атрибута, выраженным относительным именем прилагательным, встретились в тех же текстах, что и конструкции с качественным прилагательным («слова» и поучения Кирилла

Туровского, «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона). Морфологическое выражение разрывающего компонента представлено предлогом *ради* (2 случая), глаголом (3 случая) и причастием (1 случай). Также в тексте «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона» мы выделили две атрибутивные конструкции, между компонентами которой располагается группа слов (возможность подобных случаев отмечал В. З. Санников, хотя с оговоркой на меньшую частоту их употребления[168]). Относительно положения атрибута в данных словосочетаниях заметим, что в 57 % случаев атрибут находится в препозиции.

***

Проведя анализ контактных словосочетаний, делаем вывод, что относительное прилагательное в качестве атрибута превалирует в местоименной форме, именная же форма была употреблена только в 9 % случаев (21 конструкция из 241). Спад кратких форм имен прилагательных в древнерусских текстах констатировали многие медиевисты, например, М. Н. Пельтина, отмечающая, что «в памятниках XI−XIII веков краткие прилагательные в сочетании с существительными составляли около трети употреблений»[169].

Препозитивных атрибутивных конструкций как с полной, так и с краткой формой имени прилагательного больше, чем конструкций с постпозицией почти в два раза (препозитивных конструкций 155 (77 %) – постпозитивных конструкций 86 (23 %). Отдельное распределение именных и местоименных форм также демонстрирует нам преобладание препозиции: 65 % препозитивных членных относительных прилагательных: 35 % − постпозитивных; 52 % − препозитивных нечленных относительных прилагательных: 48 % − постпозитивных.

По результатам проведенного исследования традиционных устойчивых

[168] *Санников* В. З. Указ. соч. С. 185.
[169] *Пельтина* М. Н. Указ. соч. С. 113−120.

словосочетаний с относительным прилагательным можно отметить снижение их числа в сравнении с конструкциями, в которых атрибут выражен качественным именем прилагательным (44 % традиционных устойчивых словосочетаний с качественным прилагательным и 24% − с относительным). Данные конструкции обозначают религиозные понятия и в большинстве своем употреблены с прилагательным *небесныи: небеснаго цесаря* (СлКТ, 186), *небеснаго царьства* (СлИл, 28), *Богъ небесныи* (СлСВ, 376).

Как и в случае с качественным прилагательным, беспредложных атрибутивных конструкций оказалось больше (25 % предложных конструкций: 75 % беспредложных). Атрибут в предложных словосочетаниях являет нам преобладание препозитивного положения, ввиду чего можем заключить о влиянии предлога на позицию относительного прилагательного, подтверждая суждение Д. Ворта и Ф. Р. Минлоса[170] (табл. № 2.6).

Таблица № 2.6 – Позиция атрибута, выраженного относительным прилагательным, в предложных словосочетаниях

	Препозиция атрибута	Постпозиция атрибута
+ предлог	30 (53 %)	27 (47 %)

Определяемое слово в атрибутивных словосочетаниях с относительным прилагательным в 98 % случаев является нарицательным именем существительным. Имена собственные представлены лексемами *Бог* и *Иерусалим*.

Нарицательные существительные представлены следующими лексико-грамматическими разрядами: 178 (74 %) – конкретные существительные, 60 (25 %) – абстрактные и 3 (1 %) – вещественные. Собирательные имена существительные в употреблении с относительными прилагательными нам

[170] *Worth* D. Указ. соч. P. 533−554; *Минлос* Ф. Р. Позиция атрибута внутри именной группы… С. 203−216.

не встретились вообще (табл. № 2.7).

Таблица № 2.7 − Зависимость положения атрибута, выраженного относительным прилагательным, от разряда существительного

Положение атрибута в СС	Лексико-грамматические разряды имен существительных				
	собственные	нарицательные			
		веществ.	собират.	абстракт.	конкрет.
препозиция	1	2	-	34	118
постпозиция	3	1	-	26	56

Вещественные существительные представлены тремя семантическими группами: «название тела, организма, их частей»[171] (*крове* (СлИл, 36), «водные пространства, водоемы»[172] (*вода* (СлИл, 32) и «горные породы, ископаемые»[173] *сребро* (СлКТ, 142).

Среди абстрактных имен существительных самой распространенной семантической группой является группа «чувства, эмоциональные состояния, их проявления»[174], к примеру, *похоти* (СлКТ, 190), *славы* (СлКТ, 156), *чистоту* (СлКТ, 174), *честь* (СлКТ, 182); *безумье* (СлСВ, 380), *печаль* (СлСВ, 382); *льсти* (СлИл, 44), *щедроты* (СлИл, 48). Второй по частоте употребления является семантическая группа «вера, религия»[175]: *тайнамъ* (ПФП, 452), *пѣние* (ПФП, 440), *сшествие* (ПФП, 438), *службѣ* (ПФП, 444), *вѣрѣ* (ПФП, 448); *въскресению* (СлКТ, 152), *спасению* (СлКТ, 166); *проповѣдания* (СлИл, 28), *учениа* (СлИл, 28), *служеваниемь* (СлИл, 26).

Наиболее частотными семантическими группами среди конкретных имен существительных являются: «предметы, связанные с богослужением, с культовыми обрядами»[176] (*олтарь* (СлКТ, 168), *книгы* (СлСВ, 376),

[171] Русский семантический словарь. Т.1. Указ. соч. С. 464−468.
[172] Там же. С. 602.
[173] Русский семантический словарь. Т.1. Указ. соч. С. 619−622.
[174] Русский семантический словарь. Т.3. Указ. соч. С. 238−279.
[175] Там же. С. 314−335.
[176] Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и

жертвеника (СлКТ, 152), *врата* (СлКТ, 154), *на столѣ* (СлКТ, 156), скимою (СлКТ, 200), *писанию* (СлСВ, 380), *труба* (СлИл, 46); «культовые, обрядовые, мемориальные постройки, их части»[177] (*входа* (ПФП, 438), *стѣны* (440, ПФП), *врата* (СлКТ, 154), *церкви* (СлКТ, 158), *храмину* (СлКТ, 202), *Събора* (СлИл, 48); «названия лиц в сфере религии, культов»[178] (*цесаря* (СлКТ, 168), *владыко* (СлКТ, 198), *украсителю* (СлКТ, 198), *стареишина* (СлКТ, 166), *мудрець* (СлИл, 46)).

Среди ЛСГ относительных прилагательных, так же, как и в случае с качественными прилагательными, самой распространенной является группа «общественно-государственная сфера; религия»[179] (в препозиции – 95 %, в постпозиции – 92 %), например, *псалтырное пѣние* (ПФП, 440), *от небеснаго царьства* (ППЧ, 290), *еретичьскымь учениемь* (СлКТ, 192), *от сказание евангельскаго* (СлКТ, 190), *Бог христианескъ* (СлИл, 26). Стоит отметить, что в случае с относительными прилагательными процент употребления данной семантической группы, в отличие от качественных прилагательных, практически одинаков в пре- и постпозиции.

Также в тексте поучений встретилась ЛСГ «восприятие окружающего мира»[180] (3 % − в препозиции, 7 % − в постпозиции), к примеру, с временными по значению атрибутами: *вечернѣй зарѣ* (СлИл, 38), *утреняа роса* (СлИл, 34), *годинъ павечерних* (ПФП, 440), *годинъ обѣдѣнных* (ПФП, 440). Лексико-семантические группы «нации»[181] (*Рускы земля*, (СлИл, 60); «общественно-государственная сфера; медицина»[182] (*огньная болѣзнь* (ППЧ, 248); «общественно-государственная сфера; военная служба»[183] (*ратьная*

значений / под общ ред. Н. Ю. Шведовой. Т.2. Имена существительные с конкретным значением. Все создаваемое руками и умом человека (населенные места, обрабатываемые участки дороги; вещественные продукты труда); организации и учреждения. Названия предметов по форме, состоянию, составу, местонахождению, употреблению. М.: Азбуковник, 2000. С. 376−384.

[177] Там же. С. 66−69.

[178] Русский семантический словарь. Т.1. Указ. соч. С. 198−205.

[179] Словарь-тезаурус прилагательных русского языка. Указ. соч. С. 140−143.

[180] Там же. С. 195−209.

[181] Там же. С. 76−77.

[182] Там же. С. 163−168.

[183] Там же. С. 154−158.

оружия (СлКТ, 174) и «неживая природа»[184] (*толща земная* (СлКТ, 182) не нашли своего широкого употребления в текстах древнерусского красноречия и встречаются в единичных случаях, процент их употреблениях варьируется от одного до двух.

Анализ положения атрибута, выраженного относительным прилагательным, с точки зрения влияния одушевленности определяемого им существительного, дал следующие результаты: препозитивное положение относительного прилагательного преобладает как в словосочетаниях с одушевленными, так и с неодушевленными существительными (табл. № 2.8). Тем самым наши данные опровергают предположение Д. Ворта о постпозитивном положении атрибута при определяемом одушевленном существительном[185].

Таблица № 2.8 − Зависимость положения атрибута, выраженного относительным прилагательным, от одушевленности имени существительного

Позиция прилагательного при одушевленном существительном		Позиция прилагательного при неодушевленном существительном	
препозиция	постпозиция	препозиция	постпозиция
11 (55 %)	9 (45 %)	144 (65 %)	77 (35 %)

Наиболее употребительными суффиксами относительных прилагательных в текстах древнерусского красноречия оказались *-ьск-* и *-н-*, причем в препозитивном положении количество прилагательных с данными суффиксами оказалось равным, а в постпозиции наблюдается численный перевес прилагательных с суффиксом *-н-* (табл. № 2.9).

[184] Словарь-тезаурус прилагательных русского языка. Указ. соч. С. 31−36.
[185] *Worth* D. Указ. соч. P. 533−554.

Таблица № 2.9 − Расположение относительных прилагательных разных словообразовательных моделей

Положение атрибута	Суффиксы относительных прилагательных	
	-ьск-	*-н-*
Препозиция	58	58
Постпозиция	30	45

Сочетание притяжательного прилагательного и определяемого

1. Препозиция притяжательного прилагательного

[Поучения Феодосия Печерского]:

Божиимъ пърстомъ (446), *Божиа пути* (442).

Традиционные устойчивые словосочетания:

за Христову вѣру (450).

[Поучения о простой чади]: *сатанина невѣста* (288).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:

от козьих кожь (176), *Фоминомь испытаниемь* (186), *книгий разумъ* (142), *царев страх* (174), *съ Божиею помощью* (202), *божия покрова* (192).

Традиционные устойчивые словосочетания:

божия благодать (196, 3 раза), *божиемь словомь* (196, 3 раза), *Божию казнь* (192), *Божия смотрения* (190), *Божию вѣрою* (186), *божиихъ книг* (184), *Божиа слугы* (182), *Божии лице* (182), *Божия попущениа* (174), *божие тѣло* (170), *Божия человѣколюбия* (166), *Божию царствию* (162), *Божие имя* (154), *в Божия двери* (154), *Божии милости* (152), *Божия сущьства* (146), *Божия повелѣния* (146), *о Божии законѣ* (150, 2 раза), *Божия заповѣди* (150, 2 раза), *Христово житие* (202), *Христову учению* (152), *Господню притчу* (144), *Господнемь чюдесьмь* (196).

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]:

Традиционные устойчивые словосочетания:

Божией твари (382, 2 раза), *Божия свѣта* (380), *Божию казнь* (382).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:

матерьне млѣко (34), *нъ Христовы церкви* (38), *Божие прихождение* (26), *Божиимъ промысломъ* (28).

2. Постпозиция притяжательного прилагательного

[Поучения Феодосия Печерского]:

рукою Моисѣовою (436).

Традиционные устойчивые словосочетания:

дело Божие (440, 2 раза), *рабу Божию* (440), *присѣщениемъ Божиимъ* (440), *человѣколюбие Божие* (438, 2 раза), *благодатию Божию* (436, 2 раза).

[Поучения о простой чади]:

дѣла сатанина (288).

Традиционные устойчивые словосочетания:

образъ Божий (288), *царствия Божия* (288), *милосердие Божие* (286).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:

от работы вражья (198), *цесарь Израилевъ* (162), *в гласѣ архангеловѣ* (165), *в утробѣ женьстѣй* (156), *надмение Адамова* (150), *дщерѣ царевѣ* (182), *от сыновъ Израилев* (162), *свѣта вражия* (166), *прельсти вражия* (166), *ангел бо Господень* (192).

Традиционные устойчивые словосочетания:

страхомъ Божиим (202, 3 раза), *сын Божий* (186, 3 раза), *за имя Христово* (186), *съвершителю Божию* (168), *на прѣстолъ Божий* (168), *тѣло Христово*

(164, 5 раз), *тѣло Исусово* (164), *Сыномъ Божиемь* (162, 3 раза), *въскрьсениемь Христовомь* (158), *словом Божиимъ* (158, 4 раза), *царствия божия* (160, 3 раза), *ученикъ Исусов* (160), *благодать Божию* (158), *повелѣние Божие* (158), *законъ Божий* (158, 2 раза), *ангел Божии* (154, 2 раза), *о преступлении божия* (142), *словес Божиих* (144), *крови Господни* (178), *страсти Христовы* (170), *чашю Господню* (176).

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]:

Традиционные устойчивые словосочетания

суда Божия (384), *закона Божия* (382), *гнѣвъ Божий* (382, 5 раз), *на прогнѣванье божие* (380), *страхомъ Божиимъ* (380), *градъ Господень* (380), *ярость Божию* (374), *повелѣниемь Божиимь* (370), *милость Господня* (374), *в воли Господни* (370).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:

сынъ рабынинъ (30), *благословение Манасиино* (30), *людие Божии* (40), *утробу матерьню* (34), *прѣмудрости Божии* (28), *по пророчьству Исаину* (32, 2 раза), *въ любовь Христову* (46).

Традиционные устойчивые словосочетания

имя Господне (42, 2 раза), *слово Спасово* (38), *по словеси Господню* (38), *благодѣть Божиа* (30), *гнѣвъ Божии* (36), *царство Божие* (38), *человѣколюбие Божие* (40), *сына Божиа* (42, 3 раза), *страхъ Божии* (46), *сила Божиа* (46), *дом Божии* (50).

3. Словосочетания с дистантным положением атрибута, выраженным притяжательным именем прилагательным

Разрывающий компонент – самостоятельная часть речи

[Слова и поучения Кирилла Туровского]: *Божихъ* ***насытившее*** *словес* (142).

***

Анализ субстантивно-атрибутивных словосочетаний с атрибутом, выраженным притяжательным именем прилагательным, показал, что постпозитивные конструкции встречаются в тексте древнерусского красноречия в два раза чаще, чем препозитивные (50 препозитивных конструкций (33 %): 100 постпозитивных конструкций (67 %). Наши данные подтверждают мнение исследователей о том, что атрибут, выраженные притяжательным прилагательным, тяготеет к положению после определяемого слова[186].

Привлекают внимание и традиционные устойчивые словосочетания, составляющие 81 % от общего числа конструкций с притяжательным прилагательным (40 препозитивных устойчивых словосочетаний – 81 постпозитивное устойчивое словосочетание). Атрибут в таких словосочетаниях в 100 % случаев препозиции и 91 % случае постпозиции представлен лексемами *Божии, Христовъ, Господнь*. Хотя тексты древнерусского красноречия не являются собственно религиозными произведениями, но, исходя из частотности употребления данных прилагательных, можно заключить, что сакральный компонент занимает в них значительное место. Здесь, конечно же, следует учитывать и особенности средневекового мировоззрения, где «все события объяснялись как обусловленные свыше»[187]. В отличие от устойчивых словосочетаний с качественным именем прилагательным *святыи*, которое употребляется в большинстве своем в препозитивном положении, конструкции с притяжательными прилагательными *Божии, Христовъ, Господнь* превалируют в постпозитивном положении (35 % препозиции: 65 % постпозиции) (табл. № 2.10).

---

[186] *Санников* В. З. Указ. соч. С. 66; *Минлос* Ф. Р. Князь великий и великий князь… С. 209−210.

[187] *Ерофеева* И. В. Притяжательные прилагательные сакральной семантики в летописном тексте // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. 2009. № 3(2). С. 51.

Таблица № 2.10 – Расположение атрибута в устойчивых посессивных сочетаниях

Положение атрибута	Притяжательное прилагательное		
	Божии	*Христов*	*Господнь*
Препозиция	36	2	2
Постпозиция	60	4	12

Также из всех текстов мы извлекли всего одну конструкцию с дистантным положением атрибута, выраженного притяжательным прилагательным (*Божихъ насытившее словес* (СлКТ, 142), исходя из чего мы заключаем о превалировании контактных словосочетаний.

Анализ предложных конструкций с посессивными атрибутами дал следующие результаты: предложных атрибутивных конструкций оказалось в пять раз меньше, чем беспредложных (24 предложные конструкции – 126 беспредложных); атрибут в предложных словосочетаниях располагался в два раза чаще в постпозитивном положении. Таким образом, заключаем, что предлог не оказывает влияние на расположение атрибута, выраженного притяжательным прилагательным, демонстрируя прямо обратное количественное соотношение в сравнении с качественными и относительными прилагательными (табл. № 2.11).

Таблица № 2.11 − Позиция атрибута, выраженного притяжательным прилагательным, в предложных словосочетаниях

	Препозиция	Постпозиция
+ предлог	8 (33 %)	16 (67 %)

Определяемое слово в словосочетаниях с препозитивным и постпозитивным положением атрибута в 62 % случаев представлено конкретным существительным, в 37 % − абстрактным и в 1 % − вещественным. Конструкций с собирательными именами существительными

в качестве определяемого слова нами обнаружено не было (табл. № 2.12).

Таблица № 2.12 − Зависимость положения атрибута, выраженного притяжательным прилагательным, от разряда существительного

Положение атрибута в СС	Лексико-грамматические разряды имен существительных				
	собственные	Нарицательные			
		веществ.	собират.	абстракт.	конкрет.
препозиция	-	1	-	17	32
постпозиция	-	-	-	38	62

Вещественные имена существительные представлены одним примером: *матерьне млѣко* (СлИл, 34).

Абстрактные имена существительные представлены в большей мере семантическими группами «чувства, эмоциональные состояния, их проявления»[188], к примеру, *страхомъ* (СлКТ, 202), *надмение* (СлКТ, 150), *хвалы* (СлКТ, 196), *гнѣвъ* (СлСВ, 374), *ярость* (СлСВ, 374), *любовь* (СлИл, 46) и «вера, религия»[189], например, *вѣры* (ПФП, 450), *человѣколюбиа* (ПФП, 434).

Конкретные имена существительные, используемые в атрибутивных словосочетаниях с притяжательными прилагательными, представлены разными семантическими группами, но самой распространенной среди них оказалась «названия тела, организма, их частей»[190] (*пърстомъ* (ПФП, 446), *рукою* (ПФП, 436), *хвостъ* (ПФП, 448), *тѣло* (СлКТ, 160), *в утробѣ* (СлКТ, 156), *лица* (СлКТ, 152), *крови* (СлКТ, 178), *ребр* (СлКТ, 158).

Проанализировав притяжательные прилагательные с точки зрения их принадлежности лексико-семантическим группам, отметим, что в позиции перед и после определяемого слова большинство адъективов (по 98 %)

[188] Русский семантический словарь. Т. 3. Указ. соч. С. 238−279.
[189] Там же. С. 314−326.
[190] Русский семантический словарь. Т.1. Указ. соч. С. 464−499.

относятся к группе «общественно-государственная сфера; религия»[191], например, *за Христову вѣру* (ПФП, 450), *Господнемь чюдесьмь* (СлКТ, 196), *божией твари* (СлСВ, 382), *дѣла сатанина* (ППЧ, 288). Также встретились и немногочисленные группы «человек как живое существо»[192] (*утробѣ женьстѣй* (СлКТ, 156); «родственные и семейные отношения»[193] (*матерьне млѣкло* (СлИл, 34), *утробу матерьню* (СлИл, 34).

Из 150 атрибутивных словосочетаний с атрибутом - притяжательным именем прилагательным, в 25 конструкциях определяемое слово – одушевленное имя существительное. Как в препозиции, так и в постпозиции в конструкциях с одушевленным определяемым существительным наблюдалось преобладание постпозитивного положения атрибута. Если сравнить процентное соотношение полученных данных, то можно заметить преобладание постпозитивного положения атрибута при одушевленном существительном, что подтверждает мнение Д. Ворта о влиянии одушевленности на положение атрибута[194] (табл. № 2.13).

Таблица № 2.13 − Зависимость положения атрибута, выраженного притяжательным прилагательным, от одушевленности имени существительного

Позиция прилагательного при одушевленном существительном		Позиция прилагательного при неодушевленном существительном	
препозиция	постпозиция	препозиция	постпозиция
4 (16 %)	21 (84 %)	46 (37 %)	79 (63 %)

Сочетание местоименного определения и определяемого

Позиция местоименного определения, по мнению исследователей,

[191] Словарь-тезаурус прилагательных русского языка. Указ. соч. С. 140−143.
[192] Там же. С. 58−75.
[193] Там же. С. 78−79.
[194] *Worth* D. Указ. соч. P. 533−554.

зависела от его разряда: «Притяжательные местоимения обычно (78,3 %) стоят в постпозиции <…>. Определительные и указательные местоимения, напротив, тяготеют к препозиции (определительные препозитивны на 88,9 %, указательные – на 70,2 %)»[195].

При анализе порядка расположения компонентов субстантивно-атрибутивных словосочетаний с местоименным атрибутом будем учитывать не только разряд местоимения, по мнению исследователей, влияющий на его расположение, но и на одушевленность / неодушевленность определяемого им существительного и наличие предлога, как еще одни факторы, возможно, оказывающие свое воздействие на положение компонентов атрибутивного ряда. (Предположение о влиянии одушевленности определяемого существительного на позицию атрибута было выдвинуто и апробировано Д. Вортом на примере относительного прилагательного[196]. Зависимость препозитивного положения атрибута от предлога также была обнаружена Д. Вортом[197], а позже подтверждена Ф. Р. Минлосом на примере атрибутивных конструкций с притяжательными местоимениями и небольшим числом словосочетаний с атрибутом, выраженным именем прилагательным[198]).

Мы же попытаемся выяснить, оказывал ли влияние разряд местоимения и одушевленность определяемого им существительного на выбор препозитивного или постпозитивного положения атрибута, а также наличие корреляции между положением атрибута и наличием предлога.

Для начала произведем подсчет, местоимения каких разрядов присутствуют в атрибутивных конструкциях[199] (табл. № 2.14).

---

[195] *Санников* В. З. Указ. соч. С. 67.
[196] *Worth* D. Указ. соч. P. 533−554.
[197] Там же. P. 533−554.
[198] *Минлос* Ф. Р. Позиция атрибута внутри именной группы.... С. 203−216; *Минлос* Ф. Р. Что притягивает притяжательные местоимения? или линейная позиция атрибутов // Вопросы русского языкознания. Вып. III. Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее и будущее: к 50-летию научной деятельности Софии Константиновны Пожарицкой. 2010. С. 279−290.
[199] Местоимения неопределенные и отрицательные в позиции атрибута в указанных памятниках представлены единичными примерами, поэтому анализ их расположения в данной работе не представлен.

Таблица № 2.14 – Зависимость положения местоименного атрибута от его разряда

Разряд местоимения	Притяжательное	Указательное	Определительное
препозиция	127 (27 %)	27 (66 %)	116 (96 %)
постпозиция	347 (73 %)	14 (34 %)	5 (4 %)

Из сводной таблицы видно, что по количеству употреблений притяжательные местоимения превосходят другие разряды и в препозитивном, и в постпозитивном положении, однако наиболее частотны в постпозиции. Определительные же местоимения, наоборот, практически в постпозитивном положении не употребляются. Рассмотрим каждый случай подробнее.

Сочетание притяжательного местоимения и определяемого

1. свои

Препозиция (51 пример)

[Поучения Феодосия Печерского]:

с одушевленным существительным: нет примеров.

с неодушевленным существительным: *от своего сердца* (446), *своею лѣнностию* (442), *своя ногы* (438), *своея вѣры* (450), *свою душу* (448), *своих душь* (436).

[Поучения о простой чади]:

с одушевленным существительным: *своему мужу (288), своего господина* (286, 2 раза), *своего брата* (286).

с неодушевленным существительным: *свой успѣхъ* (288).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:

с одушевленным существительным: *своего раба* (200, 2 раза), *своеа матери* (200), *своего господина* (184), *своя другы* (178, 3 раза), *своим людемь* (172), *своя жена* (172, 2 раза), *о своих людех* (170), *свой ученикъ* (162), *своя сына* (150).

с неодушевленным существительным: *своимъ зломысльством* (202), *свой обѣт* (200), *свою хлевину* (200), *своея болѣзни* (192), *свой путь* (186), *своим ученьем* (186), *своя уды* (180), *по своим трудомь* (180), *о своемъ животѣ* (170), *свой свѣтъ* (170), *на своею руку* (168, 2 раза), *своею волею* (164), *свою душу* (148), *своего божества* (164).

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]:

с одушевленным существительным: *свою тварь* (380).

с неодушевленным существительным: *своего зла* (374), *своего обычая* (372), *своима очима* (370).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:

с одушевленным существительным: *своего Владыкы* (54).

с неодушевленным существительным: *свое оправдание* (30), *свое спасение* (30), *своею властию* (34), *своеи погыбели* (36, 2 раза), *своего царьства* (52).

Постпозиция (85 примеров)

[Поучения Феодосия Печерского]:

с одушевленным существительным: *рабъ своихъ* (454, 2 раза), *матере своеа* (440), *учителя своего* (436), *свѣтилникы своя (434),*

с неодушевленным существительным: *сѣла своего* (444), *талантъ свой* (442), *о службѣ своей* (444, 2 раза), *участие свое (*440, 2 раза), *на мѣсто свое* (440), *помысла своего* (438), *от имѣний своих* (438), *плоть свою* (434), *от трудовъ своих* (434).

[Поучения о простой чади]:

с одушевленным существительным: *съ женою своею* (288).
с неодушевленным существительным: *живота своего* (288).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:
с одушевленным существительным: *с ученикы своими* (190), *сыном своим* (188), *жребя своя* (186), *узникы своя* (164), *Учителя своего* (164), *господина своего* (150), *апостоломъ своим* (168).
с неодушевленным существительным: *одра своего* (196, 3 раза), *крест свой* (190), *на руку своею* (188), *церковь свою* (188), *в руцѣ свои* (182), *стадо свое* (182), *уст своих* (176), *образ своея* (170), *страхомъ своя* (168), *солнце свое* (154), *персть свою* (154), *грѣхъ свой* (150), *братью свою* (180), *дух свой* (156), *душу свою* (180, 2 раза).

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]:
с одушевленным существительным: *брата своего* (384), *къ Богу своему* (374), *Отца своего* (372), *Господеви своему* (370), *ближняго своего* (378).
с неодушевленным существительным:
гнѣвъ свой (384), *обычая своего* (382), *гнѣвъ свои* (376), *ярость свою* (376), *безаконья своя* (374), *грѣхъ своихъ* (374), *хлѣба своего* (374), *о сердци своемь* (372), *о дому своемь* (370), *братью свою* (384), *души своей* (382).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:
с одушевленным существительным: *людемъ своимъ* (26), *твари своеа* (26), *сыномъ своимъ* (26), *на люди своа* (26), *сына своего* (28), *чада своа* (30, 2 раза), *отцу своему* (30), *людии своихъ* (34), *учникы своа* (38), *Бога своего* (40), *съ материю своею* (48), *чадо свое* (50), *Господу своему* (54), *съ рабы своими* (54), *ученикомъ своимъ* (60).
с неодушевленным существительным: *под крилѣ свои* (38), *посѣщение свое* (26), *въ времена своа* (36), *въ царствии своемь* (40), *мышьцу свою* (42), *земли своеи* (44), *въ дни свои* (44), *землю свою* (44), *нищетою своею* (46), *въ животѣ*

своемъ (50), *утробу свою* (50), *о земли своеи* (52), *достояние свое* (56), *душу свою* (60).

По результатам анализа атрибутивных конструкций с местоименным атрибутом *свои* делаем вывод, что данное местоимение чаще всего находится в постпозитивном положении (51 случай препозиции: 85 − постпозиции). При одушевленном существительном притяжательное местоимение находится в постпозитивном положении (60 % случаев), однако стоит отметить, что с таким же процентным соотношением атрибут преобладает и в постпозитивных конструкциях при неодушевленных существительных (табл. № 2.15).

Таблица № 2.15 − Зависимость положения атрибута, выраженного местоимением *свои*, от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога

Тип СС	ПФП		ППЧ		СлКТ		СлСВ		СлИл	
	AN[200]	NA	AN	NA	AN	NA	AN	NA	AN	NA
предлож. одуш.	-	-	-	1	1	1	-	1	-	3
предлож. неодуш.	1	5	-	-	4	2	-	2	-	6
беспредлож. одуш.	2	5	4	-	12	9	1	6	1	11
беспредлож. неодуш[201].	5	6	1	1	10	12	3	7	6	7

Проанализировав зависимость местоименного атрибута от наличия / отсутствия предлога, отметим, что в текстах поучений предложных

[200] Здесь и далее: AN (сокращение от Attribute Noun) - препозитивное атрибутивное словосочетание, NA – постпозитивное атрибутивное словосочетание.

[201] Здесь и далее: предлож. одуш. – предложное атрибутивное словосочетание с определяемым словом, выраженным одушевленным именем существительным; предлож. неодуш. − предложное атрибутивное словосочетание с определяемым словом, выраженным неодушевленным именем существительным; беспредлож. одуш. − беспредложное атрибутивное словосочетание с определяемым словом, выраженным одушевленным именем существительным; беспредлож. неодуш. − беспредложное атрибутивное словосочетание с определяемым словом, выраженным неодушевленным именем существительным.

атрибутивных конструкций с местоимением *свои* в 4 раза меньше, чем беспредложных (27: 109), однако чаще предлог употребляется с неодушевленными существительными: 7 (26 %) предложных конструкции с одушевленным существительным – 20 (74 %) предложных конструкций с неодушевленным существительным. Ввиду того, что на 6 препозитивных предложных словосочетаний приходится 21 предложная постпозитивная конструкция заключаем, что на препозитивное положение местоименного атрибута *свои* предлог влияние не оказывает.

2. мои

Препозиция (21 пример)

[Поучения Феодосия Печерского]:

с одушевленным существительным: нет примеров.

с неодушевленным существительным: *въ моемъ отхождении* (444), *моих словесъ* (444), *мою худость (*444), *моея лѣнности* (444), *от моеа лѣности* (442).

[Поучения Кирилла Туровского]:

с одушевленным существительным: *мои друзи* (172), *моего Сына* (172).

с неодушевленным существительным: *моея нищеты* (200), *отъ моего недостоиньства* (198), *моея кръве* (198), *моего образа* (194), *мое имѣние* (192), *мои язык* (184, 2 раза), *мое богатьство* (162), *моихъ сльзъ* (160, 2 раза), *моего чаяния* (160), *моему винограду* (156, 2 раза), *на мою грубость* (148), *мою кротость* (144), *мой виноград* (144).

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]:

с одушевленным существительным: нет примеров.

с неодушевленным существительным: *за моя грѣхи* (384).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:

с одушевленным существительным: *моего Адама* (60).

с неодушевленным существительным: нет примеров.

Постпозиция (55 примеров)

[Поучения Феодосия Печерского]:

с одушевленным существительным: *княже мой* (446), *любимици мои* (440), *рабъ моих* (438), *Господи мой* (438).

с неодушевленным существительным: *срѣбро мое* (442, 2 раза), *завѣтъ мой* (440), *сердце мое* (438), *къ главѣ моей* (438), *душа моя* (442, 2 раза).

[Поучения о простой чади]

с одушевленным существительным: нет примеров.

с неодушевленным существительным: *Духъ мой* (288).

[Поучения Кирилла Туровского]:

с одушевленным существительным: *душа моя* (192), *отець мой* (180), *Исусе мой* (164), *Боже мой* (160), *от врагъ моихъ* (144).

с неодушевленным существительным: *въздыханиа моего* (176), *хлѣб мой* (176), *языком моим* (176), *пути моя* (176), *вхожение мое* (174), *удов моих* (184), *болезни моея* (196), *уст моих* (196), *главу мою* (192), *беззакония моя* (192), *грѣси мои* (192), *устомъ моим* (184), *гортани моему* (184), *имени моего* (180), *очи мои* (174, 2 раза), *вхожение мое* (174), *устнѣ мои* (174), *обѣты моя* (174), *нозѣ мои* (164), *руцѣ мои* (164), *виноградъ мой* (162), *цѣну мою* (162), *чадо мое* (160), *сердца моего* (152), *беззаконье мое* (152), *смрад мой* (192), *лица моего* (164), *братии моей* (192, 2 раза).

[Поучения Серапиона Владимирского]:

с одушевленным существительным: нет примеров.

с неодушевленным существительным: *за моя грѣхи* (384).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:

с одушевленным существительным: *людем моим* (40, 2 раза), *людие мои* (42), *прѣд Отцемь моим* (48), *царь мои* (60), *Господа моего* (60).

с неодушевленным существительным: *имя мое* (38, 2 раза), *силы моеа* (60).

Выполнив анализ вышеуказанных словосочетаний, отметим, что так же, как и в конструкциях с местоимением *свои*, местоименный атрибут, выраженный местоимением *мои*, тяготеет к постпозитивному положению (общее число постпозитивных конструкций превосходит в 2,6 раза общее число конструкций с препозицией (55: 21). Это же можно установить и в текстах поучений по-отдельности, за исключением «Слов и Поучений Серапиона Владимирского», где атрибутивные словосочетания представлены одинаковым количеством конструкций (табл. № 2.16).

Таблица № 2.16 – Зависимость положения атрибута, выраженного местоимением *мои*, от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога

Тип СС	ПФП		ППЧ		СлКТ		СлСВ		СлИл	
	AN	NA	AN	NA	AN	NA	AN	NA	AN	NA
предлож. одуш.	-	-	-	-	-	2	-	-	-	1
предлож. неодуш.	2	-	-	-	1	-	1	1	-	-
беспредлож. одуш.	-	5	-	1	2	5	-	-	1	5
беспредлож. неодуш.	2	5	-	-	12	27	-	-	-	3

Предложных конструкций было извлечено в количестве 7 единиц, и нами было замечено, что предлог, так же как и в атрибутивных конструкциях с местоимением *свои*, чаще всего употребляется с неодушевленными существительными: 3 (37,5 %) предложные конструкции с одушевленным существительным: 5 (62,5 %) предложных конструкций с неодушевленным существительным. Предложные конструкции равно употребляются как в

препозиции, так и в постпозиции (по 4 примера), ввиду чего сделать вывод о влиянии предлога на препозитивное положение атрибута нам не представляется возможным.

Так же как с местоимением *свои*, в полученных данных проявляется зависимость положения местоименного атрибута от одушевленности существительного: при одушевленном определяемом слове атрибут располагается в постпозиции в 86 % случаев, тогда как при неодушевленном – в 66 %.

3. твои

Препозиция (19 примеров)

[Поучения Кирилла Туровского]:

с одушевленными существительными: нет примеров.

с неодушевленными существительными: *твоего обѣта* (202), *къ твоему преподобьству* (198), *на твою служьбу* (194), *в твоя пьрси* (170), *твоего блаженьства* (170), *твоихъ словес* (162), *твоего таиньства* (162), *твоя земля* (144), *твою душу* (202), *твоего божества* (162).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:

с одушевленными существительными: нет примеров.

с неодушевленными существительными: *твоимъ повелѣниемь* (46), *твоа бо щедроты* (48), *твоему владычьству* (50), *твоих уставъ* (50), *твоему благовѣрию* (50), *твое создание* (54, 2 раза), *твое достояние* (56), *твоа чясть* (56).

Постпозиция (81 пример)

[Поучения Феодосия Печерского]:

с одушевленными существительными: *рабомъ твоимъ* (454), *апостолъ твоихъ* (452).

с неодушевленными существительными: *усты твоими* (440, 3 раза), *душю*

твою (444).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:

с одушевленными существительными: *Богу твоему* (188), *цесарь твой* (184), *отрока твоего* (174).

с неодушевленными существительными: *вѣра бо твоя* (162), *о имени твоемъ* (202), *лица твоего* (202, 2 раза), *душа твоя* (202), *заповѣди твоя* (198), *слово твое* (198), *дѣла твоя* (196), *стѣны твоя* (188), *глас твой* (188), *словеса твоя* (184, 2 раза), *во имя твое* (182), *люди твоя* (180), *ухо твое* (180), *в горы твоя* (174, 2 раза), *оправданием твоим* (174), *имени Твоего* (170), *град твой* (168), *руцѣ твои* (168), *исходу твоему* (164), *тѣлѣ твоемъ* (164), *раба твоя* (160), *пищи твоея* (146), *о сѣмени твоемь* (194).

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]: нет примеров.

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:

с одушевленными существительными: *врази твои* (36), *чада твоа* (36, 2 раза), *рабомъ твоимъ* (46), *люди твоа* (50, 3 раза), *сыномъ твоимъ* (56), *о сынѣ твоемъ* (52), *рабы твоа* (54), *на людехъ твоихъ* (56).

с неодушевленными существительными: *по глаголу твоему* (28), *въ день твои* (36), *къ миру твоему* (36), *отъ очию твоею* (36), *посѣщениа твоего* (36), *имя твое* (38, 2 раза), *по имени твоему* (42), *путь твои* (42), *въ землю твою* (46), *сердце твое* (46), *грѣхы твоа* (48, 2 раза), *благовѣрию твоему* (50), *граду твоему* (50), *от гроба твоего* (50), *от чреслъ твоихъ* (50), *земли твоеи* (50), *по предаянию твоему* (50), *ради милостиа твоеа* (52), *славы твоеа* (54), *страхъ твои* (54), *въ руку твоею* (54), *въ воли твоеи* (54), *благопризирание твое* (54), *гнѣву твоему* (54, 2 раза), *въ пути твоа* (54), *на истину твою* (54), *волю твою* (54), *градъ твои* (56), *стадо твое* (56), *милость твою* (56, 2 раза), *церковь твою* (56).

Проанализировав атрибутивные конструкции с притяжательным

местоимением твои, заключаем, что данный атрибут тяготеет к положению после определяемого слова: постпозитивные конструкции в 4 раза превосходят препозитивные (19: 81). Предложных конструкций нами было извлечено в количестве 23 единиц, что в 3,3 раза меньше, чем беспредложных конструкций (77 единиц). Из всех предложных словосочетаний только 3 (13 %) находятся в препозиции, ввиду чего мы делаем вывод, что предлог на препозицию атрибута влияние не оказывает. Примечательно, что в предложных словосочетаниях определяемое слово в 91 % случаев − неодушевленное существительное (21 случай из 23). В беспредложных конструкциях мы также наблюдаем численное преобладание неодушевленных имен существительных в качестве определяемого слова (60 случаев из 77). В конструкциях с одушевленным существительным (в сравнении со словосочетаниями с неодушевленным существительным) наблюдается увеличение случаев постпозитивного положения атрибута до 90 %.

Представим полученные результаты в сопоставительной таблице (табл. № 2.17).

Таблица № 2.17 − Зависимость положения атрибута, выраженного местоимением *твои*, от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога

Тип СС	ПФП		ППЧ		СлКТ		СлСВ		СлИл	
	AN	NA	AN	NA	AN	NA	AN	NA	AN	NA
предлож. одуш.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
предлож. неодуш.	-	-	-	-	3	4	-	-	-	14
беспредлож. одуш.	-	3	-	-	2	3	-	-	-	9
беспредлож. неодуш.	-	3	-	-	5	22	-	-	9	21

4. нашь

Препозиция (20 примеров)

[Поучение Феодосия Печерского]:

с одушевленными существительными: нет примеров.

с неодушевленными существительными: *в нашей службѣ* (452), *наша земля* (448).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:

с одушевленными существительными: нет примеров.

с неодушевленными существительными: *нашего бо телесе* (190), *нашея державы* (172), *в нашем градѣ* (172), *нашего грѣхопадения* (150).

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]:

с одушевленными существительными: *нашихъ воеводъ* (376),

с неодушевленными существительными: *наша лѣта* (382), *наша беззаконья* (376, 2 раза), *наше покаянье* (376, 2 раза), *наше непокаянье* (374), *наше непослушанье* (374).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:

с одушевленными существительными: *нашему Влодимеру* (26), *нашего учителя* (42), *нашего наставника* (42).

с неодушевленными существительными: *нашеа земли* (42), *за наше спасение* (58), *въ нашеи плоти* (60).

Постпозиция (69 примеров)

[Поучение Феодосия Печерского]:

с одушевленными существительными: *епископа нашего* (452), *князя нашего* (452), *братья наша* (452),

с неодушевленными существительными: *промышления наша* (440), *съгрѣшения наша* (440), *сердца наша* (440), *в душах наших* (440), *входа*

нашего (438).

[Поучения о простой чади]:

с одушевленными существительными: *богу нашем* (290).

с неодушевленными существительными: *за грѣхы наша* (199).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:

с одушевленными существительными: *спасителя нашего* (190).

с неодушевленными существительными: *вѣру нашю* (188), *кости наша* (182), *телеса наша* (182), *граду нашему* (172), *душа наша* (190, 3 раза), *душам нашим* (184).

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]:

с одушевленными существительными: *Богу нашему* (384), *врагъ нашь* (380), *владыкы нашего* (384), *врагомъ нашимъ* (376), *Бога нашего* (376, 2 раза), *спасителю нашь* (374), *отьци наши* (374), *жены наша* (374), *матери наши* (370), *Господомъ нашимь* (370).

с неодушевленными существительными: *за грѣхи наша* (382, 2 раза), *земля наша* (378), *въ сердца наша* (378), *оумъ нашь* (378), *о безаконии наших* (378, 3 раза), *богатьство наше* (376), *величия нашего* (374), *в земли нашей* (374), *въздыхание наше* (374), *животъ нашихъ* (374), *гради наши* (374), *земля наша* (374), *наказаньемь нашимь* (372), *от грѣхъ нашихъ* (370, 3 раза), *землю нашю* (370), *смѣрение наше* (370), *братью нашю* (370).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:

с одушевленными существительными: *Господь нашь* (38), *от Бога нашего* (42), *Бога нашего* (42, 2 раза), *Спасителю нашь* (42), *каганъ нашь* (44), *учителю нашь* (52), *Боже нашь* (52, 2 раза).

с неодушевленными существительными: *земли нашеи* (40), *цареви нашему* (42), *по силѣ нашеи* (42), *землю нашю* (44), *по дѣломъ нашимъ* (54, 2 раза), *въ*

сердца наша (54), *дыхание наше* (54), *рукъ нашихъ* (56, 2 раза), *очи наши* (56), *души наши* (54).

По результатам анализа атрибутивных конструкций с местоимением *нашь* можно отметить, что превалирующее положение этого атрибута – постпозиция: 69 постпозитивных конструкций, 20 − препозитивных. Атрибутивных словосочетаний с предлогом встретилось в количестве 17 единиц, что в 4,2 раза меньше, чем беспредложных (72 конструкции). В препозиции употребляется 4 предложные конструкции, в постпозиции – 13, поэтому в данном случае, как и с предыдущими рассматриваемыми притяжательными местоимениями, не обнаруживается влияния предлога на препозитивное положение атрибута. Примечательно, что в 15 (47 %) случаях из 17 предложных конструкций определяемое слово – неодушевленное имя существительное.

Как и в случае с местоимением *твои*, наблюдаем тяготение к постпозитивному положению атрибута при одушевленном существительном: 89 % постпозиции при одушевленном существительном, 69 % постпозиции при неодушевленном). Полученные данные представим в таблице (табл. № 2.18).

Таблица № 2.18 − Зависимость положения атрибута, выраженного местоимением *нашь*, от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога

Тип СС	ПФП		ППЧ		СлКТ		СлСВ		СлИл	
	AN	NA	AN	NA	AN	NA	AN	NA	AN	NA
предлож. одуш.	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1
предлож. неодуш.	1	-	-	1	1	-	-	6	2	4
беспредлож. одуш.	-	4	-	1	-	5	1	12	3	9
беспредлож. неодуш.	1	3	-	-	3	4	7	11	1	7

5. вашь

Препозиция (14 примеров)

[Поучения Феодосия Печерского]:

с одушевленными существительными: нет примеров.

с неодушевленными существительными: *в вашемъ тщании* (444*), к вашей любви* (442), *къ вашей любви* (440, 2 раза).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:

с одушевленными существительными: нет примеров.

с неодушевленными существительными: *вашю любовь* (178), *пред вашим отчьством* (178), *вашему отчьству* (184), *вашими молитвами* (174, 2 раза).

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]:

с одушевленными существительными: нет примеров.

с неодушевленными существительными: *о вашемь спасении* (382), *ваш разум* (380), *ваше маловѣрье* (380), *о вашемь безумьи* (380), *вашу любовь* (378).

Постпозиция (11 примеров)

[Поучения Феодосия Печерского]:

с одушевленными существительными: нет примеров.

с неодушевленными существительными: *колѣнех ваших* (442), *тръпѣниа вашего* (438).

[Поучения о простой чади]:

с одушевленными существительными: *пастырь вашь* (286).

с неодушевленными существительными: *о пьяньствѣ вашемь* (290).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:

с одушевленными существительными: *отца вашего* (176).

с неодушевленными существительными: *рука ваша* (176), *животъ вашь* (182).

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]:
с одушевленными существительными: *отець вашь* (372).
с неодушевленными существительными: *дѣла ваша* (374), *сердець ваших* (372).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:
с одушевленными существительными: нет примеров.
с неодушевленными существительными: *дом вашь* (38).

Осуществив анализ атрибутивных конструкций с притяжательным местоимением *вашь*, мы выявили несвойственное этому разряду местоимений преобладание препозитивного положения атрибута (56 %). Предложных конструкций меньше, чем беспредложных (9: 16). Однако, в отличие от остальных рассматриваемых атрибутивных конструкций с притяжательным местоимением, предложные словосочетания с местоимением *вашь* в 89 % (8 конструкций из 9) случаев располагаются в препозиции, что подтверждает мнение Ф. Р. Минлоса о «перетягивании» предлогом атрибута в препозитивное положение[202]. Примечательно, что в предложных конструкциях в 100 % случаев определяемое слово представлено неодушевленным именем существительным.

В целом при одушевленном субстантиве атрибут располагается преимущественно в постпозиции (75 %), тогда как при неодушевленном существительном наблюдается картина, не характерная для притяжательных местоимений – превалирование препозитивного положения (62 %).

Обобщим полученные данные в виде таблицы (табл. № 2.19).

[202] *Минлос* Ф. Р. Что притягивает притяжательные местоимения?... С. 279–290.

Таблица № 2.19 − Зависимость положения атрибута, выраженного местоимением *вашь*, от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога

Тип СС	ПФП		ППЧ		СлКТ		СлСВ		СлИл	
	AN	NA	AN	NA	AN	NA	AN	NA	AN	NA
предлож. одуш.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
предлож. неодуш.	4	-	-	1	2	-	2	-	-	-
беспредлож. одуш.	-	-	-	1	-	1	-	1	-	-
беспредлож. неодуш.	-	2	-	-	3	2	3	2	-	1

6. ихъ

Препозиция (2 примера)

[Поучения Феодосия Печерского]:

с одушевленными существительными: нет примеров.

с неодушевленными существительными: *ихъ обычая* (448).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:

с одушевленными существительными: *ихъ учителя* (42).

с неодушевленными существительными: нет примеров.

Постпозиция (5 примеров)

[Поучения Феодосия Печерского]:

с одушевленными существительными: нет примеров.

с неодушевленными существительными: *вѣра ихъ* (448), *делеса ихъ* (448).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:

с одушевленными существительными: *Богъ ихъ* (56).

с неодушевленными существительными: *дѣла ихъ* (36), *чюдеса ихъ* (60).

По результатам анализа немногочисленных атрибутивных конструкций с местоимением *ихъ* заключаем, что для данных словосочетаний характерно постпозитивное положение атрибута (2 препозитивные конструкции: 5 постпозитивных). Абсолютно все атрибутивные конструкции – беспредложные.

Необычен факт преобладания постпозитивного положения атрибута при неодушевленном существительном (80 %), тогда как обычно при данном субстантиве атрибут тяготеет к положению перед определяемым словом.

7. его (41 пример)

Постпозиция (41 пример)

[Поучения Феодосия Печерского]:

с одушевленными существительными: нет примеров.

с неодушевленными существительными: *страхъ его* (444), *славы его* (444).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:

с одушевленными существительными: *Христа его* (162), *съ преподобными его* (150), *лестьца его* (190).

с неодушевленными существительными: *милость его* (190), *на главу его* (188), *во имя его* (186), *страсти его* (186), *храм его* (178), *с дщерью его* (172), *души его* (170, 3 раза), *страха его* (168), *имя Его* (164), *память Его* (164), *заповѣдь его* (154), *по злобѣ его* (152), *повелѣния его* (154), *виноград его* (150), *на лице его* (150, 2 раза),

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]:

с одушевленными существительными: нет примеров.

с неодушевленными существительными: *пророчество его* (374).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:

с одушевленными существительными: *сыномъ его* (28), *сынъ его* (28),

братъ его (32), *ученикъ его* (46), *предъ ангеломъ его* (48), *людии его* (52), *угодникъ его* (60),

с неодушевленными существительными: *имя его* (32, 2 раза), *въ имя его* (32), *до основания его* (38), *въ рождении его* (38), *плоды его* (38), *слава его* (42), *пути его* (48), *изволениемь его* (60).

Анализ атрибутивных конструкций с местоимением *его* показал, что данный атрибут занимает исключительно постпозитивное положение. Предложных конструкций, как и в случае с другими притяжательными местоимениями, оказалось меньше, чем беспредложных (11 предложных конструкций: 31 беспредложная конструкция). Примечательно, что в предложных конструкциях в 81 % случаев (9 примеров) определяемое слово – неодушевленное имя существительное. Выявить влияние одушевленности определяемого существительного и наличия предлога на позицию атрибута в данных конструкциях не представляется возможным ввиду исключительного положения данного местоимения в постпозиции. Представим полученные данные в виде таблицы (табл. № 2.20).

Таблица № 2.20 − Зависимость положения атрибута, выраженного местоимением *его*, от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога

Тип СС	ПФП		ППЧ		СлКТ		СлСВ		СлИл	
	AN	NA	AN	NA	AN	NA	AN	NA	AN	NA
предлож. одуш.	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1
предлож. неодуш.	-	-	-	-	-	6	-	-	-	3
беспредлож. одуш.	-	-	-	-	-	2	-	-		6
беспредлож. неодуш.	-	3	-	-	-	12	-	1		6

***

Итак, обобщая вышеизложенные данные, отметим, что в текстах древнерусских поучений для атрибута, выраженного притяжательным

местоимением, характерно постпозитивное положение (127 препозитивных конструкций (27 %) и 347 постпозитивных (73 %). Только в конструкциях с местоимением *вашь* наблюдается небольшое превалирование препозиции атрибута (14 препозитивных конструкций: 11 постпозитивных). Преобладание постпозитивного положения притяжательного местоимения, по мнению Ф. Р. Минлоса, является его маркером по определению книжности / некнижности языка: «…относительная последовательная препозиция местоимения характеризуют некнижный язык, а постпозиция – книжный»[203]. В качестве доказательства Ф. Р. Минлос приводит ряд разножанровых текстов: в восточнославянских агиографических текстах XI−XII вв. препозиция притяжательных местоимений составляет 10−20 %, в гимнографических текстах XI−XII вв. – 32 %, в летописях – примерно 50 %, а в светских юридических текстах − 78 %. По мнению исследователя, «…устойчивая препозиция притяжательных местоимений в юридических текстах отражает не только некнижный, но и специальный юридический язык с более строгим синтаксисом»[204]. Таким образом, наши данные подтверждают принадлежность поучений к книжным текстам.

Предложных конструкций оказалось почти в 4 раза меньше, чем беспредложных (95 предложных конструкций: 379 беспредложных). В предложных конструкциях атрибут в 74 % случаев (70 конструкций) находится в постпозиции, ввиду чего мы делаем вывод, что предлог не влияет на препозитивное положение атрибута, выраженного притяжательным местоимением. В 83 % случаев в беспредложных конструкциях определяемое слово выражено неодушевленным именем существительным (табл. № 2.21).

---

[203] *Минлос* Ф. Р. Позиция притяжательного местоимения и языковые регистры древнерусских текстов // Исследования по славянской филологии. Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2012. С. 234.
[204] Там же. С. 235−243.

Таблица № 2.21 − Зависимость положения атрибута, выраженного притяжательным местоимением, от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога

Тип СС	ПФП		ППЧ		СлКТ		СлСВ		СлИл	
	AN	NA	AN	NA	AN	NA	AN	NA	AN	NA
предлож. одуш.	-	1	-	1	2	4	-	1	-	8
предлож. неодуш.	8	5	-	2	11	12	3	9	2	29
беспредлож. одуш.	2	17	4	3	16	25	2	19	5	39
беспредлож. неодуш.	9	24	1	1	33	79	13	21	16	47

Анализируя влияние одушевленности определяемого слова на положение атрибута, мы выяснили, что атрибут при одушевленном существительном чаще (79 % постпозиции), чем при неодушевленном (70 % постпозиции), располагается после определяемого слова.

В ходе анализа местоимений других лексико-грамматических разрядов продолжим наше наблюдение по влиянию одушевленности определяемого слова и наличию предлога на позицию атрибута.

Сочетание указательного местоимения и определяемого

1. сь, сеи

Препозиция (14 примеров)

[Поучения Феодосия Печерского]:

с одушевленными существительными: нет примеров.

с неодушевленными существительными: *сию вѣру* (450), *въ семь вѣцѣ* (450), *сею вѣрою* (450), *сий ключь* (444), *сию службу* (444, 3 раза).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:

с одушевленными существительными: *сего праведника* (170).

с неодушевленными существительными: *сей повѣсти* (178), *сего свѣта* (178), *сия сказания* (154).

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]:
с одушевленными существительными: нет примеров.
с неодушевленными существительными: *сия лѣта* (382), *в семъ житии* (374).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:
с одушевленными существительными: нет примеров.
с неодушевленными существительными: *въ семь мирѣ* (30).

Постпозиция (10 примеров)
[Поучения Феодосия Печерского]:
с одушевленными существительными: нет примеров.
с неодушевленными существительными: *градъ съ* (452), *в пустыни сей* (436).

[Поучения о простой чади]:
с одушевленными существительными: *въ человѣцѣхъ сихъ* (288).
с неодушевленными существительными: нет примеров.

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:
с одушевленными существительными: *праведника сего* (164).
с неодушевленными существительными: *свѣта сего* (174), *житья сего* (172), *свѣта сего* (148).

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]:
с одушевленными существительными: нет примеров.
с неодушевленными существительными: *свѣта сего* (374, 2 раза).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:

с одушевленными существительными: *въ человѣцѣхъ сихъ* (48).

с неодушевленными существительными: *въ писании семь* (28).

Представим полученные данные в виде таблицы (табл. № 2.22).

Таблица № 2.22 − Зависимость положения атрибута, выраженного местоимением *сь (сеи)*, от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога

Тип СС	ПФП		ППЧ		СлКТ		СлСВ		СлИл	
	AN	NA	AN	NA	AN	NA	AN	NA	AN	NA
предлож. одуш.	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1
предлож. неодуш.	1	1	-	-	-	-	1	-	1	1
беспредлож. одуш.	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-
беспредлож. неодуш.	6	1	-	-	3	3	1	1	-	-

В результате анализа атрибутивных конструкций с указательным местоимением *сь* (*сеи*) можем заключить, что для данного атрибута характерно препозитивное положение (14 препозитивных конструкций (58 %) и 10 постпозитивных (42 %). Число предложных атрибутивных словосочетаний в 2,4 раза меньше, чем беспредложных (7 предложных конструкций: 17 беспредложных). Примечательно, что в 71 % случаев (5 конструкций) в предложных конструкциях в качестве определяемого слова употребляется неодушевленное имя существительное. Ввиду того, что предложных постпозитивных конструкций оказалось больше (57 %), чем предложных препозитивных (43 %) заключаем, что предлог на позицию атрибута не влияет. При одушевленном существительном атрибут равно занимает как препозитивное, так и постпозитивное положение, тогда как при неодушевленном субстантиве наблюдается превалирование препозитивного

положения (60 % препозиции).

2. тотъ

Препозиция (10 примеров)

[Поучения Феодосия Печерского]:

с одушевленными существительными: нет примеров.

с неодушевленными существительными: *в тѣхъ днехъ* (446), *в тот день* (446).

[Поучения о простой чади]:

с одушевленными существительными: *тоя матерее* (286), *от тѣхъ животныхъ* (284).

с неодушевленными существительными: *таковаго творения* (290, 2 раза), *таковаго празднования* (288).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:

с одушевленными существительными: нет примеров.

с неодушевленными существительными: *к той горѣ* (174), *того древа* (152), *тѣх вѣтвий* (152).

Постпозиция (4 примера)

[Поучения о простой чади]:

с одушевленными существительными: *матери тоя* (284).

с неодушевленными существительными: нет примеров.

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:

с одушевленными существительными: *праведнику тому* (162), *царь тъй* (172).

с неодушевленными существительными: *нет примеров.*

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:

с одушевленными существительными: *дѣлателемъ тѣмь* (36).

с неодушевленными существительными: нет примеров.

Представим полученные данные в виде таблицы (табл. № 2.23).

Таблица № 2.23 − Зависимость положения атрибута, выраженного местоимением *тотъ*, от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога

Тип СС	ПФП		ППЧ		СлКТ		СлСВ		СлИл	
	AN	NA	AN	NA	AN	NA	AN	NA	AN	NA
предлож. одуш.	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
предлож. неодуш.	2	-	-	-	1	-	-	-	-	-
беспредлож. одуш.	-	-	1	1	-	2	-	-	-	1
беспредлож. неодуш.	-	-	3	-	2	-	-	-	-	-

По результатам проведенного исследования можно заключить, что указательное местоимение *тотъ* тяготеет к препозитивному положению (10 препозитивных конструкций: 4 постпозитивные конструкции). Беспредложных конструкций оказалось в 2,5 раза больше, чем предложных (10:4). Обращает на себя внимание расположение атрибута при одушевленном существительном: атрибут тяготеет к постпозитивному положению (67 %), тогда, как при неодушевленном существительном он располагается исключительно в препозиции.

Также по результатам анализа атрибутивных словосочетаний можем отметить влияние предлога на позицию атрибута (все предложные конструкции препозитивны). Определяемое слово в данных словосочетаниях в 75 % случаев выражено неодушевленным именем существительным.

3. такои (3 примера)

[Поучения о простой чади]:

с одушевленными существительными: нет примеров.

с неодушевленными существительными: *таковаго творения* (290, 2 раза), *таковаго празднования* (288).

Ввиду небольшого числа конструкций с местоимением *такои* сделать какие-либо выводы о расположении компонентов атрибутивного ряда нам не представляется возможным. Однако стоит обратить внимание на то, что все обнаруженные нами словосочетания имеют препозитивное положение атрибута, что подтверждает тяготение указательных местоимений к положению перед определяемым словом.

Обобщая вышесказанное, представим сводную таблицу расположения атрибута, выраженного указательным местоимением (табл. № 2.24).

Таблица № 2.24 − Зависимость положения атрибута, выраженного указательным местоимением, от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога

Тип СС	ПФП		ППЧ		СлКТ		СлСВ		СлИл	
	AN	NA	AN	NA	AN	NA	AN	NA	AN	NA
предлож. одуш.	-	-	1	1	-	-	-	-	-	1
предлож. неодуш.	3	1	-	-	1	-	1	-	1	1
беспредлож. одуш.	-	-	1	1	1	3	-	-	-	1
беспредлож. неодуш.	6	1	6	-	5	3	1	1	-	-

Итак, атрибуты, выраженные указательными местоимениями, в текстах древнерусского красноречия располагаются преимущественно в препозиции (27 препозитивных конструкций (66 %): 14 постпозитивных (34 %). Беспредложных конструкций встретилось почти в 3 раза больше, чем словосочетаний с предлогом (11 предложных конструкций: 30

беспредложных). Обращает на себя внимание тот факт, что в предложных конструкциях в 73 % случаев (8 конструкций) определяемым словом является неодушевленное имя существительное. На положение атрибута, выраженного указательным местоимением, влияет предлог: в 63 % предложные словосочетания препозитивны. Также в результате анализа словосочетаний мы выявили следующую зависимость: при одушевленном существительном атрибут в 70 % случаев располагается после определяемого слова, тогда как при неодушевленном − в 77 % случаев перед ним.

Сочетание определительного местоимения и определяемого

1. вьсь

Препозиция

[Поучения Феодосия Печерского]:

с одушевленными существительными: *вс҃хъ пророкъ* (452), *вс҃х Святыхъ* (444).

с неодушевленными существительными: *вс҃ праздникы* (448), *вся д҃ла* (446, 2 раза), *по вся дни* (444, 2 раза).

[Поучения о простой чади]:

с одушевленными существительными: *вси мужи* (286).

с неодушевленными существительными: *всь градъ* (286).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:

с одушевленными существительными: *вси человѣци* (192), *съ всеми святыми* (204), *вс҃мъ апостолом* (202), *вс҃м вельможам* (186), *вс҃хъ святыхъ* (170), *вс҃мь человѣком* (156).

с неодушевленными существительными: *по вся дьни* (190), *всея земля* (192), *по всей Палестинѣ* (190), *от вс҃х град* (190), *весь Иеросалим* (186), *всяко прошение* (200), *въ всем мирѣ* (202, 2 раза), *по всей странѣ* (198), *вси слова* (198), *вся слава* (180), *всю добродѣтель* (180), *всему миру* (176), *вс҃мъ*

тѣломъ (172), *вьсь миръ* (164), *за вьсь миръ* (162), *всю землю* (152), *всѣмъ сердцемъ* (144).

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]:

с одушевленными существительными: нет примеров.

с неодушевленными существительными: *всѣмъ оутѣшеньемь* (372, 2 раза), *на весь миръ* (378, 2 раза).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:

с одушевленными существительными: *всеи твари* (38), *съ всѣми христиаными* (38), *вси людие* (42, 2 раза), *всю тварь* (44), *съ всѣми праведныими* (56), *всѣхъ святыихъ* (56).

с неодушевленными существительными: *всю землю* (26,4 раза), *въ вся языкы* (26, 2 раза), *вси языкы* (26, 4 раза), *по всеи земли* (32, 11 раз), *всѣми конци* (36), *вся земля* (38, 3 раза), *вся страны* (40, 2 раза), *прѣдъ всѣми языкы* (42), *надъ всѣми языкы* (42), *всѣмъ концемь* (42), *въ всѣхъ языцѣхъ* (42), *вся гради* (42), *въ всѣх градѣхъ* (44), *всему миру* (50), *от всего мира* (56).

Постпозиция

[Поучения Феодосия Печерского]:

с одушевленными существительными: нет примеров.

с неодушевленными существительными: *вселеныа всеа* (434).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:

с одушевленными существительными: *младеньци же вся* (188), *твари всей* (166), *тварь всю* (164).

с неодушевленными существительными: *мира всего* (198).

По результатам проведенного анализа словосочетаний с атрибутом, выраженным определительным местоимением *вьсь*, мы приходим к

заключению о преобладании препозитивного положения данных словосочетаний (79 случаев препозиции: 5 − постпозиции). Представим полученные данные в таблице (табл. № 2.25).

Таблица № 2.25 − Зависимость положения атрибута, выраженного местоимением вьсь, от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога

Тип СС	ПФП		ППЧ		СлКТ		СлСВ		СлИл	
	AN	NA	AN	NA	AN	NA	AN	NA	AN	NA
предлож. одуш.	-	-	-	-	1	-	-	-	2	-
предлож. неодуш.	2	-	-	-	7	-	2	-	18	-
беспредлож. одуш.	2	-	1	-	5	3	-	-	5	-
беспредлож. неодуш.	3	1	1	-	11	1	2	-	17	-

Беспредложных атрибутивных конструкций в 1,6 раза больше, чем предложных (32 предложные конструкции: 52 беспредложных). Однако обращает на себя внимание тот факт, что все предложные конструкции препозитивны, ввиду чего можно заключить о влиянии предлога на препозицию атрибута.

Одушевленность определяемого существительного на положение анализируемого атрибута влияния не оказывает: атрибут тяготеет к препозитивному положению как при одушевленном (84 % препозиции), так и при неодушевленном существительном (97 % препозиции).

Ввиду того, что последующие анализируемые нами определительные местоимения не употребляются в постпозитивном положении, но сразу можно отметить, что на данные атрибуты не распространяется влияние одушевленности определяемого им существительного.

2. вьсякъ, вьсякыи

Препозиция

[Поучения Феодосия Печерского]:

с одушевленными существительными: *всякъ крестьянинъ* (446).

с неодушевленными существительными: *от всякоя печали* (452), *всякого ученья* (448), *съ всякою кротостию* (440), *въ всякых службах* (438).

[Поучения о простой чади]:

с одушевленными существительными: нет примеров.

с неодушевленными существительными: *всякое похотѣние* (284).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:

с одушевленными существительными: *всяк чѣловѣк* (178).

с неодушевленными существительными: *всякого прѣгрѣшения* (198), *всякоя утѣхы* (192), *всяка слава* (190), *всякоя обиды* (190), *от всякоя скверны* (188), *всяко прошение* (200), *всякого прѣгрѣшения* (198), *от всякого блага* (180), *всяка власть* (178), *от всякого зла* (170, 2 раза), *всякой души* (156).

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]:

с одушевленными существительными: нет примеров.

с неодушевленными существительными: *всякого грабленья* (370, 2 раза).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:

с одушевленными существительными: нет примеров.

с неодушевленными существительными: *на всякомъ мѣстѣ* (38), *всякъ языкъ* (42), *всяка гора* (42), *всяка плоть* (42), *съ всякою красотою* (50), *всяко еретичьство* (52), *от всякоа рати* (52), *всякоа скорби* (52), *всякоа сътуждениа* (52).

3. самъ, самыи

Препозиция

[Поучения Феодосия Печерского]:

с одушевленными существительными: *самого Господа* (452).

с неодушевленными существительными: нет примеров.

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:

с одушевленными существительными: *самого Бога* (168), *сам Господь* (156), *самого Христа* (154).

с неодушевленными существительными: нет примеров.

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]:

с одушевленными существительными: *самого Господа* (48).

с неодушевленными существительными: нет примеров.

4. другъ, другыи

Препозиция

[Поучения о простой чади]:

с одушевленными существительными: нет примеров

с неодушевленными существительными: *другая вина* (286).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:

с одушевленными существительными: *съ другымъ ученикомъ* (164).

с неодушевленными существительными: нет примеров.

Итак, обобщим полученную информацию и представим ее в сводной таблице (табл. № 2.26).

Таблица № 2.26 − Зависимость положения атрибута, выраженного определительным местоимением, от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога

Тип СС	ПФП		ППЧ		СлКТ		СлСВ		СлИл	
	AN	NA	AN	NA	AN	NA	AN	NA	AN	NA
предлож. одуш.	-	-	-	-	2	-	-	-	2	-
предлож. неодуш.	5	-	-	-	11	-	2	-	21	-
беспредлож. одуш.	4	-	1	-	9	3	-	-	6	-
беспредлож. неодуш.	4	1	3	-	19	1	4	-	23	-

Атрибут, выраженный определительным местоимением, в 96 % случаев (116 конструкций) занимает препозитивное положение, постпозиция отмечена только в 5 случаях. По частоте употребления определительные местоимения распределяются следующим образом: *весь* – 84 конструкции, *вьсякъ/ вьсякыи* – 30 конструкций, *самъ, самыи* – 5 конструкций, *другыи* – 2 конструкции. Предложных конструкций, так же, как и с местоимениями других разрядов, оказалось почти в 2 раза меньше, чем беспредложных (43 предложные конструкции: 78 беспредложных). Примечательно, что все предложные конструкции препозитивны, соответственно, согласно мнению Ф. Р. Минлоса[205], на позицию атрибута свое влияние оказывает предлог. Одушевленность определяемого существительного не оказывает влияние на положение атрибута: при одушевленном и при неодушевленном существительном атрибут превалирует в препозиции (89 % и 98 % соответственно).

[205] *Минлос* Ф. Р. Позиция атрибута внутри именной группы… С. 203−216.

Сочетание порядкового числительного и определяемого

Порядковые числительные, по мнению исследователей, в древнерусском языке обычно располагались перед определяемым словом[206]. Полученные нами данные из текстов древнерусского красноречия подтверждают гипотезу ученых.

Препозиция

[Поучения Феодосия Печерского]:

пьрвоѣ недѣлѣ (448), *въ семый день* (446), *вторый день* (446), *нъ пьрвый день* (446, 2 раза), *въ первый надесят час* (434).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:

перваго прѣступления (194), *до второго пришествия* (158).

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]: *в первыхъ родѣхъ* (382).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]: *въ третии день* (58).

Постпозиция

[Слова и поучения Кирилла Туровского]:

въ недѣлю третью (158), *во крещение же первое* (156).

Всего из текстов древнерусского красноречия мы извлекли 12 конструкций с атрибутом, выраженным порядковым числительным. Препозитивное положение атрибута мы наблюдаем в 10 словосочетаниях (83 %). В 8 конструкциях (67 %) числительное служит для выражения порядка следования дней, неделей, лет.

---

[206] *Санников* В. З. Указ. соч. С. 64–65.

Сочетание причастия и определяемого

В анализируемых текстах древнерусского красноречия встретились немногочисленные случаи выражения атрибута причастием. Имея грамматические категории рода, числа и падежа, данная часть речи выступает и в определительной функции. Однако же не все исследователи разделяли эту позицию и, ссылаясь на «неоднозначность их синтаксической роли», не принимали в расчет данные атрибутивные словосочетания[207].

Препозиция

[Поучения Феодосия Печерского]: *грядущаа мука* (442), *непроходимая мѣста* (442), *немерцаемѣмъ свѣте* (454).

[Поучения о простой чади]: *в негасимомъ огни* (290), *негасимый огнь* (288).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]: *рыдающей Матери* (162).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]: *от спасенааго учениа* (40), *нетлѣннѣмъ Иерусалимѣ* (44).

Постпозиция

[Поучение Феодосия Печерского]: *вѣру развращену* (452).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]: *къ овцамь погыбшимъ* (36), *Троицу царьствующу* (56).

По результатам анализа данных конструкций отмечаем, что атрибут, выраженный причастием, в 73 % случаев занимает препозитивное положение. Атрибут представлен действительными и страдательными причастиями практически в равном количестве (5 и 6 соответственно). Беспредложных атрибутивных конструкций оказалось в 2,6 раза больше, чем

[207] *Евстифеева* Р. А. Указ. соч. С. 164.

беспредложных (8 беспредложных конструкций – 3 предложных конструкции). Сделать выводы о влиянии предлога на положение атрибута не представляется возможным ввиду небольшого числа подобных конструкций.

Сочетание субстантивного атрибута и определяемого

В именных словосочетаниях атрибут, кроме имени прилагательного, порядкового числительного, местоимения и причастия, может быть выражен именем существительным (в структуре предложения данный тип атрибута обычно называется приложением).

Субстантивные атрибута (приложения) в древнерусском языке разделяются на две семантические группы: определяющие и уточняющие. «Определяющее приложение дает дополнительную качественную (в широком смысле слова) характеристику имени. <…> Уточняющее приложение только конкретизирует определяемое»[208]. Как правило, уточняющее приложение указывает на общественную характеристику человека (прозвище, титул).

Субстантивные атрибуты, относящиеся к имени собственному[209]

[Поучения Феодосия Печерского]: ***Господь*** *Богъ* (446), *Христосъ* ***Богъ*** (446), ***живодавцю*** *Богу* (454).

[Поучения о простой чади]: ***Господь*** *Богъ* (288).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]: ***богоотець*** *Давыд* (178), *Бог* ***Отець*** (158, 2 раза), *Кирила* ***мниха*** (142), ***спаса*** *Христа* (142).

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]: ***Господь*** *Богъ* (374, 3 раза), ***апостолъ*** *же Павелъ* (378).

---

[208] *Коробчинская* Л. А. Приложение в древнерусском языке… С. 70.

[209] Здесь и далее в тексте приложения выделены полужирным курсивом.

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]: ***Спасъ*** *Христосъ* (32), ***царю*** *Науходоносоре* (48), ***Крестителя*** *Иоанна* (56), ***Дѣвицѣ*** *Марии* (58), ***мнихъ*** *Иларионъ* (60), ***прозвитерь*** *Иларионъ* (60), ***Вседръжителя*** *Бога* (52), *от Иакова* ***апостола*** (48), *Марии* ***Дѣвицѣ*** (58), *къ Богу* ***Отцу*** (48).

Субстантивные атрибуты, относящиеся в имени нарицательному

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]: *град* ***Ерусалима*** (380).
[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]: ***Константина*** *града* (48).

Рассмотрев атрибутивные словосочетания с субстантивным атрибутом, мы пришли к выводу, что в конструкциях, в которых определяемое слово – собственное имя существительное (к примеру, *Бог*, *Давыд*), приложение в 75 % случаев занимает препозитивное положение (18 препозитивных конструкций: 6 постпозитивных конструкций). В словосочетаниях, где главное слово – имя нарицательное, обозначающее географическое понятие (*градъ*), субстантивный атрибут в одном случае занимает препозитивное положение, а в другом − постпозитивное, поэтому сделать выводы о положение этого атрибута нам не представляется возможным. С точки зрения семантики во всех представленных атрибутивных конструкциях субстантивный атрибут имеет уточняющее значение, называя должности, титулы и родовые понятия.

***

Итак, произведя анализ двухкомпонентных атрибутивных словосочетаний в пяти текстах древнерусского красноречия, заключаем, что в 55 % случаев (от общего числа всех двучленных конструкций) атрибут имеет препозитивное положение. При этом нечленные формы качественных и относительных имен прилагательных предпочитают постпозицию в 53 % случаев употребления, что подтверждает мнение исследователей о тяготении

данных форм к положению после определяемого слова[210].

В ходе исследования мы выяснили и подтвердили мнение историков языка о влиянии морфологического выражения атрибута на его позицию внутри конструкции: так, порядковые числительные (83 % препозиции), причастие (73 % препозиции), качественные (64 % препозиции) и относительные (77 % препозиции) прилагательные занимают позицию перед определяемым словом, тогда как притяжательное прилагательное тяготеет к постпозиции (67 % постпозиции). Положение атрибута, выраженного местоимением, также зависит и от его разряда: притяжательные местоимения в 73 % употребляются в постпозиции, указательные и определительные же, наоборот, тяготеет к препозиции (66 % и 94 % соответственно). В результате проведенного исследования нам удалось выяснить, что на позицию атрибута свое влияние оказывает и одушевленность определяемого существительного: при одушевленном существительном атрибут чаще находится в постпозиции, чем при неодушевленном. Наше предположение подтвердилось на примере притяжательных прилагательных, притяжательных и указательных местоимений. Также на материале качественных и относительных прилагательных, определительных и указательных местоимений мы обнаружили влияние предлога на расположение компонентов атрибутивного ряда (ср. с суждением Д. Ворта о «перетягивании» предлогом определения в препозитивное положение[211]). Определяемое существительное при атрибуте, выраженном именем прилагательным, чаще всего представлено следующими семантическими группами: «вера, религия», «чувства, эмоциональное состояние», «предметы, связанные с богослужением», «названия лиц в сфере религии». Семантической группой «общественно-государственная сфера; религия» представлено и большинство прилагательных (91 % в препозиции, 93 % в постпозиции). Особого внимания заслуживают традиционные устойчивые словосочетания, распространенные в текстах древнерусского

[210] *Санников* В. З. Указ. соч. С. 47–94.
[211] *Worth* D. Указ. соч. P. 533–554.

красноречия. Самыми употребительными прилагательными в подобных конструкциях стали лексемы *святыи*, *небесныи*, *Божии*, *Христовъ* и *Господнь*, исходя из употребления которых, мы делаем вывод о том, что в тексах поучений особое место занимает сакральный компонент. При анализе атрибута, выраженного именем существительным (приложением), мы отметили, что при определяемом собственном имени существительном приложение тяготеет к препозиции, а при определяемом нарицательном существительном – к постпозиции. Таким образом, заключаем, что на положение атрибута в двучленном субстантивно-атрибутивном словосочетании влияет не только его частеречное выражение, но и лексико-грамматические и семантические признаки входящих в состав атрибутивной конструкции компонентов.

2.2. Порядок слов в многокомпонентных словосочетаниях

Многочленные атрибутивные словосочетания, или развитый атрибутивный комплекс[212], в древнерусском языке описаны не так подробно, как двучленные. По мнению Р. А. Евстифеевой, трехчленные конструкции являются искусственно созданными и не свойственны древнерусскому языку[213]. В современном русском языке при нейтральном порядке слов в многокомпонентном атрибутивном словосочетании имеется следующее словорасположение: *указательное или определительное местоимение + притяжательное местоимение + прилагательное + определяемое слово*[214]. По заключению Ф. Р. Минлоса, такое же расположение является «базовым словопорядком» и в древнерусском языке[215]. К противоположному выводу пришел Р. Вечерка, отмечая, что самыми распространенными вариантами в древних славянских памятниках были существительное + местоимение + прилагательное и прилагательное + существительное + местоимение, то есть, выражаясь иными словами, постпозиция атрибутов и рамочные конструкции[216].

В ходе анализа многочленных атрибутивных конструкций в текстах древнерусского красноречия попытаемся выяснить, какой порядок был «базовым» для памятников данного жанра.

Препозиция определений

1. Местоимение + прилагательное + существительное

[Поучения Феодосия Печерского]: *всѣхъ правовѣрныхъ крестьянъ* (454), *вся*

---

[212] *Ленделова* В. Указ. соч. С. 15.
[213] *Евстифеева* Р. А. Указ. соч. С. 191.
[214] *Улитова* А. С. Многокомпонентные атрибутивные словосочетания в книжных и деловых текстах (на материале памятников XVII века) // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2015. №4. С. 108–118.
[215] *Минлос* Ф. Р. Что притягивает притяжательные местоимения?... С. 287.
[216] Цит. по: *Ленделова* В. Указ. соч. С. 15.

правовѣрныя крестьяны (450), *ся правѣдный венець* (444), *своми недобрыми нравы* (444, 2 раза), *оно пророчьское слово* (436, 2 раза), *ту горкыа воды* (436), *всему доброму благонравию* (434, 2 раза).

[Поучения о простой чади]: *всякому вѣрному человѣку* (284, 2раза).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]: *моя отверзающее уста* (204), *всего Печерьскаго монастыря* (200), *всякого священаго сана* (198), *се природный источник* (196), *мой бѣдный укрух* (192, 2 раза), *се новосвященныи мних* (182), *тоя святыя трапезы* (184), *вся житийскыя вещи* (178), *весь чернечьскый чин* (176), *всего мнишьскаго уставленья* (176), *оного благоразумнаго свѣтника* (174), *всѣхъ лютыхъ напастий* (170), *от всѣхъ видимыхъ врагъ* (170), *сего суетнаго житиа* (178), *на твое святое тѣло* (164), *самого Святаго Духа* (150), *ся грѣшнича словеса* (148), *вся вздушная тварь* (144), *сего настоящаго жития* (144), *всего Печерьскаго монастыря* (200), *всякого священаго сана* (198), *се природный источник* (196), *вся житийскыя вещи* (178), *сего суетнаго житиа* (178, 3 раза), *весь чернечьскый чин* (176), *всѣхъ лютыхъ напастий* (170), *от всѣхъ видимыхъ врагъ* (170), *се мое слово* (158), *на твое святое тѣло* (164, 3 раза), *самого Святаго Духа* (150, 2 раза), *вся вздушная тварь* (144), *ся грѣшнича словеса* (148), *сего настоящаго жития* (146), *вся церковныя учителя* (184), *тоя святыя трапезы* (184), *се новосвященныи мних* (184).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]: *твоа нощныа милостыня* (48), *всѣмъ округъниимъ странамъ* (50), *твое вѣрное въсѣание* (50).

2. Прилагательное + местоимение + существительное

[Поучения Феодосия Печерского]: *правыя сея вѣры* (450), *злыя тоя вѣры* (448), *благая оноа надежда* (442), *Давыдское оно слово* (438, 2 раза), *святый*

тъй даръ (434).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]: *милый мой господине* (204, 2 раза), *благый нашь врачь* (194), *великая его чюдеса* (190), *святи ваши отци* (184), *худое се житие* (180, 2 раза), *святую свою кровь* (176), *честное свое тѣло* (176), *телесную всю сквьрну* (168), *страньнаго того Исуса* (162), *плачевными тоя глаголы* (162), *святаго ти лица* (160), *милое мое чадо* (160), *мертвыя сия кости* (156), *милый мой господине* (204, 2 раза), *благый нашь врачь* (194), *великая его чюдеса* (190), *святи ваши отци* (182), *худое се житие* (180, 2 раза), *святую свою кровь* (176), *честное свое тѣло* (176), *телесную всю сквьрну* (170), *страньнаго того Исуса* (164), *плачевными тоя глаголы* (162), *милое мое чадо* (160), *святаго ти лица* (160), *мертвыя сия кости* (156).

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]: *злаго нашего обычая* (374), *горкое то имѣние* (378).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]: *присныи Христовъ рабъ* (48), *съ новыми нашими отци* (48), *мужьственое твое тѣло* (50), *злыихъ своихъ дѣлъ* (54, 2 раза), *гнѣвныи твои пламень* (54), *на Страшнѣмъ твоемъ Судѣ* (56).

3. Прилагательное + прилагательное + существительное

[Поучения Феодосия Печерского]: *от святыхъ богоносныхъ отець* (448).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]: *великаго скимнаго образа* (200, 3 раза), *в бесконечную смертную муку* (158), *дивныя Божия твари* (158, 3раза), *всечестный богоблаженый Василе* (198).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]: *святыихъ небесныихъ силъ* (56, 3 раза), *правовѣрныихъ святыих отець* (60), *Христовы пречистыа*

крове (38), *присныи Христовъ рабъ* (48), *въ едину святую церковь* (58), *въ едину съборную церковь* (58), *въ едину апостольскую церковь* (58).

4. Местоимение + местоимение + существительное

[Слова и поучения Кирилла Туровского]: *се мое слово* (168), *пред всѣми своими рабы* (158, 2 раза), *та вся тѣло* (156).

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]: *си нашю любовь* (382).

5. Сочетание существительного (приложения), местоименного определения/ прилагательного и существительного

[Поучения Феодосия Печерского]: ***Господемь*** *нашимъ Исусъ Христомъ* (446).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]: ***Господа*** *нашего Исуса Христа* (190, 5 раз), ***Спаса*** *нашего Исуса Христа* (170), *печерьский* ***игумене*** *Феодосие* (200, 2 раза).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]: *съ* ***сыномъ*** *своимъ Исакомъ* (30), ***каганъ*** *нашь Володимеръ* (44), *самъ* ***Спасъ*** *Христос* (48, 2 раза), *съ* ***бабою*** *твоею Ольгою* (48), *Святыа* ***Богородица*** *Мариа* (50), ***сынъ*** *твои Георгии* (50), *благовѣрную* ***сноху*** *Ерину* (50), *о благовѣрнѣмъ* ***каганѣ*** *Георгии* (52), *благовѣрному* ***кагану*** *Ярославу* (60).

Итак, произведя анализ многочленных словосочетаний с препозицией атрибутов, заключаем, что самым распространенным оказалось словорасположение *местоимение + прилагательное + существительное* (49 конструкций, 43 % от общего числа препозитивных многокомпонентных словосочетаний). По частоте своего употребления местоимения, входящие в состав данной конструкции, распределились следующим образом:

определительные (49 %), притяжательные (35 %) и указательные (16 %). В конструкциях типа *прилагательное + местоимение + существительное*, наоборот, самыми употребительными оказались указательные и притяжательные местоимения (по 46 %), определительные местоимения нашли свое употребление только в 3 % конструкций. В конструкциях с двумя местоимениями, составляющими 5 % от общего числа всех препозитивных словосочетаний, в четырех случаях из пяти ближе к определяемому слову располагается притяжательное местоимение, дальше от него – указательное или определительное. В конструкциях с двумя прилагательными наблюдаем следующие комбинации словорасположения: сочетание качественного и относительного прилагательного (39 %), сочетание двух качественных прилагательных (34 %), сочетание качественного и притяжательного прилагательного (28 %). В конструкциях с приложением в половине случаев представлено устойчивое словосочетание *Господа нашего Иисуса Христа* (в некоторых примерах с некоторыми вариациями). В остальных примерах приложение обозначает должность (*печерьский* ***игумене*** *Феодосие* (ПФП, 200) и характеристику определяемого слова ***(Спаса нашего*** *Исуса Христа* (СлКТ, 170). Примечательно, что в отношении последних случаев атрибуты находятся в исключительной препозиции, ближе к определяемому слову располагается приложение.

Постпозиция определений

1. Существительное + местоимение + прилагательное

[Поучения Феодосия Печерского]: *прѣщения оного страшнаго* (442), *въ сердца наша неподобнаа* (436), *раба твоего грѣшнаго* (450).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]: *сын сый Божий* (164, 2 раза), *Израиля твоего святаго* (174), *сынъ мой възлюбленый* (164, 2 раза).

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]: *пути своего злаго* (374),

прещенья сего страшьнаго (370).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]: *Сынъ мои възлюбленыи* (34), *Отець вашь небесныи* (54).

2. Существительное + прилагательное + местоимение

[Слова и поучения Кирилла Туровского]: *Израиля святаго твоего* (164).

3. Существительное + прилагательное + прилагательное

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]: *къ врагомъ Божиемь иновѣрнымъ* (28, 2 раза).

Конструкций с постпозитивным положением атрибутов 28 единиц, что составляет 14 % от общего числа многочленных атрибутивных словосочетаний. Конструкций данного типа нет в тексте «Поучения к простой чади».

Наиболее употребительной является конструкция *существительное + местоимение + прилагательное* (12 конструкций, 43 %), представляя собой «зеркальное» отражение конструкции *прилагательное + местоимение + существительное*. Как и в случае с препозицией в данных конструкциях распространенными местоимениями являются притяжательные (7 примеров) и указательные и (5 примеров), определительные местоимения же не употребляются вовсе. Прилагательное в 75 % случаев является качественным.

Пре - + постпозиция определений

1. Прилагательное + существительное + прилагательное

[Поучения Феодосия Печерского]: *святаго Феодосия Печерскаго* (452).

[Поучения о простой чади]: *проклятыхъ бѣсовъ елиньскыхъ* (286), *святую*

невѣсту Христову (286).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]: *пречистому тѣлу Христову* (170).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]: *сластнааго въкушениа Адамова* (36).

2. Прилагательное + существительное + местоимение

[Поучения Феодосия Печерского]: *едину вѣру свою* (450).

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]: *злыхъ обычай наших* (382, 2 раза).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]: *благыи Богъ нашь* (40, 2 раза), *многыихъ грѣхъ нашихъ* (54), *ради възлюбенаго Сына своего* (46).

3. Местоимение + существительное + прилагательное

[Поучения Феодосия Печерского]: *весь чинъ мнишескый* (452).

[Поучения к простой чади]: *нѣкими писмены лживыми* (286), *вся силы небесныя* (286).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]: *вся оружия Божиа* (174), *вся служба ангельская* (184, 2 раза), *сего древа животнаго* (152, 2 раза).

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]: *всѣхъ дѣлъ злыхъ* (374, 2 раза).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]: *до нашего языка рускаго* (26, 2 раза), *вси судии земьскыи* (42).

4. Местоимение + существительное + местоимение

[Поучения Феодосия Печерского]: *всѣхъ святыхъ твоихъ* (452).

[Поучения о простой чади]: *всѣмъ мужемъ тѣмъ* (288).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]: *вся кости моя* (164), *весь недуг мои* (196).

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]: *всю землю нашу* (378), *вся грѣхы наша* (376).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]: *от всеа земля нашеа* (26), *всю землю нашу* (40, 2 раза), *весь животъ нашь* (40), *въ всѣхъ домех своих* (40), *по всеи земли твоеи* (46, 2 раза), *на всю область сию* (48), *по всему миру своему* (48, 2 раза).

5. Прилагательное + существительное + существительное (приложение)

[Поучения Феодосия Печерского]: *святый Павелъ* ***апостолъ*** (446), *святаго Феодосия,* ***игумена*** (442, 3 раза).

[Слова и поучения Кирилла Туровского]: *святого Кирила* ***мниха*** (196, 3 раза).

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]: *въ велицѣмъ градѣ Кыевѣ* (60), *въ богохранимѣмь градѣ Кыевѣ* (60).

6. Существительное (приложение) + существительное + местоимение

[Слова и поучения Серапиона Владимирского]: ***Господь*** *Богъ* ***нашь*** (374).

7. Существительное (приложение) + существительное + прилагательное

[Слово о законе и благодати митрополита Илариона]: ***Господь*** *Бог Израилевъ* (26).

Проанализировав атрибутивные словосочетания с рамочным расположением компонентов, мы заметили, данный тип конструкции допускает больше всего вариантов: семь. Самой распространенной оказалась комбинация *местоимение* + *существительное* + *местоимение* (16 словосочетаний, 31 % от общего числа рамочных конструкций), где в 100 % случаев препозитивный атрибут выражен определительным местоимением, а постпозитивный в 87 % − притяжательным местоимением. Следующей по частоте употребления оказалась конструкция *местоимение* + *существительное* + *прилагательное* (13 конструкций, 25 %). Препозитивным членом в 62 % является определительное местоимение, постпозитивный атрибут представлен в 54 % случаев относительным прилагательным и в 38 % - качественным.

Рамочные многочленные конструкции с аппозитивной связью представлены тремя вариациями: *прилагательное* + *существительное* + *приложение* (9 примеров), *приложение* + *существительное* + *местоимение* (1 пример), *приложение* + *существительное* + *прилагательное* (1 пример). Первый случай представлен формульной конструкцией «*святый* + личное имя + должность». В ходе анализа Новгородской первой летописи Р. А. Евстифеева отмечает, что в данной конструкции атрибут *святый* всегда препозитивен, приложения *пророкъ* и *апостолъ* также выбирают препозитивное положение, *апостолъ* − колеблется с определением позиции[217]. В полученных нами примерах *святый* аналогично занимает препозицию, однако все церковные должности (*апостолъ, игуменъ, мнихъ*) расположены после определяемого слова. По словам исследователя

[217] *Евстифеева* Р. А. Указ. соч. С. 194.

Р.А. Евстифеевой, данные конструкции демонстрируют зависимость позиции от выражаемой словом степени сакральности[218]. Другие два типа конструкций с аппозитивом – иные формульные словосочетания: ***Господь*** *Исус Христос* (СлКТ, 194, 3 раза), ***Господь*** *Богъ нашь* (СлСВ, 374).

Многокомпонентные словосочетания с дистантным положением компонентов

В двух многочленных словосочетаниях с дистантным положением компонентов наблюдаем препозицию атрибутов, разрывающим элементом является глагол, причастие и местоимение:

[Слова и поучения Кирилла Туровского]: *всѣ житийскыа* ***останутъ*** *мысли* (174), *сию сладкую* ***поющи*** *пѣснь* (176), *възлюбившаго* ***нас*** *Христа* (188).

[218] *Евстифеева* Р. А. Указ. соч. С. 194.

2.3. Экспрессивные функции атрибутивной локализации в «словах» и поучениях

Обычно, рассуждая об экспрессивной функции словопорядка, исследователи лингвопоэтики (лингвостилистики) обращаются к описанию случаев инверсии. Между тем говорить о такой фигуре речи, как инверсия, применительно к древнерусскому периоду представляется преждевременным, поскольку вплоть до XVII столетия левосторонний порядок расположения атрибута, по наблюдениям историков русского языка[219], нельзя считать жестко установившимся. Инверсия как экспрессивный (субъективный) обратный порядок локализации для атрибутов – имен прилагательных и местоимений стала утверждаться в русском литературном языке уже в более поздний период его формирования. Это, однако, не означает, что при отсутствии строгой нормы и обязательного грамматического правила расположения атрибута авторы тех или иных памятников не могли, свободно выбирая право- или левостороннюю локализацию, пользоваться ею в определенных стилистических целях, стремясь усилить выразительный (экспрессивный) характер своей речи – например, для усиления или подчеркивания какого-либо важного для общей идеи текста смысла, для ритмообразования, создания эмфазы и т.п.

Так, не случайным представляется, например, часто встречающийся в «словах» и поучениях повтор эпитетов, параллелизм в расположении адъективных и местоименных атрибутов: «*Да тѣмъ молюся вамъ от всея душа моея, любимици мои, не прѣбываимъ въ дводушии, да не прогнѣваемъ благаго Владыкы, якоже и бни непокоривии. Но въздадимъ хвалу благому Владыцѣ, о иже тако о насъ смотритъ и вся намъ изобилия подаваетъ, не помня немощей наших; и длъжни есмы к нему глаголати оно Давыдово слово: «Что есмы грѣшнии, Господи мой, Господи, о иже ты и насъ изъбра и*

[219] *Тарланов* З. К. Становление типологии … С. 28-45.

та вся намъ дарова! Смирихъ бо ся, — рече, — спаси мя», и: «Въ смирении нашем помянул ны Господь». О Христѣ Исусѣ Господѣ нашем» (ПФП, 438); «*Кручины же три въ человѣцѣ: желта, зелена, черна; да от желтое огньная болѣзнь, а от зеленое зимная болѣзнь, а от черное смерть…*» (ППЧ, 284).

Важную роль локализация атрибутов выполняет в ритмообразовании отдельных высказываний и целого текста: в зачине наблюдаем повтор и параллелизм в расположении притяжательных местоимений, хиастическое («зеркальное») расположение определительных местоимений, повтор препозитивных атрибутов, сменяющийся в конце фразы – кадансе – постпозицией в однородных рядах – все это создает особенно торжественный ритмо-мелодический рисунок: «*Аще бо умолчю вашего ради роптаниа, угождаа вамъ вашеа ради слабости, то камение възъпиеть. Не азъ бо то глаголю, но они свѣтила вселеныа всея, истиннии стлъпи, правыя вѣры всадители, наставници всему доброму благонравию, вожди истиннии и свѣтила негасущая*» (ПФП, 434).

В памятниках древнерусского красноречия повторы в расположении одинаковых, однокоренных и ассоциативно-семантически связанных элементов демонстрируют функцию создания смысловых перекличек внутри текста, в дополнение к ритмообразующей роли: «*… и явися благодѣть Божиа всѣмъ человѣкомъ въ Иорданьстѣи рѣцѣ, сътвори Богъ гоститву и пиръ великъ тельцемь упитѣным от вѣка, възлюбленыимъ Сыномъ своимъ Исусом Христомь, съзвавъ на едино веселие небесныа и земныа, съвокупивъ въ едино ангелы и человѣкы*» (СлИл, 30); «*Един сыи от Троицѣ въ двѣ естьствѣ: Божество и человѣчьство, исполнь человѣкъ по въчеловѣчению, а не привидѣниемь, нъ исполнь Богъ по божеству, а не простъ человѣкъ показавыи на земли божьскаа и человѣчьскаа*» (СлИл, 31); «*бо затворяетеся от небеснаго царьства пьяньства ради, аще же не покаетеся, ни останетеся таковаго творения, то мучими будете в бесконечныя вѣки в негасимомъ огни*» (ППЧ, 290).

Точный повтор или повтор однокоренных атрибутов рождает аттракцию в их расположении во фразе: «*Сѣдящема же има, рече, долго время. Что есть долго время?*» (СлКтТ, 148); «*Тако обрѣтый божестьвенныхъ книгъ скровище, пророческых же и псаломьскых и апостольскых и самого спаса Христа спасенных словес истиньный с расужениемь разум, — уже не собѣ единому бысть на спасение*» (СлКТ, 142); «*Сего ради погубив дуновениемь Духа животнаго, его же въдхну Бог на лице его, еже есть несвершен дар священия. Пишеть бо ся: «И дуну на лице его Дух животен»… Что есть древо животное?*» (СлКТ, 150).

В «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона антитезой и хиастическим расположением эпитетов также подчеркивается противостояние света и тепла истины, с одной стороны, и тьмы, холода неверия – с другой: «*Отиде бо свѣтъ луны, солнцю въсиавъшу, тако и законъ, благодѣти явльшися, и студеньство нощьное погыбе, солнечьнѣи теплотѣ землю съгрѣвши*» (СлИл, 30); в «Поучениях о простой чади» – антитеза духовного и телесного начал: «*Богъ вложилъ есть всякое похотѣние человѣку духовнымь и телеснымь дѣломь*» (ППЧ, 284).

Наблюдаются отличия в расположении антитетичных атрибутов, характеризующих и противополагающих «свое» и «чужое»[220], православную и языческую веру: «*Благословленъ Господь Богъ Израилевъ», Богъ христианескъ «яко посѣти и сътвори избавление людемь своимъ, яко не презрѣ до конца твари своеа идольскыимъ мракомъ одержимѣ быти и бѣсовьскыимъ служеваниемь гыбнути. Нъ оправдѣ прежде племя Авраамле скрижальми и закономъ, послѣжде же сыномъ своимъ вся языкы спасе Евангелиемь и крещениемь, въводя а̀ въ обновление пакыбытиа, въ жизнь вѣчьную*» (СлИл, 26); «*Тому же подобна и другая вина: жертву приносят бѣсомъ… бѣса, глаголемато Трясцю, прогонять нѣкыми писмены лживыми; проклятыхъ бѣсовъ елиньскыхъ, пишюще на яблоцѣхъ и*

[220] О том, какую важную роль играла данная наиболее значимая для этноса концептуальная модель-оппозиция при метафорообразовании в древнерусскую эпоху, см.: *Балашова* Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 407.

покладають на святѣй трапезѣ в годъ святыя литургия. И тогда ужаснуться страхомъ ангельская воиньства» (ППЧ, 287).

В позиции сравнения обычно предпочитается препозиция адъектива: «*Ея же ради доброприлюбныа Богомъ милостыня, много дрѣзновение имѣеши къ нему, яко присныи Христовъ рабъ*» (СлИл, 32); *«…яки слѣпъ стрѣлець смѣху бываеть*» (СлКТ, 144). Данная позиция атрибута наблюдается и в обращениях: «*Тебе же како похвалимъ, о честныи и славныи въ земленыих владыках, прѣмужьственыи Василие?*» (СлИл, 32).

Постпозиция и позиция конца предложения для прилагательного может быть связана с идеей конца света и лексическим значением самого эпитета: «*Сего ради прииде на ня гнѣвъ Божий конечныи*» (СлИл, 31).

В заключениях риторических произведений метафорические позиции поддерживаются использованием полных постпозитивных (чаще) или препозитивных (реже) атрибутов: «*Паче же помолися о сынѣ твоемь, благовѣрнѣмь каганѣ нашемь Георгии, въ мирѣ и въ съдравии пучину житиа прѣплути и въ пристанищи небеснааго завѣтрия пристати, неврѣдно корабль душевны и вѣру съхраньшу, и съ богатеством добрыими дѣлы, безъ блазна же Богомъ даныа ему люди управивьшу, стати с тобою непостыдно прѣд прѣстоломъ Вседръжителя Бога и за трудъ паствы людии его приати от него вѣнець славы нетлѣнныа съ всѣми праведныими, трудившиимися его ради*» (СлИл, 33); «*…како азъ утѣшюсъ, аще кому васъ удѣеть злый волкъ дьяволъ?*» (СлСВ, 382).

Также тяготение к постпозиции прилагательных и местоимений наблюдаем в концовках предложений и целого текста, а также в эмоционально окрашенных, в вопросительных и побудительных предложениях: «*Глаголаше: «И как мне не стенать и не тужить, возлюбленные мои, все это слыша от вас. Если б я мог, то проговорил бы к вашей милости пророческие те слова: «Кто даст главе моей камень и очам моим источник слез, чтоб плакал я день и ночь о дщери народа моего». Ушли мы в пустыню, по Писанию, и уповаем на Бога, спасающего нас. Не вывел ли*

он нас из мира, как из Египта, в сию пустыню безводную, не Моисеевой рукой, но благодатью Божией. И чем мы опечалены, братья мои и отцы?! Разве вы что-то принесли сюда из своего имения, или я что-нибудь требовал от вас, принимая в сию обитель? Или человеколюбие Божие чего-то нас лишило?! Не все ли дало оно нам молитвами святой Богородицы?!» (ПФП, 437−438); «*И блюдѣмъ годинъ заутрьних, и обѣдѣнных, и павечерних; … проклят бо есть иже дело Божие делает со нерадением.*» (ПФП, 440); «*И пакы: «Усты твоими сужю ти, рабе лукавый, — добрѣе бы ти было, да бы възвратилъ срѣбро мое, да бых тщивымъ дѣлателемъ вдалъ, иже быша ми въздали съ прибыткомъ». Да нужда ми есть глаголати къ вашей любви вся та, да нѣ кьто умреть въ моемъ молчании лютым грѣхомъ. О Христѣ Исусѣ Господѣ нашем*» (ПФП, 440); «*Они убо служать зданию, а медъ что есть, не здание ли Божие?*» (ППЧ, 290); «*Какыя казни не подыимемъ в сии вѣкъ и в будущии огнь неугасимый?*» (СлСВ, 376).

Появление частиц *бо* или *же* после атрибута подчеркивает логическое ударение (эмфазу): «*Святое бо кадило образъ Святаго Духа есть…*» (ПФП, 440); «*Манасиино бо старѣишиньство лѣвицею Иаковлею благословлено бысть. Ефремово же мнишьство десницею*» (СлИл, 30). Вставка частиц сосредоточивает особое внимание на начальном определении, разделяя элементы словосочетания, делая его «актуализованным»[221].

Таким образом, мы видим, что в текстах древнерусского красноречия, являющимися яркими образцами торжественного слога, важную роль в создании экспрессии играет порядок слов, в частности расположение атрибута, выступающего в функции яркого, выразительного эпитета, относительно определяемого слова.

[221] См. о неактуализованных и актуализованных словосочетаниях в монографии*: Крылова* О. А. Коммуникативный синтаксис русского языка. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 68−76.

2.4. Выводы по главе 2

Произведя анализ двухкомпонентных и многокомпонентных атрибутивных словосочетаний в текстах древнерусского красноречия, мы приходим к следующим выводам:

1. Как в двучленных, так и в многочленных атрибутивных конструкциях преобладает препозитивное положение атрибута, тем самым мы подтверждаем мнение медиевистов о том, что обычным местом для согласованного определения в древнерусском языке было положение перед определяемым словом (55 % препозитивных двучленных словосочетаний, 58 % препозитивных многочленных)[222]. Однако в «Словах и поучениях Серапиона Владимирского» и в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона наблюдаем, хотя и небольшое, превалирование постпозитивных конструкций (56 % и 51 % постпозиции соответственно), что, возможно, аргументируется большей ориентацией «слова» на торжественный слог церковно-книжной традиции, чем собственно послания[223].
2. Самым распространенным морфологическим выражением атрибута в двухкомпонентных словосочетаниях является членное имя прилагательное в положении как перед, так и после определяемого слова. Проанализировав данные атрибуты, заключаем, что относительные прилагательные в именных и местоименных формах тяготеют к препозиции (53 % и 65 % соответственно), так же, как и местоименные формы качественных адъективов (80 %), тогда как

[222] *Коробчинская* Л. А. Функции порядка слов в древнерусском языке… С. 73−85; *Санников* В. З. Указ. соч. С. 47−94; *Минлос* Ф. Р. Позиция атрибута внутри именной группы… С. 203−216; Историческая грамматика русского языка. Указ. соч. С. 148−186.

[223] На связь постпозитивного атрибута с влиянием евангельских текстов указывала И.И. Макеева (см. *Макеева* И. И. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в древнерусских и южнославянских риторических произведениях // Славянский мир: язык, литература, культура: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного профессора МГУ имени М. В. Ломоносова А. Г. Широковой и 75-летию кафедры славянской филологии филологического факультета. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 183−186).

именные формы качественных прилагательных, наоборот, преобладают после определяемого слова (56 % постпозиции). В постпозиции превалируют и притяжательные прилагательные (67 %).

3. Гипотеза Д. Ворта о влиянии предлога на препозитивное положение прилагательного подтвердилась только на примере качественных (67 % препозиции) и относительных (53 %) прилагательных, притяжательные прилагательные данной зависимости не показали (33 % препозиции)[224]. Также влияние предлога на препозицию атрибута было обнаружено на примере определительных (100 % препозиции) и указательных (63 % препозиции) местоимений.
4. Указательные (66 %: 34 %) и определительные (94 %: 6 %) местоимения тяготеют к препозитивному положению, тогда как притяжательные (27 %: 73 %) предпочитают позицию после определяемого слова.
5. При одушевленном существительном атрибут занимает постпозитивное положение, если он выражен притяжательным прилагательным (84 % постпозиции), притяжательным (79 % постпозиции). Обращают на себя внимание полученные данные относительно употребления указательных местоимений: если при неодушевленном существительном данный атрибут тяготеет к препозиции (77 %), то при одушевленном субстантиве его позиция меняется на обратную: 70 % постпозиции.
6. В аппозитивных конструкциях при собственном имени существительном приложение находится в препозиции, при нарицательном имени существительном приложение постпозитивно.
7. Конструкции с дистантным положением компонентов встречаются только с атрибутом, выраженным именем прилагательным. В 77 % случаев атрибут находится в препозитивном положении, таким образом, преобладающее препозитивное положение, как в контактных конструкциях, сохраняется. Наиболее распространенными разрывающими компонентами, выраженными самостоятельной частью

[224] *Worth* D. Указ. соч. P. 533–554.

речи, в двучленных атрибутивных словосочетаниях являются глагол (6 случаев, 35 %) и причастие (4 случая, 24 %). Из служебных частей речи в качестве разрывающего компонента представлен предлог *ради* (5 примеров, 29 %).

8. Определяемое слово в двучленных атрибутивных словосочетаниях с атрибутом, выраженным именем прилагательным, в 94 % случаев представлено нарицательным существительным (71 % − конкретное имя существительное, 28 % − абстрактное, 1 % − вещественное). Самыми распространенными семантическими группами среди конкретных существительных являются «названия лиц в сфере богослужения» и «предметы, связанные с богослужением», а среди абстрактных существительных − «вера, религия», «чувства, эмоциональные состояния», что объясняется содержанием и жанром текста.
9. Желание приблизить текст к каноническим образцам оправдывает и преобладание во всех разрядах имен прилагательных лексико-семантической группы «общественно-государственная сфера; религия» (от 80 % до 95 % всех прилагательных).
10. Особого внимания заслуживают традиционные устойчивые словосочетания, широко распространенные в текстах древнерусского красноречия. Самыми употребительными прилагательными в подобных конструкциях стали лексемы *святыи, небесныи, Божии, Христовъ* и *Господнь*, исходя из употребления которых, мы делаем вывод о том, что в тексах поучений особое место занимает сакральный компонент.
11. Среди препозитивных многокомпонентных словосочетаний в 43% употребляется словорасположение *местоимение + прилагательное + существительное.* По частоте употребления местоимения распределяются следующим образом: определительные – 49 %, указательные – 35 %, притяжательные – 16 %. В конструкциях с двумя прилагательными в препозиции в 94 % случаев находится качественное имя прилагательное.

12. В постпозитивных многочленных конструкциях частотной (46 % употреблений) является комбинация с приложением, обозначающим родственные отношения или должность. В обмыкающих (рамочных) конструкциях распространенной компонентов является комбинация *местоимение* + *существительное* + *местоимение* (31 %).
13. Расположение атрибутов широко используется в текстах древнерусского красноречия как средство усиления выразительности речи. Наиболее употребительны повторы эпитетов, дающих яркую характеристику образа, антитезное расположение определений, с помощью которых автор противопоставляет «свой» и «чужой» мир, праведное и греховное, божественное и земное. Расположение атрибутов играет важную роль не только в создании экспрессивности и текстовых категорий эмотивности и оценочности, но и в его ритмообразовании (использование однородных рядов, параллелизма, хиастического расположения определений).

Глава 3. Структура и расположение компонентов атрибутивного словосочетания в древнерусских посланиях XI−XIII вв.

Многовековая рукописная традиция донесла до нашего времени древнерусские произведения эпистолярного жанра. На Руси этот жанр начинает развиваться по принятии христианства. Однако стоит отметить, что в XI−XIII вв. наибольшее распространение получило послание-поучение, нежели тип дружественного письма[225].

По мнению Т. М. Григорьевой, основным назначением писем в Древней Руси было «увещевание, поучение и проповедь»[226].

О. В. Зуева, проведя анализ эпистолярных памятников XI−XVII вв., отмечает, что, несмотря на «широкое тематическое и лингвистическое варьирование» текстов, можно выделить следующие признаки этого жанра: «реализация интенции межличностного общения, стереотипность структурно-композиционной организации текстов, этикетность (использование в общении речевых формул, присущих именно данному жанру) и необлигаторность»[227].

Для русских посланий XI−XIII вв., как замечает Н. В. Понырко, «характерно минимальное использование нормативных черт эпистолографии (в большинстве случаев они ограничиваются прямым указанием адресата, формулой обращения и приветствия, упоминанием о ранее полученном письме)»[228].

Несмотря на более чем вековую историю изучения эпистолярия в научной среде нет единого мнения о том, какие памятники относятся к

---

[225] *Понырко* Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси: исследования, тексты, переводы. СПб: Наука, 1992. С. 3−5.
[226] *Григорьева* Т. М. Русская эпистолярная культура: от прошлого к настоящему // Наука. Мысль. 2015. №11. С. 39.
[227] *Зуева* О. В. Стиль эпистолярных текстов XI–XVII веков и его место в истории русского литературного языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. Минск, 2009. С. 4.
[228] *Понырко* Н. В. Эпистолярное наследие… С. 4.

данному жанру.

Г. Н. Никищенкова, ссылаясь на работы предшественников, отмечает, что «древнерусское послание является своего рода «пограничным» жанром и в «беспримесном виде» на Руси не существует»[229].

По наблюдениям О. В. Зуевой, одни исследователи «рассматривают те или иные виды писем как отдельные эпистолярные жанры: «частная переписка», «духовное письмо»; другие считают единым жанром всю совокупность текстов»[230]. В нашей работе мы, вслед за Н. В. Понырко и О. В. Зуевой, разделяем второй подход в решении данного вопроса.

В качестве материала для нашего исследования мы привлекли четыре послания церковных деятелей: «Послание Климента, митрополита русского, написанное к смоленскому пресвитеру Фоме, истолкованное монахом Афанасием»[231], «Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу»[232], «Послание о повинных» Даниила Юрьевского[233], два послания Феодосия Печерского князю Изяславу Ярославичу: «О вере христианской и о латинской» и «О неделе»[234].

Для предстоящего анализа из текстов посланий мы извлекли 432 атрибутивные конструкции: 380 (87 %) двучленных субстантивно-атрибутивных словосочетаний и 52 (13 %) трехчленных.

---

[229] *Никищенкова* Г. Н. Указ. соч. С.5.

[230] *Зуева* О. В. Русские памятники эпистолярного жанра XI−XVII вв. как предмет лингвистического исследования // Вестник БГУ. Серия 4. Филология. Журналистика. Педагогика. 2007. №3. С. 37.

[231] Библиотека литературы Древней Руси. Указ. соч. Т. 4. С. 118−140.

[232] Библиотека литературы Древней Руси. Указ. соч. Т.5. С. 386−394.

[233] Понырко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси: исследования, тексты, переводы. СПб: Наука, 1992. С. 49−58.

[234] Еремин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского // Труды Отдела древнерусской литературы, 1947. Т. 5. С. 159–184.

3.1. Порядок слов в двухкомпонентных атрибутивных словосочетаниях

Из 380 двучленных атрибутивных словосочетаний 259 (68 %) словосочетаний характеризуются контактным препозитивным положением атрибута, 120 (31,7 %) – контактной постпозицией атрибута и 1 словосочетание (0,3 %) – дистантным положением компонентов.

Представим сводные таблицы морфологического выражения атрибута в препозитивном (табл. № 3.1) и постпозитивном положениях (табл. № 3.2).

Таблица № 3.1 − Морфологическое выражение препозитивного атрибута

	ПослКС	ПослЯк	ПослФП	ПослДан
Морфологическое выражение атрибута в препозитивных контактных двучленных словосочетаниях				
полная форма прилагательного	89 (69 %)	17 (52 %)	41 (57 %)	18 (72 %)
краткая форма прилагательного	8 (6 %)	2 (6 %)	1(2 %)	1 (4 %)
определительное местоимение	4 (3 %)	3 (9 %)	8 (11 %)	1 (4 %)
притяжательное местоимение	13 (10 %)	5 (15 %)	9 (12 %)	3 (12 %)
указательное местоимение	4 (3 %)	-	9 (12 %)	1 (4 %)
порядковое числительное	4 (3 %)	-	3 (4 %)	-
действительное причастие	5 (4 %)	-	-	1 (4 %)
страдательное причастие	-	-	-	-
существительное	2 (2 %)	6 (18 %)	1 (2 %)	-

Таблица № 3.2 − Морфологическое выражение постпозитивного атрибута

Морфологическое выражение атрибута в постпозитивных контактных двучленных словосочетаниях				
полная форма прилагательного	6 (12 %)	5 (15 %)	10 (72 %)	2 (10 %)
краткая форма прилагательного	12 (24 %)	5 (15 %)	1 (7 %)	7 (33 %)
определительное местоимение	-	-	-	-
притяжательное местоимение	27 (54 %)	21 (62 %)	2 (14 %)	11 (52 %)
указательное местоимение	4 (8 %)	1 (2 %)	-	-
порядковое числительное	-	-	-	-
действительное причастие	-	-	-	-
страдательное причастие	1 (2 %)	-	-	-
существительное	-	2 (6 %)	1 (7 %)	1 (5 %)

Сочетание прилагательного и определяемого

Анализируя полученные данные, отметим, что атрибутивных словосочетаний с препозитивным положением атрибута в 2,2 раза больше, чем конструкций с постпозицией. Если проводить анализ конструкций по каждому тексту отдельно, то можно заметить превалирование препозиции в трех текстах (от 54 % до 68 %), и только в тексте «Послания Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу» конструкций с постпозитивным и препозитивным положением атрибута оказалось практически поровну (33 препозитивные конструкции: 34 постпозитивных). Попытаемся выяснить, чем обусловлено такое расположение.

От 60 % до 73 % случаев препозитивный атрибут выражен членной формой имени прилагательного. Эту закономерность отмечают медиевисты и

в памятниках других жанров[235].

Местоименная форма прилагательного преобладает в посланиях в препозитивном положении (88 % от общего конструкций с полной формой адъектива), тогда как именная форма чаще употребляется после определяемого слова (68 % от общего числа словосочетаний с краткой формой прилагательного). Превалирование постпозитивных кратких прилагательных над препозитивными также было замечено и в поучениях (66 %), что подтверждает данные исследователей о преобладании нечленных форм в позиции после определяемого слова[236].

Распределим атрибутивные словосочетания на три группы, в зависимости от лексико-грамматического разряда имени прилагательного и рассмотрим каждую подробнее (табл. № 3.3).

Таблица № 3.3 − Зависимость положения атрибута от разряда прилагательного

Положение атрибута	Лексико-грамматический разряд имени прилагательного		
	качественное (144)	относительное (47)	притяжательное (34)
препозиция	122 (85 %)	43(92 %)	12 (35 %)
постпозиция	22 (15 %)	4 (8 %)	22 (65 %)

Сочетание качественного прилагательного и определяемого

1. Препозиция качественного прилагательного

1.1. Препозиция полного качественного прилагательного

[Послание Климента Смолятича]:

[235] *Лаптева* О. А. Расположение древнерусского одиночного атрибутивного прилагательного... С. 101; Историческая грамматика русского языка. Указ. соч. С. 173−183; *Ленделова* В. Указ. соч. С. 8−9; *Минлос* Ф. Р. Князь великий и великий князь…. С. 209−210.

[236] *Баданина* И. В. Указ. соч. С. 19; *Лаптева* О. А. Расположение одиночного качественного прилагательного… С. 12−13.

свободномъ житиемъ (140), *волшебная хитрость* (140*), богонасныа дѣти* (138), *беззаконный царь* (138), *дивныхъ словесъ* (138), *во тихое земли* (138), *во кроткое земли* (138), *гордое море* (138), *безсолнечному звѣрю* (136), *истинное послѣдование* (136), *благымъ Духом* (136), *вышния свѣтлости* (134), *святымь учеником* (132), *безвещественыа росбойникы* (132), *чювьственыи росбойникы* (132), *со благыми дѣании* (130, 2 раза), *славный богоотець* (130), *божественными зарями* (126), *прѣсвѣтлами лучами* (126), *грѣховныа силы* (126), *въ безаконныа сласти* (126), *блудническымъ образом* (122), *вѣрною добротою* (122), *смертную язву* (120), *льстиваго диавола* (120), *боготканыя одежда* (120), *живый гласъ* (120), *лукавый врагъ* (120), *блаженному Соломону* (120), *окааный Климъ* (118), *по душевнѣмъ спасении* (118), *законным браком* (126, 2 раза),

Традиционные устойчивые словосочетания:

Божествѣное Писание (130, 4 раза), *въ святѣмъ Евангелии* (132), *святии отци* (132), *Святых Писаний* (134), *святым крещениемь* (126), *святое Евангелие* (126, 2 раза), *святую Богородицю* (126), *святую Деву* (126), *блажении отци* (132, 3 раза), *от чистыа Девица* (126).

[Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу]:

от нечистыи души (394), *убогия вдовы* (390), *злыхъ человѣкъ* (390), *с малыми болѣзньми* (388), *праваго пути* (388), *дикая быль* (388), *чюжея доброты* (386), *нечестивыхъ мысли* (388), *честныхъ мужь* (386), *безаконьнаго смѣса* (386), *единого человѣка* (386), *душетлѣнный вредъ* (388).

Традиционные устойчивые словосочетания:

Святая Троица (394).

[Послания Феодосия Печерского]:

живымъ тѣломъ (173), *мертвымъ тѣломъ* (173), *неправедное ученье* (173), *правую вѣру* (173), *кривѣй вѣрѣ* (172), *от правыя вѣры* (172, 2 раза), *въ будущемъ вѣцѣ* (172), *въ правовѣрнѣй вѣрѣ* (172, 3 раза), *добрыя дѣятели*

(172), *добрыми дѣлы* (172), *чюжеѣ вѣры* (172), *честная вѣра* (172), *святая вѣра* (172), *чистая вѣра* (171, 2 раза), *въ великую ересь* (171), *неправая вѣра* (171), *правовѣрнымъ отьцемь* (170), *боголюбивый княже* (168), *къ божьствьнымь таинамъ* (173), *законьною женою* (171).

Традиционные устойчивые словосочетания:

злая вѣра (171), *святыхъ отець* (173), *Святаго Духа* (170), *пресвятой Троицѣ* (170), *святѣи Богородици* (169, 2 раза), *святыхъ апостолъ* (169, 3 раза), *от святаго писания* (168), *Чьрьмное море* (168).

[Послание епископа Даниила]:

в будущемъ вѣци (56), *на противныя побѣды* (56), *державное царство* (56), *бесконечнаго царства* (56), *неизреченнаго царства* (56), *будущаго царства* (56), *въ нынѣшнемъ царствии* (56), *о христоименитыхъ людеи* (56), *святымъ просвѣщениемъ* (56), *честнаго прадѣда* (56).

Традиционные устойчивые словосочетания:

святыа Богородица (56), *Святаго Духа* (56), *пресвятымъ Духомъ* (56).

1.2. Препозиция краткого качественного прилагательного

[Послание Климента Смолятича]:

въ глубоку старость (138, 3 раза), *от пустъ горъ* (130), *по велику Златоязычнику* (120).

[Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу]:

груба ума (394), *нестроины мысли* (394).

[Послания Феодосия Печерского]:

добру закону (170).

[Послание епископа Даниила]: *новы люди* (56).

2. Постпозиция качественного прилагательного

2.1. Постпозиция полного качественного прилагательного

[Послание Климента Смолятича]:

племене единочадное (124), *ризы утвореныа* (124), *глаголы лстивые* (120), *ко дрѣву разумному* (120), *соборов святых* (120).

[Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу]:

в годы мирныя (388), *въ церкви святѣи* (388).

Традиционные устойчивые словосочетания:

Духъ Святый (386).

[Послания Феодосия Печерского]:

отцемь духовныимь (169), *от отця духовнаго* (169).

Традиционные устойчивые словосочетания:

животъ вѣчный (173), *жизни вѣчьныя* (171, 2 раза), *мукы вѣчныя* (171), *Духа Святаго* (171).

[Послание епископа Даниила]:

ветры теплыя (56).

Традиционные устойчивые словосочетания:

жизнь вѣчную (56).

2.2. Постпозиция краткого качественного прилагательного

[Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу]:

жены красны (386), *жены сничавы* (386), *мужь честенъ* (386).

[Послание епископа Даниила]:

мужа кротка (56).

3. Словосочетания с дистантным положением атрибута, выраженным качественным именем прилагательным

Нет примеров.

***

Проанализировав атрибутивные конструкции с качественным прилагательным, приходим к выводу, что для данного атрибута (как для местоименной, так и для именной формы), характерно положение перед определяемым словом: 85 % препозиции – 15 % постпозиции.

Произведя анализ полных и кратких форм качественных прилагательных отдельно, замечаем, что для местоименных (86 % препозиции) и для именных форм (69 % препозиции) характерно препозитивное положение. Тяготение нечленных атрибутивных форм к постпозиции утверждается уже позднее, в ходе длительного исторического процесса языковой эволюции, в связи с закреплением кратких прилагательных, в последующем все более строгим и жестким, за функцией именной части сказуемого (в рассматриваемый период нечленные формы еще частотны в роли не предикативной, а определительной).

При анализе атрибутивных конструкций обращают на себя внимание традиционные устойчивые словосочетания, встречающиеся в текстах эпистолярного жанра. Кроме одного примера (*Чьрьмное море* (ПФП, 168), все полученные «стилистические формулы» в качестве атрибута имеют прилагательное с сакральным значением (*Святаго Духа, святое Евангелие, Божествьное Писание*). Примечательно, что в подобных словосочетаниях употребляются прилагательные исключительно в местоименной форме, преобладающие в препозитивном положении (78 %). Самая распространенная лексема, употребляемая в подобных конструкциях, – *святъи*. Как отмечает О. А. Лаптева, «прилагательное *святъи* встречалось, как правило, в членном оформлении… во всех памятниках, начиная с

древнейших, употребляется исключительно в препозиции»[237].

На положение атрибута, согласно Д. Ворту[238], свое влияние оказывает и предлог, который перетягивает прилагательное в препозитивное положение. Проанализировав полученный материал, мы можем заключить, что в наших примерах такая зависимость тоже прослеживается: предложных препозитивных конструкций в 8 раз больше, чем предложных постпозитивных (табл. № 3.4).

Таблица № 3.4 − Позиция атрибута, выраженного качественным прилагательным, в предложных словосочетаниях

	Препозиция атрибута	Постпозиция атрибута
+ предлог	33 (89 %)	4 (11 %)

Определяемое слово в атрибутивных словосочетаниях как с препозитивным, так и постпозитивным положением атрибута выражено преимущественно нарицательным именем существительным (87 % в препозиции, 91 % в постпозиции).

Проанализировав определяемые существительные с точки зрения их деления на лексико-грамматические разряды, приходим к следующим выводам: в 92 % случаев определяемое слово выражено конкретным именем существительным и в 8 % − абстрактным. Собирательные и вещественные имена существительные в употреблении с качественными прилагательными нам не встретились вообще (табл. № 3.5).

[237] *Лаптева* О. А. Расположение древнерусского одиночного атрибутивного прилагательного… С. 112.
[238] *Worth* D. Указ. соч. P. 533−554.

Таблица № 3.5 − Зависимость положения атрибута, выраженного качественным прилагательным, от разряда существительного

Положение атрибута	Лексико-грамматические разряды имен существительных				
	собственные	Нарицательные			
		веществ.	собират.	абстракт.	конкрет.
препозиция	16	-	-	9	97
постпозиция	2	-	-	2	18

Большинство конкретных прилагательных представлено семантическими группами «предметы, связанные с богослужением, с культовыми обрядами»[239] (*Божествьное Писание* (ПослКС, 130), *святое Евангелие* (ПослКС, 126) и «наименования лиц по личным, общественным связям»[240] (*мужь честенъ* (ПослЯк, 386), *убогия вдовы* (ПослЯк, 390), *законьною женою* (ПослФП, 171), *честнаго прадѣда* (ПослДан, 56).

Абстрактные имена существительные представлены семантической группой «чувства, эмоциональные состояния, их проявления»[241]: *вьрною добротою* (ПослКС, 122), *груба ума* (ПослЯк, 394).

Относительно лексико-семантических групп качественных имен прилагательных наблюдаем преобладание группы «общественно-государственная сфера; религия» в позиции перед и после определяемого слова (69 % в препозиции, 76 % − в постпозиции): *благымъ Духомъ* (ПослКС, 136), *Святая Троица* (ПослЯк, 394), *боголюбивый княже* (ПослФП, 168), *о христоименитыхъ людеи* (ПослДан, 56). Стоит отметить, что в данную ЛСГ входят преимущественно членные формы имени прилагательного: в препозиции среди кратких форм данная группа составляет 11 %, а в постпозиции вообще отсутствует.

Также в текстах посланий наблюдаем употребление группы

[239] Русский семантический словарь. Т.2. Указ. соч. С. 376−380.
[240] Русский семантический словарь. Т.1. Указ. соч. С. 179−195.
[241] Русский семантический словарь. Т.3. Указ. соч. С.238−279.

«восприятие окружающего мира» (22 % в препозиции, 5 % в постпозиции), например, *дивныхъ словесъ* (ПослКС, 138), *добрыми дѣлы* (ПослФП, 172), *въ глубоку сторасть* (ПослКС, 138); «человек и его внутренний мир; оценка» (9 % препозиции, 19 % постпозиции), к примеру, *злыхъ человѣкъ* (ПослЯк, 390), *добрыя дѣятели* (ПослФП, 172), *честнаго прадѣда* (ПослДан, 56), *жены красны* (ПослЯк, 386), *мужь честенъ* (ПослЯк, 386).

Анализ положения атрибута, выраженного качественным прилагательным, с точки зрения влияния одушевленности определяемого им существительного, дал нам следующие результаты: препозитивное положение качественного прилагательного преобладает как в словосочетаниях с одушевленными, так и с неодушевленными существительными (табл. № 3.6).

Таблица № 3.6 − Зависимость положения атрибута, выраженного качественным прилагательным, от одушевленности имени существительного

Позиция прилагательного при одушевленном существительном		Позиция прилагательного при неодушевленном существительном	
препозиция	постпозиция	препозиция	постпозиция
43 (84 %)	8 (16 %)	79 (85 %)	14 (15 %)

Исходя из полученных данных, мы делаем вывод, что одушевленность определяемого существительного не влияет на постпозитивное положение атрибута, выраженного качественным прилагательным.

Сочетание относительного прилагательного и определяемого

1. Препозиция относительного прилагательного

1.1. Препозиция полного относительного прилагательного

[Послание Климента Смолятича]:

ко церковнымъ святителемъ (136), *ельньскаа писаниа* (140), в

халдѣйскую яму (140), *египетьскыа жатвы* (140), *асурийскымъ звѣремъ* (140, 2 раза), *девичьскую утробу* (140), *церковьному прочитанию* (138), *на морстѣмъ брезѣ* (138), *морскаа птица* (138, 2 раза), *седмореченый годъ* (136), *трижневное разорение* (136), *огненымь разгорѣнием* (134), *человечьскыми хитростьми* (134), *Ираклѣйскый епископъ* (132), *боготканныа одежда* (132), *въ Леугитьскыъ книгахъ* (130), *чресленыа сласти* (130), *чревное ласкосердьство* (130), *на каменных скрижалѣхъ* (126), *на Синайстѣй горѣ* (126), *израильтестии людие* (122), *израильтестих людий* (122, 2 раза), *Бытийскихъ книгъ* (120).

[Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу]:

человѣческымъ тайнамъ (390), *единородная дщи* (390).

[Послания Феодосия Печерского]:

господьскый празникъ (169), *въ господьскыхъ праздницѣхъ* (169), *въскресный день* (168), *Печерьскаго монастыря* (168), *хвостъ бобровыи* (171).

[Послание епископа Даниила]:

державное царство (56), *апостольскаго управления* (56), *царьскымъ саномъ* (56), *господьскымъ саномъ* (56).

1.2. Препозиция краткого относительного прилагательного

[Послание Климента Смолятича]:

девичьску тайну (140), *пророчьску дару* (138), *Ниневгитьску граду* (136).

2. Постпозиция относительного прилагательного

2.1. Постпозиция полного относительного прилагательного

[Послание Климента Смолятича]: *от скотъ земныхъ* (120).

[Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу]:
Традиционные устойчивые словосочетания:
царство небесное (394).

[Послания Феодосия Печерского]:
проповѣдание апостольское (173), *вѣрѣ же латиньскои* (170).

2.2. Постпозиция краткого относительного прилагательного

нет примеров.

3. Словосочетания с дистантным положением атрибута, выраженным относительным именем прилагательным

Разрывающий компонент – служебная часть речи

нет примеров.

Разрывающий компонент – самостоятельная часть речи

[Послание Климента Смолятича]: *дѣвичьскую* ***показа*** *тайну* (140).

***

Произведя анализ контактных и дистантных субстантивно-атрибутивных словосочетаний с атрибутом, выраженным относительным именем прилагательным, делаем следующие выводы.

Количество конструкций с препозитивным положением атрибута почти в 11 раз превосходит число постпозитивных (43 (92 %): 4 (8 %). Полные формы прилагательных в 91 % случаев (от общего числа конструкций с местоименными формами) располагаются в препозитивном положении, краткие же формы абсолютно препозитивны (100 % препозиции от общего числа именных форм). Тенденция к превалированию перед

определяемым словом была замечена нами на примере кратких и полных качественных прилагательных в текстах посланий, что дает нам основание для противопоставления атрибутивных конструкций в текстах данного жанра атрибутивным словосочетаниям из текстов поучений, где было отмечено преобладание кратких постпозитивных качественных прилагательных (56 %), а также наличия кратких постпозитивных адъективов (47 %). Таким образом, можем отметить гораздо более отчетливое и сильное влияние на тексты поучений церковно-книжного языка, нежели на тексты посланий.

Устойчивые словосочетания, довольно широко представленные в конструкциях с качественным именем прилагательным, практически не употребляются в текстах эпистолярного жанра. Снижение употребления литературных формул с относительным прилагательным было также замечено и в жанрах древнерусского красноречия, однако все же там они имели место быть. В текстах эпистолярного жанра отсутствие устойчивых словосочетаний мы можем аргументировать тем, что, в большинстве своем в данный тип конструкций входят эпитеты, красочные определения, или же устойчивые выражения с сакральной семантикой (типа *царство небесное*). Язык текстов посланий не так изобилует прилагательными с оценочной семантикой, поэтому и устойчивых выражений в нем, естественно, будет меньше, чем в памятниках древнерусского красноречия, признанным образцом яркости и образности языка.

Проанализировав предложные атрибутивные конструкции, мы заключаем, что при наличии предлога атрибут, выраженный относительным прилагательным, тяготеет к препозитивному положению (табл. № 3.7).

Таблица № 3.7 − Позиция атрибута, выраженного относительным прилагательным, в предложных словосочетаниях

	Препозиция атрибута	Постпозиция атрибута
+ предлог	8 (89 %)	1 (11 %)

Определяемое слово выражено нарицательным именем существительным в 97 % случаев в препозитивных атрибутивных конструкциях и в 100 % в постпозитивных словосочетаниях. Проведя анализ лексико-семантического выражения определяемого слова, мы находим, что всего в четырех случаях (9 %) оно выражено абстрактным именем существительным (*церковьному почитанию* (ПослКС, 138); *чресленыа сласти* (ПослКС, 130); *пророчьску дару* (ПослКС, 138); *чревное ласкосердьство* (ПослКС, 130), в остальных же случаях (91 %) – конкретным.

Наиболее распространенными семантическими группами конкретных имен существительных являются: «предметы, связанные с богослужением, с культовыми обрядами»[242] (*книгъ* (ПослКС, 120), *на скрижалѣхъ* (ПослКС, 126), *ликъ* (ПослКС, 138), *писаниа* (ПослКС, 140) и «название лиц»[243], «название животных»[244] (*звѣремъ* (ПослКС, 140), *птица* (ПослКС, 138), *людие* (ПослКС, 122).

Среди относительных имен прилагательных, выступающих в роли атрибута, широкое распространение получила ЛСГ «общественно-государственная сфера; религия»[245] (*боготканныа одежда*, ПослКС, 132), *господьскый праздникъ* (ПослФП, 169), *царство небесное* (ПослЯк, 394). Важно отметить, что в препозиции на долю данной семантической группы приходится 86 % прилагательных, а в постпозиции – 100 %.

Остальные прилагательные распределяются по следующим ЛСГ: «человек как живое существо»[246] (5 % препозиции), к примеру, *девичьску утробу* (ПослКС, 140), *человѣческымъ тайнамъ* (ПослЯк, 390) «восприятие окружающего мира»[247] (5 % препозиции), например, *державное царство* (ПослДан, 56), *тридневное разорение* (ПосКС, 136), «живая природа»[248] (2 % препозиции): *морскаа птица* (ПослКС, 138), *хвостъ бобровыи* (ПослФП,

[242] Русский семантический словарь. Т.2. Указ. соч. С. 376−381.
[243] Русский семантический словарь. Т.1. Указ. соч. С. 60−65.
[244] Русский семантический словарь. Т.1. Указ. соч. С. 403.
[245] Словарь-тезаурус прилагательных русского языка. Указ. соч. С. 140−143.
[246] Там же. С. 58−68.
[247] Там же. С. 195−210.
[248] Там же. С. 42−58.

170); «населенный пункт»[249] (2 % препозиции): *Печерьскаго монастыря* (ПослФП, 168), *Ираклѣйскый епископъ* (ПослКС, 132).

Препозитивный атрибут в 65 % случаев выражен относительным прилагательным с суффиксом *–ьск-*. Данные прилагательные образованы от названия городов, стран, лиц и в 93 % препозитивны, например, *Ираклѣйскый епископъ* (ПослКС, 132), *Печерьскаго монастыря* (ПослФП, 168), *царьскымъ саномъ* (ПослДан, 56), *апостольскаго управления* (ПослДан, 56).

Анализ положения атрибута с точки зрения влияния одушевленности определяемого им существительного показал, что атрибут как при одушевленном, так и при неодушевленном имени существительном тяготеет к препозитивному положению (табл. № 3.8).

Таблица № 3.8 − Зависимость положения атрибута, выраженного относительным прилагательным, от одушевленности имени существительного

Позиция прилагательного при одушевленном существительном		Позиция прилагательного при неодушевленном существительном	
препозиция	постпозиция	препозиция	постпозиция
11 (92 %)	1 (8 %)	32 (91 %)	3 (9 %)

Относительно конструкций с дистантным положением компонентов можно сказать, что они не нашли своего широкого применения в атрибутивных словосочетаниях с атрибутом, выраженным относительным прилагательным: из текстов эпистолярного жанра была извлечена всего одна такая конструкция с разрывающим элементом, выраженным глаголом. Поэтому делать выводы об особенностях употребления данного типа словосочетания нам не представляется возможным.

[249] Словарь-тезаурус прилагательных русского языка. Указ. соч. С. 75−76.

Сочетание притяжательного прилагательного и определяемого

1. Препозиция притяжательного прилагательного

[Послание Климента Смолятича]:

Аполинариево безумство (126), *рабий образъ* (126, 2 раза), *Божиа проповѣди* (130, 2 раза).

Традиционные устойчивые словосочетания: *Божиа Слова* (122, 3 раза).

[Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу]:

Традиционные устойчивые словосочетания:

Божий сынъ (388), *къ Божию слузѣ* (386), *Божий свѣтъ* (392, 2 раза).

[Послания Феодосия Печерского]:

за Христову вѣру (172), *Божиимъ пьрстомъ* (168).

[Послание епископа Даниила]: *Спасово слово* (56), *по Спасову слову* (56).

2. Постпозиция притяжательного прилагательного

[Послание Климента Смолятича]:

людем израилевомъ (128), *по смотрению Божию* (128), *от колѣна Соломонова* (126, 2 раза), *от пленица Соломоновы* (126), *сына Давыдова* (126), *по преданию отчю* (128), *чрево же китово* (136), *в руцѣ Господни* (130, 2 раза).

Традиционные устойчивые словосочетания:

Слово Божие (126).

[Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу]:

силы Божья (392).

Традиционные устойчивые словосочетания:

Духъ Господень (388), *страхомъ Божиимъ* (388).

[Послания Феодосия Печерского]:

по научению сотонину (173).

[Послание епископа Даниила]:

образъ Божии (56), *по судбамъ Божиимъ* (56).

Традиционные устойчивые словосочетания:

рабъ Божии (56), *сынъ Божии* (56, 2 раза), *даръ Божии* (56).

3. Словосочетания с дистантным положением атрибута, выраженным притяжательным именем прилагательным

нет примеров.

***

Произведя анализ словосочетаний с атрибутом, выраженным притяжательным именем прилагательным, отмечаем, что в 65 % случаев атрибут находится в постпозиции, что подтверждают мнение медиевистов о том, что данный лексико-грамматический разряд прилагательных в большинстве случаев располагается в постпозиции[250].

Достаточно любопытной представляется картина употребления традиционных устойчивых словосочетаний в текстах эпистолярного жанра. Как и в памятниках древнерусского красноречия, самым распространенным притяжательным прилагательным, употребляемым в данных словосочетаниях, является лексема *Божии*: 11 употреблений из 12. Проанализировав расположение компонентов в устойчивых словосочетаниях, мы пришли к выводу, что для прилагательного *Божии* положение является практически фиксированным: в 83 % случаев оно

[250] *Санников* В. З. Указ. соч. С. 66; *Коробчинская* Л. А. Функции порядка слов… С. 75; *Минлос* Ф. Р. Позиция притяжательного местоимения… С. 234–245.

находится в постпозиции. Если сравнить положение данного атрибута в текстах древнерусского красноречия, то и там можно заметить тенденцию к постпозитивному положению этой лексемы: 30 случаев препозитивного и 36 случаев постпозитивного положения. Кроме прилагательного *Божии* в устойчивых словосочетаниях употребляется слово *Господень* (*Духъ Господень),* которое также находится после определяемого слова.

Беспредложных конструкций с посессивными атрибутами в два раза больше, чем предложных. Атрибут в предложных словосочетаниях в 67 % случаев находится в постпозиции, что доказывает отсутствие влияния предлога на позицию притяжательного прилагательного (табл. № 3.9).

Таблица № 3.9 − Позиция атрибута, выраженного притяжательным прилагательным, в предложных словосочетаниях

	Препозиция атрибута	Постпозиция атрибута
+ предлог	4	8

Проанализировав определяемое слово с точки зрения его принадлежности к лексико-грамматическим разрядам, отметим, что в конструкциях с притяжательным прилагательным употребляются только нарицательные имена существительные. В препозиции определяемое слово в 75 % случаев выражено конкретным именем существительным и в 25 % − абстрактным, а в постпозитивном положении – в 86 % случаев представлено конкретным существительным и в 14 % − абстрактным.

Среди конкретных имен существительных широко представлена семантическая группа «названия тела, организма, их частей»[251]: *от колѣна* (ПослКС, 126), *в руцѣ* (ПослКС, 130), *пърстомъ* (ПослФП, 446), а также «названия лиц по личным и общественным положениям»[252] (*сынъ* (ПослДан,

[251] Русский семантический словарь. Указ. соч. Т.1. С. 464−497.
[252] Там же. С. 123.

56), «названия лиц по положению личного господства или зависимости»[253] (*рабъ* (ПослДан, 56), *къ слузѣ* (ПослЯк, 386), *от пленница* (ПослКС, 126). Абстрактные имена существительные представлены семантическими группами «вера, религия»[254] (*за вѣру* (ПослФП, 450) и «чувства, эмоциональные состояния»[255] (*страхомъ* (ПослЯк, 388).

Распределение притяжательных прилагательных по лексико-семантическим группам представляет следующие данные: в 100 % препозиции в 89 % постпозиции представлена группа «общественно-государственная сфера; религия»[256], например, *Божий свѣтъ* (ПослЯк, 392), *Спасово слово* (ПослДан, 56), *в руцѣ Господни* (ПослКС, 130), *по научению сотонину* (ПослФП, 173). В 11 % случаев постпозитивный атрибут представлен ЛСГ «живая природа»[257]: *чрево же китово* (ПослКС, 136).

Всего 27 % определяемых имен существительных являются одушевленными. Однако анализ расположения атрибута относительно одушевленности определяемого им слова показал, что при одушевленном существительном притяжательное прилагательное чаще располагается после определяемого слова (табл. № 3.10).

Таблица № 3.10 − Зависимость положения атрибута, выраженного относительным прилагательным, от одушевленности имени существительного

Позиция прилагательного при одушевленном существительном		Позиция прилагательного при неодушевленном существительном	
препозиция	постпозиция	препозиция	постпозиция
2 (22 %)	7 (78 %)	10 (40 %)	15 (60 %)

[253] Русский семантический словарь. Указ. соч. Т.1. С. 150−152.
[254] Русский семантический словарь. Указ. соч. Т.3 С. 314−318.
[255] Там же. С. 245−255.
[256] Словарь-тезаурус прилагательных русского языка. Указ. соч. С. 140−143.
[257] Там же. С. 42−58.

Притяжательные прилагательные, образованные при помощи суффикса *–j-* составляют 59 % от общего числа посессивных прилагательных. Примечательно, что во всех текстах употребляется только слово *Божии*, образованное с помощью этого суффикса. Вторым по частоте использования является суффикс *–ов-/-ев-* (32 %), например, *Аполинариево* (ПослКС, 126), *Соломонова* (ПослКС, 126), *по Спасову* (ПослДан, 56).

Сочетание местоименного определения и определяемого

Основным средством выражения определения в древнерусском языке, помимо прилагательного, числительного и причастия, было местоимение[258]. Позиция атрибута, выраженного местоимением, так же, как и именем прилагательным, по мнению исследователей, зависела от его лексико-грамматического разряда[259].

Ф. Р. Минлос в своей работе «Что притягивает притяжательные местоимения? или линейная позиция атрибутов» со ссылкой на исследования предшественника Дина Ворта, отмечает, что на положение притяжательных местоимений свое влияние оказывает предлог, при котором атрибут располагается в препозитивном положении[260]. В ходе нашего исследования мы проанализируем, распространяет ли свое влияние предлог не только на притяжательные местоимения, но и на другие разряды, а также рассмотрим влияние на позицию атрибута одушевленности существительного.

Для начала приведем количественные данные о том, местоимения каких разрядов присутствуют в атрибутивных конструкциях (табл. № 3.11).

---

[258] *Спринчак* Я. А. Указ. соч. С. 111.
[259] *Санников* В. З. Указ. соч. С. 67.
[260] *Минлос* Ф. Р. Что притягивает притяжательные местоимения?... С. 279−290.

Таблица № 3.11 − Зависимость положения местоименного атрибута от его разряда

Разряд местоимения	ПослКС	ПослЯк	ПослФП	ПослДан
Препозитивное положение атрибута				
определительное	4	3	8	1
притяжательное	13	5	9	3
указательное	4	0	9	1
Постпозитивное положение атрибута				
определительное	-	-	-	-
притяжательное	27	21	2	11
указательное	4	1	0	0

Из сводной таблицы видно, что определительные местоимения употребляются исключительно в препозиции, указательные местоимения также демонстрируют нам тяготение к положению перед определяемым словом (82 % препозиции), тогда как притяжательные, наоборот, в большей степени располагаются после определяемого слова (67 % постпозиции).

Сочетание притяжательного местоимения и определяемого

1. свои

Препозиция (20 примеров)

[Послание Климента Смолятича]:

с одушевленным существительным: *своего Григоря* (118).

с неодушевленным существительным: *своего родства* (140, 2 раза), *своего мѣста* (136), *свой корабль* (134), *своа знамениа* (132, 2 раза), *своего бещадиа* (124), *свое совокупление* (124), *по своей силѣ* (120).

[Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу]:

с одушевленным существительным: нет примеров.

с неодушевленным существительным: *свое тѣло* (386), *о своемь дѣлѣ* (390).

[Послания Феодосия Печерского]:

с одушевленным существительным: *свою душю* (171, 2 раза).

с неодушевленным существительным: *своея вѣры* (172, 3 раза), *от своего сердця* (168).

[Послание епископа Даниила]:

с одушевленным существительным: нет примеров.

с неодушевленным существительным: *своему спасению* (56, 2 раза).

Постпозиция (24 примера)

[Послание Климента Смолятича]:

с одушевленным существительным: *брату своему* (126, 5 раза), *от козь своих* (124), *овець своих* (124), *отца своего* (124), *сыну своему* (122).

с неодушевленным существительным: *от стадъ своих* (124), *лице свое* (124), *вдовьства своего* (124), *в дому своему* (124), *око свое* (120), *гробъ свой* (118).

[Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу]:

с одушевленным существительным: нет примеров.

с неодушевленным существительным: *языки своя* (390), *покаянье свое* (386), *тѣлу своему* (386).

[Послание епископа Даниила]:

с одушевленным существительным: нет примеров.

с неодушевленным существительным: *милостию своею* (56, 2 раза), *по сердцю моему* (56, 2 раза), *въ сердце своемъ* (54, 2 раза).

2. мои

Препозиция (2 примера)

[Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу]:

с одушевленным существительным: *мои ученицы* (390).

с неодушевленным существительным: *моего ума* (390).

Постпозиция (3 примера)

[Послания Феодосия Печерского]:

с одушевленным существительным: *княже мой* (169).

с неодушевленным существительным: нет примеров.

[Послание епископа Даниила]:

с одушевленным существительным: *братии моеи* (56).

с неодушевленным существительным: *по сердцю моему* (56).

3. твои

Препозиция (4 примера)

[Послание Климента Смолятича]:

с одушевленным существительным: *твоея матерее* (140).

с неодушевленным существительным: *твоего благоумиа* (118, 2 раза).

[Послание епископа Даниила]:

с одушевленным существительным: нет примеров.

с неодушевленным существительным: *твоему благочестию* (56).

Постпозиция (16 примеров)

[Послание Климента Смолятича]:

с одушевленным существительным: *раби твои* (120).

с неодушевленным существительным: *въ руцѣ твоей* (124),

благоразумию твоему (124), *писания твоея* (118).

[Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу]:

с одушевленным существительным: *о души твоей* (392, 2 раза),

с неодушевленным существительным: *руку твою* (392, 2 раза), *мощь твою* (390), *отъ тайн твоихъ* (386), *умъ твой* (384).

[Послание епископа Даниила]:

с одушевленным существительным: *отца твоего* (56), *матере твоея* (56).

с неодушевленным существительным: *человеколюбие твое* (56), *прошение твое* (56).

4. нашь

Препозиция (3 примера)

[Послание Климента Смолятича]:

с одушевленным существительным: нет примеров.

с неодушевленным существительным: *к нашему тщеславию* (118).

[Послания Феодосия Печерского]:

с одушевленным существительным: нет примеров.

с неодушевленным существительным: *къ нашей службѣ* (173), *наша земля* (171).

Постпозиция (2 примера)

[Послание Климента Смолятича]:

с одушевленным существительным: *Господь нашь* (128).

с неодушевленным существительным: нет примеров.

[Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу]:

с одушевленным существительным: нет примеров.

с неодушевленным существительным: *дѣла наша* (390).

5. вашь

Препозиция (1 пример)

[Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу]:

с одушевленным существительным: нет примеров.

с неодушевленным существительным: *вашею любовью* (390).

Постпозиция (1 пример)

[Послания Феодосия Печерского]:

с одушевленным существительным: нет примеров.

с неодушевленным существительным: *от изьбытька вашего* (169).

6. ихъ

Постпозиция (1 пример)

[Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу]:

с одушевленным существительным: *учитель их* (388)

с неодушевленным существительным: нет примеров.

7. его, ея

Постпозиция (14 примеров)

[Послание Климента Смолятича]:

с одушевленным существительным: *жену его* (126), *братъ его* (126), *сноха его* (122).

с неодушевленным существительным: *персть его* (120, 2 раза), *рождению ея* (124).

[Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу]:

с одушевленным существительным: *сестру его* (388).

с неодушевленным существительным: *по дѣломъ его* (390), *лице его* (388), *бесѣды ея* (386), *в руку ея* (386), *отъ устъ ея* (386), *сердце ея* (386).

[Послания епископа Даниила]

с одушевленным существительным: нет примеров.

с неодушевленным существительным: *съгрѣшения его* (56).

Представим полученные данные в сопоставительной таблице (табл. № 3.12).

Таблица № 3.12 – Зависимость положения атрибута, выраженного притяжательным местоимением, от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога

Тип СС	ПослКС		ПослЯк		ПослФП		ПослДан	
	AN	NA	AN	NA	AN	NA	AN	NA
предлож. одуш.	-	1	-	2	-	-	-	-
предлож. неодуш.	1	2	1	4	3	-	-	5
беспредлож. одуш.	2	15	1	1	2	-	-	3
беспредлож. неодуш.	8	10	5	12	4	-	3	6

В результате анализа словосочетаний с местоименным атрибутом, заключим, что притяжательное местоимение тяготеет к постпозитивному положению (67 % постпозиции). Положение после определяемого слова, по мнению Ф. Р. Минлоса, характерно для книжных текстов[261]. Этот же факт подтвердился и на примере проанализированного нами жанра поучений, однако в этих текстах постпозитивных притяжательных местоимений оказалось несколько больше – 73 %, что свидетельствует о более высоком

[261] *Минлос* Ф. Р. Позиция притяжательного местоимения и языковые регистры… С. 234−243.

регистре данных памятников, нежели посланий.

Также нами было замечено, что при одушевленном существительном местоименный атрибут чаще располагается в постпозиции (81 % постпозиции), хотя преобладание постпозитивного положения наблюдается и при неодушевленном существительном (61 %).

Проанализировав зависимость местоименного атрибута от наличия / отсутствия предлога, отметим, что в текстах древнерусских посланий предложных атрибутивных конструкций с притяжательным местоимением в 3,8 раза меньше, чем беспредложных (19: 72). Но даже в предложных конструкциях атрибут в 74 % располагается в постпозиции.

Сочетание указательного местоимения и определяемого

1. сь, сеи

Препозиция (7 примеров)

[Послание Климента Смолятича]:

с одушевленным существительным: *сего брата* (126).

с неодушевленным существительным: *от сего знамениа* (126), *сего залога* (122).

[Послания Феодосия Печерского]:

с одушевленным существительным: нет примеров.

с неодушевленным существительным: *сию вѣру* (172, 2 раза), *въ семь вѣцѣ* (172), *сею вѣрою* (171).

Постпозиция (2 примера)

[Послание Климента Смолятича]:

с одушевленным существительным: нет примеров.

с неодушевленным существительным: *жезлъ сий* (124, 2 раза).

2. тотъ

Препозиция (4 примера)

[Послание Климента Смолятича]:

с одушевленным существительным: нет примеров.

с неодушевленным существительным: *в той год* (138).

[Послания Феодосия Печерского]:

с одушевленным существительным: нет примеров.

с неодушевленным существительным: *въ тѣхъ днехъ* (168, 2 раза), *въ тотъ день* (168).

Постпозиция (3 примера)

[Послание Климента Смолятича]:

с одушевленным существительным: *блудникъ тъ* (122, 2 раза).

с неодушевленным существительным: нет примеров.

[Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу]:

с одушевленным существительным: нет примеров.

с неодушевленным существительным: *сердце ти* (386).

3. такои

Препозиция (3 примера)

[Послания Феодосия Печерского]

с одушевленным существительным: нет примеров.

с неодушевленным существительным: *такыхъ дѣяний* (172), *таковый нравъ* (169).

[Послание епископа Даниила]

с одушевленным существительным: нет примеров.

с неодушевленным существительным: *таковъ разумъ* (56).

Постпозиция: нет примеров.

Обобщим полученный материал в таблице (табл. № 3.13).

Таблица № 3.13 − Зависимость положения атрибута, выраженного указательным местоимением, от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога

Тип СС	ПослКС		ПослЯк		ПослФП		ПослДан	
	AN	NA	AN	NA	AN	NA	AN	NA
предлож. одуш.	-	-	-	-	-	-	-	-
предлож. неодуш.	2	2	-	-	4	-	-	-
беспредлож. одуш.	1	2	-	-	-	-	-	-
беспредлож. неодуш.	1	-	-	1	5	-	1	-

Анализ конструкций с атрибутом, выраженным указательным местоимением, показал нам, что в памятниках древнерусских посланий данный местоименный атрибут преобладает в препозитивном положении (14 (74 %): 5 (26 %). Наиболее употребительным (9 примеров из 19) является местоимение *сь, сеи.* При одушевленных существительных указательные местоимения тяготеют к положению после определяемого слова (67 %), тогда как при неодушевленных тяготеют к препозиции (81 %).

В предложных конструкциях атрибут в 75 % случаев располагается в препозиции, на основании чего мы делаем вывод о влиянии предлога на препозитивное положение атрибута. Примечательно, что в предложных словосочетаниях определяемое слово – исключительно неодушевленное имя существительное.

Сочетание определительного местоимения и определяемого

Определительные местоимения в текстах древнерусских посланий употребляются исключительно в препозитивном положении.

1. вьсь

Препозиция (10 примеров)

[Послание Климента Смолятича]:

с одушевленным существительным: нет примеров.

с неодушевленным существительным: *всеа земли* (138, 2 раза), *всему миру* (126), *съ всѣмъ дерзновениемъ* (126), *по вся дни* (118).

[Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу]:

с одушевленным существительным: *вси ангели* (386).

с неодушевленным существительным: *всего мира* (386).

[Послания Феодосия Печерского]:

с одушевленным существительным: нет примеров.

с неодушевленным существительным: *всѣхъ дѣлесъ* (171), *всѣ праздникы* (169), *вся дѣла* (168), *всея недѣлѣ* (168).

2. вьсякъ, вьсякии

Препозиция (3 примера)

[Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу]:

с одушевленным существительным: нет примеров.

с неодушевленным существительным: *всякого невидѣнья* (392).

[Послания Феодосия Печерского]:

с одушевленным существительным: нет примеров.

с неодушевленным существительным: *всякаго ученья* (170).

[Послание епископа Даниила]

с одушевленным существительным: нет примеров.

с неодушевленным существительным: *от всякого зла* (56).

3. самъ, самыи

Препозиция (1 пример)

[Послания Феодосия Печерского]:

с одушевленным существительным: *самого Господа* (170).

с неодушевленным существительным: нет примеров.

4. инои

Препозиция (2 примера)

[Послания Феодосия Печерского]:

с одушевленным существительным: нет примеров.

с неодушевленным существительным: *иноя вѣры* (171), *въ иной вѣрѣ* (171).

Представим полученный материал в таблице (табл. № 3.14).

Таблица № 3.14 − Зависимость положения атрибута, выраженного определительным местоимением, от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога

Тип СС	ПослКС		ПослЯк		ПослФП		ПослДан	
	AN	NA	AN	NA	AN	NA	AN	NA
предлож. одуш.	-	-	-	-	-	-	-	-
предлож. неодуш.	2	-	-	-	1	-	1	-
беспредлож. одуш.	-	-	1	-	1	-	-	-
беспредл. неодуш.	3	-	2	-	5	-	-	-

Итак, произведя анализ атрибута, выраженного определительным местоимением, приходим к выводу, что типичное положение для данного атрибута – препозиция. Если исследователи отмечали, что в древнерусских текстах «определительные местоимения препозитивны на 88,9 %»[262], то в текстах посланий XI−XIII вв. они препозитивны на 100 % (для сравнения: в

[262] *Санников* В. З. Указ. соч. С. 67.

текстах древнерусского красноречия определительные местоимения препозитивны в 96 %). Самым распространенным является местоимение *вьсь* (11 репрезентаций из 16). Ввиду того, что данные атрибуты располагаются исключительное в препозитивном положении, сделать заключение о влиянии одушевленности определяемого существительного не представляется возможным. Однако стоит отметить, что в 87 % данные атрибуты используются с неодушевленными существительными. Беспредложных конструкций с определительным местоимением мы получили в 3 раза больше, чем предложных (12 беспредложных конструкций: 4 предложные). Примечательно, что в предложных конструкциях с определительным местоимением, атрибут в 100 % случаев препозитивен, доказывает корреляцию между наличием предлога и препозитивным положением атрибута.

Сочетание порядкового числительного и определяемого

По мнению исследователей, порядковые числительные обычно располагались перед определяемым словом[263]. Наши данные подтверждают данное заключение: во всех рассматриваемых словосочетаниях атрибут занимает препозитивное положение.

[Послание Климента Смолятича]:

за перваго сына (128), *вторый законъ* (130, 2 раза), *на пятое лѣто* (130).

[Послания Феодосия Печерского]:

первоѣ недѣлѣ (171), *вторый день* (168), *нъ первый день* (168).

Порядковые числительные в текстах эпистолярного жанра преимущественно обозначают протекание времени: *на пятое лѣто* (130), *первоѣ недѣлѣ* (171), *вторый день* (168).

[263] Санников В. З. Указ. соч. С. 64−65.

Сочетание причастия и определяемого

В анализируемых текстах древнерусского красноречия встретились немногочисленные случаи употребления причастия в качестве атрибута. Ввиду неоднозначности синтаксической функции причастия не все исследователи принимали в расчет атрибут, выраженный этой частью речи[264].

Из текстов посланий нами было извлечено семь атрибутивных словосочетаний с атрибутом, выраженным причастием. Подобные конструкции используются только в тексте «Послания Климента Смолятича» и в «Послании о повинных» епископа Даниила.

[Послание Климента Смолятича]:

животворящимъ Духом (136, 2 раза), *списающим евангелистомъ* (132), *предлежащее речение* (122), *всемогуща сила* (140), *вина нерастворена* (130).

[Послание епископа Даниила]: *животворящимъ Духомъ* (56).

В шести случаях атрибут располагается перед определяемым словом, ввиду чего мы заключаем, что преобладающее положение полного причастия, так же, как и полного прилагательного – препозиция. В двух случаях атрибут представлен краткой формой причастия (*всемогуща сила* (140), *вина нерастворена* (130).

Сочетание субстантивного атрибута и определяемого

По замечаниям В. И. Борковского и П. С. Кузнецова, в роли приложения может выступать большое количество существительных, однако чаще всего выступают «слова, указывающие на: 1. титул, должность, занятие

[264] *Евстифеева* Р. А. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях… С. 164.

лица, 2) степень родства, 3) принадлежность данного лица к той или иной народности, к жителям того или иного города, княжества»[265]. Как правило, приложение находится в препозиции при собственном определяемом существительном, а в постпозиции – когда и приложение, и определяемое слово – имена нарицательные[266].

Проанализируем атрибутивные конструкции с приложением в текстах эпистолярного жанра.

Субстантивные атрибуты, относящиеся к имени собственному

[Послание Климента Смолятича]:

учителя *Григориа* (134), *пред* ***княземъ*** *Изяславомъ* (118).

[Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу]:

архиерѣю *Пилату* (388, 2 раза), *ко* ***князю*** *Дмитрею Борисовичу* (386, 2 раза), ***Господь*** *Исус* (386, 2 раза), *Иякова* ***черноризьца*** (386, 2 раза).

[Послание Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославичу]:

игумена *Феодосья* (168), *Изяслава* ***князя*** (168).

[Послание епископа Даниила к Владимиру Мономаху]:

Богомъ ***вседержителемъ*** (56).

Субстантивные атрибуты, относящиеся к имени нарицательному

Нет примеров.

Итак, проанализировав атрибут, выраженный именем существительным, в четырех текстах древнерусского красноречия XI–XIII вв., приходим к выводу, что все приложения (13 репрезентаций) относятся к

[265] Историческая грамматика русского языка. Указ. соч. С. 451.
[266] Там же. С. 451–452.

собственному имени существительному. В 12 случаях (92 %) приложение выражено нарицательным существительным. В 85 % атрибут, выраженный приложением, обозначает титул, должность или род занятий определяемого лица (к примеру, *архиерѣю*, *князю*, *черноризьца*, *игумена*, *учителя*). Единичным случаем представлен субстантивный атрибут, обозначающий другое (отличное от имени) наименование лица (*Господь*), а также дающий характеристика субъекта (*вседержителемъ*). Что касается расположения компонентов атрибутивного ряда, то в 69 % атрибут занимает препозитивное положение, в 31 % − постпозитивное. Таким образом, наши данные подтверждают мнение исследователей о тяготении субстантивного атрибута к препозитивному положению.

***

Произведя анализ двучленных субстантивно-атрибутивных словосочетаний в текстах древнерусских посланий, мы приходим к выводу, что в 68 % случаев (от общего числа двучленных конструкций) атрибут располагается перед определяемым словом. На положение препозитивного атрибута свое влияние, несомненно, оказывает его частеречное выражение: качественные (85 % препозиции) и относительные (92 % препозиции) прилагательные, порядковые числительные (100 % препозиции) и причастия (85 % препозиции) располагаются в препозиции, притяжательные же прилагательные, наоборот, тяготеют к положению после определяемого слова (65 % постпозиции).

Положение местоименного определения также зависит от его разряда: определительные местоимения располагаются исключительно перед определяемым словом, указательные местоимения тяготеют к препозиции (82 % препозиции), притяжательные местоимения преобладают в положении после определяемого слова (67 % постпозиции).

Кроме морфологического выражения на расположение компонентов субстантивно-атрибутивного словосочетания свое влияние оказывает

предлог и одушевленность определяемого существительного: при одушевленном существительном притяжательные прилагательные, притяжательные и указательные местоимения тяготеют к постпозиции; в предложных конструкциях атрибут, выраженный качественным и относительным прилагательным, указательным местоимением тяготеет к положению перед определяемым словом. Определяемое слово при атрибуте, выраженном именем прилагательным, было представлено следующими наиболее распространенными семантическими группами: «предметы, связанные с богослужением», «наименования лиц», «чувства, эмоциональные состояния».

Также в текстах древнерусских посланий встретились традиционные устойчивые словосочетания с атрибутом, выраженным качественным и притяжательным прилагательным с сакральным значением (*святыи*, *Христовъ*, *Божии*). Примечательно, что в традиционных устойчивых словосочетаниях с атрибутом, выраженным качественным именем прилагательным, употребляются только местоименные формы адъектива и преобладает его препозитивное положение (78 %). В традиционных словосочетаниях с притяжательным прилагательным, наоборот, атрибут располагается преимущественно после определяемого слова (83 % постпозиции).

Субстантивные атрибуты в 100 % случаев относится к определяемому имени собственному, чем и объясняется его тяготение к препозиции (69 %).

Словосочетания с дистантным положением компонентов в текстах древнерусских посланий не нашли своего распространения (нами была извлечена всего одна конструкция с относительным прилагательным).

Таким образом, заключаем, что на положение атрибута в двучленном субстантивно-атрибутивном словосочетании влияет не только его морфологическое выражение, но и семантические и лексико-грамматические признаки определяемого им существительного (одушевленность/ неодушевленность, нарицательное / собственное), а также наличие предлога.

3.2. Порядок слов в многокомпонентных словосочетаниях

Многокомпонентные атрибутивные словосочетания в истории языка изучены не столь детально, как двучленные. В современном русском языке при нейтральном порядке слов в многокомпонентном атрибутивном словосочетании имеется следующее словорасположение: указательное или определительное местоимение + притяжательное местоимение + прилагательное + определяемое слово[267]. По заключению Ф. Р. Минлоса, такое же расположение является «базовым словопорядком» и в древнерусском языке[268].

В ходе анализа многочленных атрибутивных конструкций в текстах древнерусских посланий попытаемся выяснить, какой словопорядок был характерен для памятников данного жанра.

Всего из четырех памятников древнерусского эпистолярного жанра нами было извлечено 52 трехчленные атрибутивные конструкции (12 % от общего числа словосочетаний).

Препозиция определений

1. Местоимение + прилагательное + существительное

[Послание Климента Смолятича]: *ти святи ангели* (134).

2. Прилагательное + местоимение + существительное

[Послание Климента Смолятича]:

истинный нашь Богъ (120), *великое твое смотрение* (140), *нечестивый тъ цесарь* (138), *велицей своей мудрости* (136), *тревечерний он странникъ* (136), *безсонное его око* (136), *худый сей животъ* (136), *малому сему животу* (138), *вредное то вкушение* (120), *ложное то злато* (134), *великаго своего*

[267] *Улитова* А. С. Многокомпонентные атрибутивные словосочетания… С. 108−118.
[268] *Минлос* Ф. Р. Что притягивает притяжательные местоимения?... С. 287.

смотрениа (126), *богознаменитый тъ плодъ* (128).

[Послания Феодосия Печерского]: *злыя тоя вѣры* (171).

[Послание епископа Даниила]: *святаго ти отца* (56).

3. Прилагательное + прилагательное + существительное

[Послание Климента Смолятича]:

сквернья нечистыя похоти (126), *человѣчьскыми веществеными руками* (144).

[Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу]:

в тайных божиихъ судѣхъ (390).

[Послания Феодосия Печерского]:

от святыхъ богоносныхъ отець (169).

[Послание епископа Даниила]:

христолюбиваго великаго князя (56).

4. Местоимение + местоимение + существительное

[Послания Феодосия Печерского]: *всего ихъ обычая* (170).

5. Сочетание приложения, местоименного определения/ прилагательного и существительного

[Послание Климента Смолятича]:

Господа *нашего Исуса Христа* (132, 3 раза), ***сыну*** *своему Иру* (122).

[Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу]:

великому ***князю*** *Дмитрею* (386, 2 раза), *отъ многогрѣшнаго* ***черноризьца*** *Якова* (386).

[Послание епископа Даниила]:

Спасу *нашему Христу* (56), ***Господа*** *нашего Исус Христа* (56, 2 раза),

Господемъ *нашим Исус Христомъ* (56).

Итак, из текстов эпистолярного жанра мы извлекли 34 препозитивные трехчленные конструкции, что составляет 65 % от общего числа трехчленных атрибутивных словосочетаний. Самым распространенным оказалось сочетание *прилагательное* + *местоимение* + *существительное* (15 репрезентаций), где в 100 % случаев адъективный атрибут − качественное имя прилагательное, местоимение в 67 % (10 примеров) является указательным, а в 13 % − притяжательным. Вторым по употребительности является сочетание приложения, местоимения / прилагательного и существительного (10 конструкций). В данном типе словосочетаний частотной оказалась трафаретная конструкция *Господа нашего Исуса Христа*, употребленная в текстах 6 раз (60 %). В остальных случаях приложение обозначает должность обозначенного лица (князь, черноризец). Обращает на себя внимание, что и в данных конструкциях употребляется только качественное имя прилагательное.

Следующей по частоте употребления оказалась конструкция *прилагательное* + *прилагательное* + *существительное* (5 примеров), где так же превалируют качественные прилагательные в обоих случаях (3 примера). Единичными случаями представлены конструкции *относительное прилагательное* + *качественное прилагательное*, *качественное прилагательное* + *притяжательное прилагательное*.

Постпозиция определений

1. Существительное + местоимение + прилагательное

[Послание епископа Даниила]: *Отець вашь небесныи* (56, 2 раза).

2. Существительное + прилагательное + местоимение

[Послание Климента Смолятича]: *огнь веществень сый* (134).

3. Существительное + существительное (приложение) + местоимение

[Послание Климента Смолятича]: *Христу **Богу** нашему* (128).

[Послания Феодосия Печерского]:
*Христа **Бога** нашего* (168, 3 раза).

Из анализируемых нами текстов мы извлекли 7 трехчленных атрибутивных конструкций с постпозитивным положением атрибута, что составляет 14 % от общего числа трехчленных словосочетаний. В отличие от препозитивных трехчленных словосочетаний постпозитивные конструкции представлены всего тремя вариантами своего расположения: *существительное + местоимение + прилагательное*, *существительное + прилагательное + местоимение* и *существительное + приложение + местоимени*е. Самым распространенным явилось сочетание приложения, местоимения и существительного (4 конструкции), представленное устойчивым словосочетанием *Христос Бог наш*.

Пре - + постпозиция определений

1. Прилагательное + существительное + прилагательное

[Послание Климента Смолятича]: *от единаго съвокупления Иудина* (128, 2 раза).

2. Прилагательное + существительное + местоимение

[Послание Климента Смолятича]: *истинный Христос нашь* (128).

[Послание епископа Даниила]: *единороднаго Сына твоего* (56), *святаго дѣда твоего* (56), *приснопамятнаго дѣда твоего* (56), *благочестиваго дѣда твоего* (56).

3. Местоимение + существительное + местоимение

[Послание Климента Смолятича]: *се свекоръ твой* (124).

4. Прилагательное + существительное + приложение

[Послания Феодосия Печерского]: *святый Павелъ апостолъ* (168).

5. Местоимение + существительное + прилагательное

[Послание епископа Даниила к Владимиру Мономаху]: *изъ самѣхъ устъ адовѣхъ* (56, 2 раза).

Рамочные конструкции в текстах эпистолярного жанра представлены 11 примерами, что составляет 22 % от общего числа трехчленных словосочетаний. Наиболее частотным оказалось обмыкание определяемого существительного качественным прилагательным и притяжательным местоимением (5 примеров, 45 %). По два примера представлены конструкции, состоящие из двух прилагательных и сочетания прилагательного и местоимения. Примечательно, что в указанных конструкциях постпозитивный компонент обозначает принадлежность и выражается либо притяжательным местоимением, либо притяжательным прилагательным. Тем самым, для автора, видимо, сначала было важным показать качество предмета, а затем указать на его принадлежность. По одному примеру представлены рамочные конструкции с двумя местоимениями, причем, и здесь в постпозиции находится притяжательное местоимение, а также конструкции с прилагательным и приложением.

3.3. Экспрессивные функции атрибутивной локализации в древнерусских посланиях

Придать экспрессивный характер своей речи старались и создатели древнерусских посланий, что доказывается использованием многих стилистических средств.

В начале повествования, при обращении к лицу (в случае использования звательного падежа) атрибут чаще располагается в постпозиции: «*княже мой*» (ПослФП, 169), «*Слово ми есть к тобѣ, княже боголюбивый*» (ПослФП, 170), что подчеркивает апеллятивный характер конструкции и вторичность оценочной функции обращения.

Так же, как и в текстах древнерусского поучения, в посланиях наблюдаем антитетическое расположение атрибутов, обозначающих «свое» и «чужое»: препозиция прилагательного или местоимения относит определяемое понятие к «своему», правоверному, а постпозиция – к «чужому, «латинскому» миру. Например, «*Азъ, Федосъ худый, раб пресвятыя Тройца, Отца и Сына и Святаго Духа, в чистѣи и правѣрнѣи вѣре роженъ и воспитан в добрѣ и наказанья правовѣрнымъ отцем и матерью, наказываюче мя добру закону:— вере же латыньстѣй не прелучаiте на обычая ихъ держати, и комканья ихъ бѣгати, и всякаго ученья ихъ бѣгати, норова ихъ гнушатися, и блюсти своихъ дочереи: не давати за нихъ…*» (ПослФП, 170).

Чередование препозитивного и постпозитивного положения прилагательного подчеркивает противостояние небесного, божественного, возвышенного и земного, человеческого, дольнего: «*Не уничижаю силы Божья всемощныя, ни отмещю дара, туне данаго ми: от скверна тѣла и от скаредна сердца, от нечистыи души и груба ума и нестроины мысли, от безърасудна языка, и отъ нищю устну слово … Имя бо велико не введеть во царство небесное…*» (ПослЯк, 392).

При помощи хиастического («зеркального») расположения прилагательных автор противопоставляет греховное женское начало честному мужскому: «*В добротѣ бо женьстѣ мнози заблудишася и пополъзнушася в пагубу, смертию въ адъ, жены бо честныхъ мужь душа уловляют*» (ПослЯк, 386).

Экспрессивность посланий также создается путем использования автором повтора эпитетов, синтаксического параллелизма: «*А сущему въ иной вѣрѣ — ли въ латыньской, ли въ арменьской, ли въ срачиньской — нѣсть видѣти жизни вѣчныя… зане мертвымъ тѣлом служите, мертва Господа призывающа. А мы служимъ живым тѣлом самого Господа жива видящи одесну Отца сидяща... Вы же есте мергвии, мертву жертву здѣваете, мы живу Богу живу жертву приносим,— чисту, непорочну и животъ вѣчный обрѣсти*» (ПослФП, 171−173); «*Матфѣй и Лука, чистаа евангелиста, явѣ показаста, яко от Давыдова племене единочадое Слово Божие родися, от чистыа Девица, Христос Богъ нашь… Иаким же чистую и хвалы достойну Анну поятъ женѣ, от неяже родися пречистаа девица, владычице наша Богородица и присно дева Мариа, от Давыда племене сводима, от неяже родися истинный Христос Богъ нащ*» (ПослКС, 126); «*Иже въ глубоку старость глубокаа извѣща. На послѣдьнюю бо и глубокою старость написал есть 16 словесъ, яже чюдна и хвалы достойна, яже* суть *прѣдана церковьному прочитанию за величьство разума и глубину съкровенных ради и дивных словесъ*» (ПослКС, 138).

Красочность и выразительность текстам посланий придают двойные (составные) эпитеты, по мнению П. И. Мельникова, являющиеся «главной лингвостилистической категорией»[269], например, *душетлѣнный вредъ* (ПослЯк, 388), *единородная дщи* (ПослЯк, 390), *единочадное Слово* (ПослКС, 127), *седмореченый годъ* (ПослКС, 136), *тридневное разорение* (ПослКС, 136), *боготканныа одежда* (ПослКС, 120).

[269] *Мельников (Давыдов*) П. И. Историческая стилистика русского языка (художественный текст). Борисоглебск, 2006. С. 33.

Напыщенность стиль своим произведениям авторы придают при помощи нагнетения эпитетов (амплификации): «*Аще ли бы тоа плод от мнимыа скверненыя тоя нечистыа похоти и безакониа былъ, кромѣ смотрениа Божиа, то не бы и Богъ тоя плодом прообразовал великаго своего смотрениа тайну хотящую быти, но да сотворить обавление, якоже отбѣгшее и отползъшее естество и отвалившееся въ безаконныа сласти, приде его исцѣлить Христос*» (ПослКС, 126); «*Якоже прияхом законная и благодатьная Святых Писаний от общего владыкы, Господа нашего Исуса Христа, Спаса и правителя наших душь, от святыих и божественых его апостолъ по дару и благодати и силѣ Духа, да держимся убо, возлюбленнии, за ту предлежащую надеждю, не укланяющеся ни на шую, ни на десно, да не в самое то дно падемся пагубы впадемся, но ко церковнымъ истиннымъ и честнымъ святителемъ гря[ду]ще и тако доидемъ вышния свѣтлости въ приходящемъ царствии Господа нашего Исуса Христа, емуже слава купно съ безначалнымъ Отцемъ и пресвятым и благымъ и животворящимъ Духом всегда и нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ. Аминъ*» (ПослКС, 136); «*Богомъ вседержителемъ нареченому изъ чрева матере своея, единочадымъ его Сыномъ, Господемь нашим Исус Христомъ, почтеному господьскымъ и царьскымъ саномъ и пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Духомъ его зблюдаему и усиляему на прѣдспѣние господьскых гже и царьскых разумъ и державы, благочестивому, христолюбивому великому князю*» (ПослДан, 56).

Таким образом, делаем вывод, что и в текстах древнерусских посланий расположение атрибутов (эпитетов) широко использовалось в качестве стилистического средства для усиления экспрессивности характера произведений.

3.4. Выводы по главе 3

Произведя анализ двухкомпонентных и многокомпонентных атрибутивных словосочетаний в текстах древнерусских посланий, мы приходим к следующим выводам:

1. Для двучленных и трехчленных субстантивно-атрибутивных конструкций характерно препозитивное положение атрибута (68 % и 65 % препозиции соответственно), таким образом, наши данные подтверждают мнение медиевистов о «типичности» данного словорасположения в древнерусском языке[270].

2. В двучленных атрибутивных конструкциях наблюдается подчинение в расположении компонентов словосочетания морфологическому принципу: качественные (85 % препозиции) и относительные (92 % препозиции) прилагательные, определительные (100 % препозиции) и указательные местоимения (82 % препозиции), порядковые числительные (100 % препозиции) и причастия (85 % препозиции) тяготеют к препозитивному положению (или абсолютно препозитивны), тогда как притяжательные прилагательные (65 % постпозиции) и притяжательные местоимения (67 % постпозиции), наоборот, чаще располагаются после определяемого слова.

3. Местоименная форма качественного и относительного прилагательного отчетливо превалирует в препозиции (86 % и 91 % полных препозитивных форм соответственно), именная форма стремится к препозиции у качественных и располагается исключительно постпозитивно у относительных адъективов (69 % и 0 % кратких препозитивных форм соответственно).

4. Гипотеза Д. Ворта о влиянии предлога на препозитивное

[270] *Коробчинская* Л. А. Функции порядка слов…. С. 73−85; *Санников* В. З. Указ. соч. С. 47−94; *Минлос* Ф. Р. Позиция атрибута… С. 203−216.

положение прилагательного подтвердилась на примере качественных и относительных прилагательных (по 89 % препозиции), притяжательные же прилагательные данной зависимости не показали (67 % постпозиции)[271].

5. Влияние одушевленности определяемого существительного на постпозитивное положение местоименного атрибута мы обнаружили на примере притяжательных (81 % постпозиции) и указательных (67 % постпозиции) местоимений. Стоит обратить внимание на расположение указательных местоимений: как и в поучениях при одушевленном существительном данные атрибуты демонстрируют нам преобладание постпозитивного положения (67 % − в посланиях, 70 % − в поучениях), тогда как при неодушевленном существительном они меняют свою позицию в атрибутивном ряду (81 % препозиции в посланиях, 77 % препозиции в поучениях).

6. В состав традиционных устойчивых словосочетаний, обозначающих религиозные понятия, в текстах древнерусских посланий входят только качественные и притяжательные прилагательные (с относительным прилагательным была выявлена только одна конструкция *царство небесное* (ПослЯк, 394). Самыми распространенными лексемами в этих конструкциях оказались атрибуты *святыи* и *Божии*.

7. Определяемое слово в конструкциях с атрибутом, выраженным именем прилагательным, в 91 % случаев является нарицательным именем существительным, представленным наиболее распространенными семантическими группами «названия лиц», «предметы, связанные с богослужением и культом», «названия частей тела». Самая употребительная семантическая группа среди абстрактных имен существительных − «чувства, эмоциональные состояния». Таким образом, в сравнении с текстами поучений, наблюдается снижение использования семантических групп существительных, связанных с

[271] *Worth D.* Указ. соч. P. 533−554.

религией.

8. Среди лексико-семантических групп прилагательных, наоборот, наблюдается превалирование группы «общественно-государственная сфера; религия» как в препозитивном, так и в постпозитивном положении (от 69 % до 100 %), что объясняется широким использованием образов из Священного Писания.

9. В аппозитивных конструкциях атрибут в 69 % занимает препозитивное положение. В 85 % приложение выражено нарицательным именем существительным, обозначающим титул, должность, или род занятий определяемого лица.

10. Словосочетания с дистантным положением компонентов не нашли своего распространения в текстах древнерусских посланий. Нами была обнаружены всего одна конструкция с относительным прилагательным, ввиду чего делать выводы о расположении компонентов в данных конструкциях нам не представляется возможным. Почти полное отсутствие данного типа конструкций можно аргументировать, как нам видится, желанием авторов сделать свое послание доступным (простым) для адресата.

11. Из препозитивных трехчленных конструкций самым распространенным оказалось сочетание *прилагательное + местоимение + существительное* (44 %), где в 100 % случаев употреблено качественное имя прилагательное, местоимение же в 67 % является указательным и в 13 % − притяжательным.

12. Наиболее распространенная постпозитивная трехчленная конструкция представлена устойчивым словосочетанием *Христос Бог наш*. А самым частотным из обмыкающих конструкций оказалось сочетание определяемого существительного, качественного прилагательного и притяжательного местоимения (45 %).

13. Желая придать экспрессивность своей речи, создатели посланий прибегали к использованию многих стилистических средств. Например,

противопоставляя «свое» и «чужое», небесное и низменное авторы использовали не только контекстуально антонимичные пары эпитетов, но и чередование препозитивного и постпозитивного положения атрибута, также применяли хиастическое расположение прилагательных. Особую выразительность тексту прибавляют двойные эпитеты, а также их повторы, предложения и словосочетания с одинаковой структурой построения (синтаксический параллелизм).

Заключение

Из памятников древнерусского красноречия и эпистолярного жанра XI−XIII вв. нами было извлечено 2203 субстантивно-атрибутивных словосочетаний[272]. 89 % (1956 примеров) от общего числа конструкций составляют двучленные атрибутивные словосочетания, 11 % (247 примеров) − многочленные. Обращает на себя внимание тот факт, что количество двучленных и многочленных конструкций в каждой группе текстов примерно одинаково (в поучениях 89 % двучленных и 11 % многочленных конструкций, в посланиях – 87 % двучленных и 13 % многочленных конструкций).

В контактных двучленных атрибутивных словосочетаниях наблюдается превосходство препозитивного положения над постпозитивным (в текстах поучений – 55 % препозиции, в текстах посланий – 68 %). В эпистолярных памятниках данная тенденция находит большее распространение, так как торжественное красноречие, очевидно, гораздо сильнее подвергалось влиянию библейского синтаксиса, для которого характерна постпозиция атрибута[273]. Это подчеркивает достаточно тесную связь расположения атрибута с жанрово-стилистическим характером памятника, выявленную в ходе проведенного исследования, и доказывает выдвинутую нами гипотезу исследования.

Одним из важнейших факторов, влияющих на расположение компонентов атрибутивного ряда, является морфологическое выражение атрибута. Произведя анализ расположения атрибута, выраженного именем

---

[272] В это количество не входят словосочетания с управляемыми предложно-падежными словоформами и конструкции с полупредикативными оборотами, использованные нами в качестве иллюстративного фона.

[273] Ср. с данными по житийным текстам: 52 % постпозиции в тексте «Жития Феодосия Печерского» и 64 % постпозиции в «Сказании о Борисе и Глебе» (*Казаковцева* О. С. Позиция атрибута в оригинальных и переводных житийных текстах XI−XIII вв. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. №10 (123). С. 62−67).

прилагательным, заключаем, что в текстах поучений и посланий качественные прилагательные тяготеют к препозиции (поучения – 76 %, послания − 85 %), относительные прилагательные также препозитивны (поучения – 68 %, послания − 92 %), тогда как притяжательные прилагательные превалируют после определяемого слова (поучения – 67 %, послания − 65 %).

В обеих группах текстов обнаруживается преобладание в препозитивном положении членных качественных и относительных форм имен прилагательных (82 % и 66 % соответственно). Краткие же формы качественных и относительных прилагательных в текстах поучений тяготеют к постпозиции (53 %), тогда как в текстах посланий в 69 % случаев препозитивны только краткие качественные адъективы (относительные нечленные формы здесь всегда постпозитивны). По нашему мнению, характер использования постпозитивных кратких прилагательных свидетельствует о большей близости поучений к церковным (библейским) текстам[274].

Вторыми по частоте морфологического выражения атрибута стали местоимения. И здесь, так же, как и в случае с именами прилагательными, на расположение местоимений влияет их лексико-грамматический разряд. Указательные и определительные местоимения препозитивны (поучения – 66 % и 94 % соответственно, послания – 82 % и 100 %). Постпозитивное употребление притяжательных местоимений во всех анализируемых текстах численно превосходит препозитивное (поучения – 73 %, послания − 67 %).

Порядковые числительные во всех текстах препозитивны (поучения – 87 %, послания – 100 %), причастия также в большинстве случаев превалируют в позиции перед определяемым словом (поучения – 73 %, послания – 85 %).

---

[274] *Жихарева* Н. Д. Прилагательные в грамотах XV в. // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1966. С. 35−45; *Пельтина* М. Н. Указ. соч. С. 113−120; *Георгиева* В. Л. Синтаксические функции прилагательных в древнерусском языке… С. 1−23; Древнерусская грамматика XII−XIII вв. Указ. соч. С. 294−330.

Если сравнить полученные данные расположения компонентов с нормами расположения согласованного атрибутивного словосочетания со словопорядком в современном русском языке, то можем заметить явное сходство тенденций дистрибуции: в современном русском языке «согласованное определение ставится обычно перед определяемым именем существительным»[275], но «в постпозиции в целях выделения может находиться одиночное определение, выраженное притяжательным местоимением или формами местоимений *его*, *ее*, *их*»[276]. Таким образом, древнее расположение согласованного определения во многом сходно с современной нормой, однако расположение притяжательного прилагательного с этой нормой разнится.

Но не только морфологическая принадлежность атрибута влияла на его позицию внутри словосочетания. На расположение компонентов свое влияние оказывает и лексическое значение слов. Так, особого внимания заслуживают традиционные устойчивые словосочетания (термин О. В. Творогова[277]). В устойчивых словосочетаниях с качественным именем прилагательным самыми употребительными лексемами в качестве атрибута оказались *святыи*, *блаженыи*. В 80 % случаев такие словосочетания были препозитивны. Устойчивых словосочетаний с относительными прилагательными в текстах древнерусских поучений меньше, чем конструкций с качественными прилагательными, в посланиях же было обнаружено всего одно такое словосочетание (*царство небесное* (ПослЯк, 394). В устойчивых словосочетаниях с притяжательным прилагательным постпозитивный атрибут в большинстве случаев представлен лексемами *Божии*, *Христовъ*, *Господнь*. Исходя из частотности употребления данных прилагательных, можем заключить, что сакральный компонент занимает в анализируемых текстах значительное место. Здесь, конечно же, следует

[275] Русская грамматика: в 2 т. Т.2. Синтаксис. М.: Наука, 1980. С. 674.
[276] Там же. С. 679.
[277] *Творогов* О. В. Традиционные устойчивые словосочетания… С. 277−284

учитывать и особенности средневекового мировоззрения, где «все события объяснялись как обусловленные свыше»[278].

Определяемое слово в атрибутивных конструкциях с адъективным атрибутом преимущественно выражено нарицательным именем существительным (поучения – 94 %, послания – 87,5 %). Среди конкретных имен наиболее распространенными семантическими группами лексики в текстах поучений и посланий оказались «названия лиц в сфере богослужения» и «предметы, связанные с богослужением». Самая употребительная семантическая группа абстрактных имен существительных во всех текстах − «чувства, эмоциональные состояния».

Подражая «высоким» церковным текстам, авторы поучений и посланий использовали прилагательные преимущественно лексико-семантической группы «общественно-государственная сфера; религия» (процент использования таких адъективов в поучениях − от 80 % до 95 %, в посланиях − от 69 % до 100 %).

Американский лингвист Д. Ворт[279] на примере анализа относительного прилагательного предположил, что на позицию атрибута может влиять одушевленность определяемого слова (атрибут будет тяготеть к постпозиции) и предлог, «перетягивающий» атрибут в препозитивное положение. В настоящем исследовании впервые было рассмотрено влияние данных факторов на прилагательные и местоимения всех лексико-грамматических разрядов.

Так, препозитивное положение в предложных атрибутивных конструкциях с адъективным атрибутом занимают качественные (поучения – 67 % препозиции, послания – 89 %) и относительные прилагательные (поучения – 53 % препозиции, послания – 89 %). Также зависимость от предлога мы обнаружили в текстах поучений и посланий в конструкциях с

[278] *Ерофеева* И. В. Указ. соч. С. 51.
[279] *Worth* D. Указ. соч. P. 533−554.

определительным (100 % препозиции) и указательным (73 % и 75 % препозиции соответственно) местоимением.

Влияние одушевленности определяемого существительного на постпозитивное положение атрибута в текстах древнерусских поучений демонстрируют притяжательные прилагательные (84 % постпозиции), притяжательные (79 % постпозиции) и указательные местоимения (70 % постпозиции), а в древнерусских посланиях – притяжательные (82 % постпозиции) и указательные местоимения (67 % постпозиции).

В ходе исследования указательных местоимений нами был выявлен любопытный факт: если указательное местоимение входит в атрибутивную конструкцию с одушевленным существительным, то занимает преимущественно постпозитивное положение (70 % в поучениях и 67 % в посланиях), тогда как в конструкциях с неодушевленным существительным оно, наоборот, тяготеет к препозиции (77 % в поучениях и 81 % в посланиях). Таким образом, на положение данного атрибута большее влияние оказывает не его разряд, а определяемое слово.

Как и в современном русском, в древнерусском языке в качестве определения в атрибутивном словосочетании могло выступать и согласованное имя существительное. Такое определение принято называть приложением. Во всех текстах приложение, относящиеся к имени собственному, превалирует в препозитивном положении (поучения – 75 %, послания – 69 %). В аппозитивных конструкциях с нарицательным определяемым существительным атрибут в текстах поучений демонстрирует равные показатели препозитивного и постпозитивного положения. В 85 % случаев субстантивный атрибут обозначает титул, должность или род занятий определяемого лица.

Кроме контактного расположения древнерусское атрибутивное словосочетание знало и дистантное положение компонентов. По словам В. З. Санникова, «разница между древним и современным состоянием заключается, видимо, не в наличии или отсутствии дистантного

расположения согласованного определения, а в распространении такого расположения: как будто, дистантное расположение определения в восточнославянских памятниках имеет большее распространение, чем в современных текстах»[280]. По замечаниям О. Б. Сиротининой в современном русском языке «чаще наблюдается постпозиция дистантного определения»[281]. Данный тип конструкций не нашел своего широкого распространения в текстах посланий. В этих памятниках было извлечено всего одно словосочетание с относительным прилагательным. В текстах древнерусских поучений распространение подобных словосочетаний шире: 13 препозитивных (77 %) и 4 (23 %) постпозитивные конструкции. Разрывающий компонент выражен глаголом (35 %), причастием (24 %), местоимением (12 %) и предлогом *ради* (29 %). Более свободная (чем в современном русском языке) возможность перемещения зависимых компонентов по отношению к главному слову обусловливается, по нашему мнению, еще и тем, что гипотаксическая иерархия предложения находится в процессе своего становления.

Помимо двучленных атрибутивных словосочетаний, в древнерусском языке встретились и многочленные конструкции. По мнению Р. А. Евстифеевой, трехчленные конструкции являются искусственно созданными и не свойственны древнерусскому языку[282]. В современном русском языке при нейтральном порядке слов в многокомпонентном атрибутивном словосочетании имеется следующее словорасположение: *указательное или определительное местоимение + притяжательное местоимение + прилагательное + определяемое слово*[283]. По заключению Ф. Р. Минлоса, такое же расположение является «базовым словопорядком» и в древнерусском языке[284]. К противоположному выводу пришел Р. Вечерка, отмечая, что самыми распространенными вариантами в древних славянских

[280] *Санников* В. З. Указ. соч. С. 148–187.
[281] *Сиротинина* О. Б. Порядок слов. Указ. соч. С. 20.
[282] *Евстифеева* Р. А. Указ. соч. С. 191.
[283] *Улитова* А. С. Многокомпонентные атрибутивные словосочетания… С. 108–118.
[284] *Минлос* Ф. Р. Что притягивает притяжательные местоимения? … С. 287.

памятниках были *существительное* + *местоимение* + *прилагательное* и *прилагательное* + *существительное* + *местоимение*, то есть, выражаясь иными словами, постпозиция атрибутов и рамочные конструкции[285]. Во всех анализируемых нами текстах препозитивные многочленные атрибутивные конструкции преобладают над постпозитивными (в поучениях 58 % препозиции, в посланиях – 65 % препозиции). Самой распространенной препозитивной вариацией расположения компонентов в текстах поучений (43 % от общего числа препозитивных конструкций) является сочетание *местоимение* + *прилагательное* + *существительное* (этот порядок отмечал как «базовый» Ф. Р. Минлос). В текстах посланий наиболее употребительная препозитивная конструкция представлена другим расположением компонентов: *прилагательное* + *местоимением* + *существительное* (44 % от общего числа препозитивных конструкций). Среди постпозитивных многочленных конструкций в древнерусских поучениях и посланиях в 46 % и в 57 % соответственно представлена комбинация с приложением, обозначающим родственные отношения или должность лица. Наиболее употребительные обмыкающие конструкции во всех текстах представлены разными вариациями: в текстах поучений − *местоимение* + *существительное* + *местоимение* (31 % от общего числа обрамляющих конструкций), в посланиях – *прилагательное* + *существительное* + *местоимение* (45 % от общего числа обрамляющих конструкций). Стоит обратить внимание, что, несмотря на различные вариации расположения компонентов многочленных конструкций, в 60 % случаев атрибуты находятся в препозитивном положении.

Расположение местоименного и адъективного атрибутов используется в текстах поучений и посланий как средство усиления выразительности речи. Наиболее употребительны повторы эпитетов, дающих яркую характеристику образу, антитезное расположение определений, с помощью которых автор противопоставляет «свой» и «чужой» мир, праведное и греховное,

[285] Цит. по: *Ленделова* В. Указ. соч. С. 15.

божественное и земное. Расположение атрибутов играет важную роль не только в создании таких свойств текста, как экспрессивность, эмоциональность, оценочность, красоты и богатства выражения, но и в ритмообразовании (использование повторов, параллелизма, хиастического, антитетического расположения определений).

Итак, в ходе анализа атрибутивных словосочетаний, нами было выявлено, что не только частеречная принадлежность атрибута, но и наличие предлога и одушевленность определяемого им слова оказывают влияние на словорасположение внутри атрибутивной конструкции. Устойчивые словосочетания также испытывают воздействие вышеуказанных факторов, однако словорасположение внутри данных конструкций зависит, скорее, от лексико-семантического выражения их компонентов: в древнерусских текстах посланий и поучений можно увидеть влияние религиозной лексики на порядок атрибутивного ряда (прилагательные-библеизмы отчетливо тяготеют к постпозиции). Жанровая дифференциация текстов в словорасположении компонентов атрибутивного словосочетания проявляется в следующих случаях: преобладание в текстах поучений постпозитивного атрибута, выраженного притяжательным местоимением (73 % постпозиции в поучениях, 67 % − в посланиях); превалирование в поучениях кратких форм качественного и относительного прилагательных в обеих позициях (56 % и 47 % постпозитивных кратких форм в поучениях, 31 % и 0 % − в посланиях); большее распространение в памятниках древнерусского красноречия лексико-семантической группы существительных со значением «религия»; широкое употребление в поучениях устойчивых словосочетаний с относительным прилагательным, а также использование атрибутивных конструкций с дистантным расположением компонентов. Все вышеуказанные случаи хотя и не влияют на общую тенденцию преобладания препозитивного положения атрибута в памятниках древнерусского красноречия и эпистолярного жанра, однако показывают нам некоторые отличия в расположении атрибутивного ряда,

связанного с более высоким регистром поучений, их принадлежностью к текстам «церковно-книжной стилистической разновидности»[286].

Таким образом, проведя анализ атрибутивных конструкций в древнерусских текстах XI–XIII вв., заключаем, что уже в начальный период развития русского языка определятся тенденция к преобладанию препозитивного положения атрибута как свидетельство формирования доминирующего в перспективе эволюции русского грамматического строя прямого регрессивного (определение предшествует определяемому), контактного, с сохранением относительной свободы перемещения компонентов под влиянием коммуникативно-стилистических факторов, порядка расположения в группе «согласованный атрибут – определяемое понятие». Правостороннее закрепление атрибута постепенно начинает приобретать иную специализацию в связи с развитием категории обособления (полупредикативности) причастных и именных оборотов.

Исследование расположения компонентов атрибутивных словосочетаний представляется перспективным на пути как экстенсивном (расширение вводимых в круг описываемых источников разножанровых памятников русской словесности раннего и более поздних периодов), так и интенсивном – в аспекте анализа мало изученного пока влияния коммуникативно-прагматического или акцентологического факторов на древне- и старорусский словопорядок, а также в направлении поиска возможной взаимосвязи между расположением атрибута и типом предиката-сказуемого.

[286] *Мещерский* Н. А. История русского литературного языка. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1981. С. 43.

Список сокращений и условных обозначений

I Источники исследования

ПослДан	«Послание о повинных» Даниила Юрьевского
ПослКС	«Послание Климента, митрополита русского, написанное к смоленскому пресвитеру Фоме, истолкованное монахом Афанасием»
ПослФП	Послания Феодосия Печерского князю Изяславу Ярославичу («О вере христианской и о латинской» и «О неделе»)
ПослЯк	«Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу»
ППЧ	«Поучения о простой чади» («Поучение Моисея о чрезмерном излишестве», «Слово Моисея о присягах и клятвах», «Слово мудрого епископа Белгородского»)
ПФП	Поучения Феодосия Печерского («Слово о терпении, любви и посте», «Поучение о терпении и смирении», «Слово утешительное к братии душевной о пользе», «Поучение келарю»)
СлИл	«Слово о законе и благодати» митрополита Илариона
СлКТ	Слова и поучения Кирилла Туровского («Притча о человеческой душе и теле», «Слово о снятии тела Христова с креста», «Слово о белоризцах и монашестве», «Слово на Вербное воскресенье», «Слово о расслабленном»)
СлСВ	«Слова и поучения Серапиона Владимирского»

II Грамматическая терминология

СС	субстантивно-атрибутивное словосочетание
+ предлог	предложное атрибутивное словосочетание

- предлог	бес предложное атрибутивное словосочетание
вещ.	вещественные имена существительные
собир.	собирательные имена существительные
абстракт.	абстрактные имена существительные
конкрет.	конкретные имена существительные
AN	препозитивное атрибутивное словосочетание (сокращение от Attribute Noun)
NA	постпозитивное атрибутивное словосочетание
предлож. одуш.	предложное атрибутивное словосочетание с определяемым словом, выраженным одушевленным именем существительным
предлож. неодуш	предложное атрибутивное словосочетание с определяемым словом, выраженным неодушевленным именем существительным
беспредлож. одуш.	беспредложное атрибутивное словосочетание с определяемым словом, выраженным одушевленным именем существительным
беспредлож. неодуш.	беспредложное атрибутивное словосочетание с определяемым словом, выраженным неодушевленным именем существительным

Список использованной литературы

I Источники исследования

1. Послание епископа Даниила к Владимиру Мономаху / подгот. текста, перевод и комм. Н. В. Понырко // Понырко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси: исследования, тексты, переводы. − СПб.: Наука. − 1992. − С. 49−58.
2. Послание Климента Смолятича / подгот. текста, перевод и комм. Н. В. Понырко // Библиотека литературы Древней Руси. – 1997. – Т.4. XII век. – С. 118−140.
3. Послание Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославичу // Труды Отдела древнерусской литературы. − М.; Л., 1947. − Т.5. − С. 159−184.
4. Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу / подгот. текста, перевод и комм. В. В. Колесова // Библиотека литературы Древней Руси. – 2005. – Т.5. − XIII век. – С. 386−394.
5. Поучения о простой чади / подгот. текста и перевод В. В. Колесова // Библиотека литературы Древней Руси. – 1997. – Т.4. − XII век. – С. 284−290.
6. Поучения Феодосия Печерского // Красноречие Древней Руси (XI −XVII вв.) / сост., вступ. ст., подгот. древнерус. текстов Т. В. Черторицкой. − 1987. − С. 5−30.
7. Слова и поучения Кирила Туровского / подгот. текста и перевод В. В. Колесова и Н. В. Понырко // Библиотека литературы Древней Руси. – 1997. – Т.4. − XII век. – С. 142−204.
8. Слова и поучения Серапиона Владимирского / подгот. текста, перевод и комм. В. В. Колесова // Библиотека литературы Древней Руси. – 2005. – Т.5. − XIII век. – С. 370−385.
9. Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона / подгот.

текста и коммент. А. Н. Молдована, перевод диакона Андрея Юрченко // Библиотека литературы Древней Руси. − 1997. – Т.1. – XII век. – С. 26−60.

II Научная и критическая литература

10. Акимова, Э. Н. Категория обусловленности и её реализация в языке памятников письменности русского Средневековья: XI−XVII вв.: автореф. дис. … д. филол. наук. 10.02.01. / Эльвира Николаевна Акимова. − Н. Новгород, 2007. – 51 с.
11. Алексеева, Т. А. К лингвотекстологическому изучению произведений Кирилла Туровского / Т. А. Алексеева // Памятники русского языка: Вопросы исследования и издания. − М.: Наука, 1974. − С. 157−170.
12. Алексеева, Т. А. «Слова» Кирилла Туровского как источник для исторической лексикологии / Т. А. Алексеева // Источники по истории русского языка. − М.: Наука, 1976. − С. 80−90;
13. Андрейчева, Н. И. История русского литературного языка / Н. И. Андрейчева. – М.: Издательство МГУ, 1989. − 359 с.
14. Антонова, М. Ф. Кирилл Туровский и Епифаний Премудрый / М. Ф. Антонова // Труды Отдела древнерусской литературы. − М.; Л., 1981. − Т. 36. − С. 223−227.
15. Баданина, И. В. Именные и местоименные формы имен прилагательных в летописях и деловых памятниках Москвы XVII в.: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. / Баданина Ирина Васильевна – М., 1999. – 24 с.
16. Балашова, Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее / Л. В. Балашова. − М.: Языки славянской культуры, 2014. − 496 с.
17. Бирнбаум, Х. Праславянский язык: достижения и проблемы в его реконструкции / Х. Бирнбаум. – М.: Прогресс, 1986. – 511 с.
18. Богородицкий, В. А. Общий курс русской грамматики (из

университетских лекций) / В. А. Богородицкий. – М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. – 354 с.

19. Борковский, В. И. Историческая грамматика русского языка / В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. – М.: КомКнига, 2006. – 512 с.
20. Борковский, В. И. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение) / В. И. Борковский. – Львов: Издание Львовского государственного ун-та, 1949. – 389 с.
21. Булавина, С. В. Русские устойчивые словосочетания, содержащие церковно-религиозную лексику: автореф. дис… канд. филол. наук. 10.02.01. / Булавина Светлана Валентиновна. − Воронеж, 2003. − 24 с.
22. Булаховский, Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку / Л. А. Булаховский. − Киев: Радянська школа, 1958. – 488 с.
23. Булаховский, Л. А. «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка / Л. А. Булаховский // Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1950. − С. 130−162.
24. Буслаев, Ф. И. Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. – М.: Учпедгиз, 1959. – 622 с.
25. Виноградов, В. В. Вопросы изучения словосочетания (На материале русского языка) / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1954. − № 3. − С. 3−25.
26. Виноградов, В. В. О задачах истории русского литературного языка / В. В. Виноградов // История русского литературного языка: Избранные труды. – М.: Наука, 1978. С. 152−177.
27. Виноградов, В. В. Исследования по русской грамматике: Избранные труды / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1975. – 559 с.
28. Винокур, Г. О. Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – М.:, 1959. − 489 с.
29. Владимирова, О. В. Порядок слов в синтаксисе русских деловых

документов конца XVIII века (на материале документов Курганского городового хозяйственного управления 1799 года): автореф. дис…. канд. филол. наук: 10.02.01. / Владимирова Ольга Валерьевна. – М., 2000. − 20 с.

30. Власова, С. Краткие и полные имена прилагательные как средство определенности / неопределенности в Успенском сборнике XI−XIII вв.: автореф. дис…. д-ра филол. н. / Власова Светлана. − Вильнюс, 2003. – 35 с.
31. Воробьев, В. П. К вопросу об общности некоторых синтаксических явлений в славянских языках / В. П. Воробьев // Вопросы русского языкознания. К 80-летию профессора А. М. Лукьяненко. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1961. – С. 127−136.
32. Ворт, Д. Очерки по русской филологии / Д. Ворт / пер. с англ. К. К. Богатырева. − М.: Индрик, 2006. – 432 с.
33. Востоков, А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная / А. Х. Востоков. – СПб.: Издание книгопродавца Д. Ф. Федорова, 1874. − 216 с.
34. Востоков, А. Х. Филологические наблюдения / А. Х. Востоков. − СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1865. – 114 с.
35. Вялкина, Л. В. Греческие параллели сложных слов в древнерусском языке XI–XIV вв. / Л. В. Вялкина // Лексикология и словообразование древнерусского языка. – М.: Наука, 1997. – 310 с.
36. Гаспаров, Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве» / Б. М. Гаспаров.- Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1984. − 417 с.
37. Георгиева, В. Л. История синтаксических явлений русского языка / В. Л. Георгиева. – М.: Просвещение, 1968. – 167 с.
38. Георгиева, В. Л. Синтаксические функции прилагательных в древнерусском языке: автореф. дис…. канд. филол. наук: 10.02.01. / Георгиева Валентина Лазаревна. – М., 1952. – 22 с.

39. Горшков, А. И. Теоретические основы истории русского литературного языка / А. И. Горшков. – М.: Наука, 1983. – 160 с.
40. Грамматика русского языка: в 2 т. / АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т.2: Синтаксис. Ч.1. – 703 с.
41. Грамматика современного русского литературного языка / АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Изд-во АН СССР, 1970. – 767 с.
42. Греч, Н. И. Практическая русская грамматика / Н. И. Греч. – СПб.: Типография Императорского Санкт-петербургского Воспитательного Дома, 1827. – 579 с.
43. Григорьева, Т. М. Русская эпистолярная культура: от прошлого к настоящему // Т. М. Григорьева // Наука. Мысль. − 2015. − №11. – С. 39−43.
44. Гринберг, Дж. Некоторые универсалии, касающиеся порядка слов / Дж. Гринберг // Новое в лингвистике. – 1970. − Вып. V: Языковые универсалии. − С. 114−163.
45. Гудзий, Н. К. Где и когда протекала литературная деятельность Серапиона Владимирского? / Н. К. Гудзий // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. − М., 1952. − Т. XI. Вып. 5. − С. 450−456.
46. Гурьева, Н. Ю. Эволюция синтаксических функция членных и нечленных прилагательных в русском языке (XII−XVII вв.): автореф. дис. … канд. филол. наук / Гурьева Наталья Юрьевна. – М., 1965. – 16 с.
47. Данилов, В. В. Постпозитивные определения (К вопросу о развитии речи учащихся) / В. В. Данилов // Русский язык в школе. – 1947. – № 2. – С. 30−34.
48. Дзиффер, Дж. Язык и стиль Слова «О законе и благодати» / Джорджо Дзиффер // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. − 2013. − Т. 155, кн. 5. − С. 7−16.
49. Древнерусская грамматика XII–XIII вв. / В. В. Иванов [и др.]. – М.:

Наука, 1995. – 520 с.

50. Дурново, Н. Н. Избранные работы по истории русского языка / Н. Н. Дурново. М.: Языки русской культуры, 2000. – 811 с.
51. Евстифеева, Р. А. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях Новгородской I летописи / Р. А. Евстифеева // Русский язык в научном освещении. − 2008. − №1. − С. 161−204.
52. Еремин, И. П. Из истории древнерусской публицистики XI века (Послание Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославичу о латинянах) / И. П. Еремин // Труды Отдела древнерусской литературы. − М.; Л., 1935. −Т. 2. − С. 21−38.
53. Еремин, И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы / И. П. Еремин. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1987. – 327 с.
54. Еремин, И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского / И. П. Еремин // Труды Отдела древнерусской литературы. – М.; Л., 1947. – Т. 5. – С. 159−184.
55. Еремин, И. П. Ораторское искусство Кирилла Туровского / И. П. Еремин // Труды Отдела древнерусской литературы. − М.; Л., 1962. − Т. 18. − С. 50−58
56. Ерофеева, И. В. Притяжательные прилагательные сакральной семантики в летописном тексте / И. В. Ерофеева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. – 2009. − № 3(2). − С. 49−57.
57. Живов, В. М. История языка русской письменности / В. М. Живов. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. – Т.1. – 816 с.
58. Живов, В. М. История языка русской письменности / В. М. Живов. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. – Т.2. – 480 с.
59. Жихарева, Н. Д. Прилагательные в московских грамотах XV в. / Н. Д. Жихарева // Материалы по русско-славянскому языкознанию. − Воронеж, 1966. − С. 35−41.

60. Зайнуллина, С. Р. Традиционные формулы русских летописей: структура и семантика (на материале «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку): дис… канд. филол. н.: 10.02.01. / Зайнуллина Саида Радиковна. − Ижевск, 2015. − 160 с.
61. Зализняк, А. А. Древнерусские энклитики: монография / А. А. Зализняк. − М.: Языки славянской культуры, 2008. − 280 с.
62. Зуева, О. В. Русские памятники эпистолярного жанра XI−XVII вв. как предмет лингвистического исследования / О. В. Зуева // Вестник Белорусского государственного университета. Серия 4. Филология. Журналистика. Педагогика. − 2007. − №3. – 35−40.
63. Зуева, О. В. Стиль эпистолярных текстов XI–XVII веков и его место в истории русского литературного языка: автореф. дис. … канд. филол. н.: 10.02.02 / Ольга Владимировна Зуева. − Минск, 2009. − 27 с.
64. Ильченко, О. А. Семантика грамматики: Оппозиция одушевленности-неодушевленности в синхроническом и диахроническом аспектах: автореф. дис. … канд. филол. н.: 10.02.01. / Ильченко Ольга Сергеевна. − Краснодар, 2004. − 28 с.
65. Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение / под. ред. В. И. Борковского. – М.: Наука, 1978. – 445 с.
66. История русской литературы XI−XVII вв. / под ред. Д. С. Лихачева. − М.: Просвещение, 1985. − 432 с.
67. История древнерусской литературы: Аналитическое пособие / отв. ред. А. С. Демин – М.: Языки славянских культур, 2008. – 820 с.
68. Истрина, Е. С. Употребление именных и местоименных форм имен прилагательных в Синодальном списке 1 Новгородской летописи / Е. С. Истрина // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук. – Петроград, 1918. – Т. XXIII. Кн. 1. – С. 33−62.
69. Казаковцева, О. С. Позиция атрибута в оригинальных и переводных житийных текстах XI−XIII вв. / О. С. Казаковцева // Известия

Волгоградского государственного педагогического университета. − 2017. − №10 (123). − С. 62-67.

70. Келтуяла, В. А. Курс истории русской литературы / В. А. Келтуяла. – СПб.: Типография им. М.М. Стасюлевич, 1911. – Ч.1. История древней русской литературы. – 938 с.
71. Климовская, И. И. К вопросу о словопорядке в группе определяемого слова и согласованного атрибутивного определения в русском языке / И. И. Климовская // Ученые записки Томского государственного университета. − 1966. − № 57. − С. 70−77.
72. Климовская, И. И. О некоторых последствиях инверсии исконно постпозитивного определения в истории русского языка / И. И. Климовская // Ученые записки Томского государственного университета. − Т. 54. – Томск. − 1965. − С. 78−93.
73. Кобрин, Р. Ю. Еще раз о словосочетании / Р. Ю. Кобрин, К. Я. Авербух // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. − 1979. − № 5. − С. 86−90.
74. Ковтунова, И. И. Порядок слов / И. И. Ковтунова // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. − М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 218−219.
75. Ковтунова, И. И. Порядок слов в современном русском языке и формирование норм словорасположения в XVIII−XIX веках: автореф. дис. … д-ра филол. н.: 10.02.01. / Ковтунова Ирина Ильинична. − М., 1973. − 51 с.
76. Кожин, А. Н. Литературный язык Киевской Руси / А. Н. Кожин. − М.: Русский язык, 1981. – 184 с.
77. Колесов, В. В Древнерусский литературный язык / В. В. Колесов. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989. – 296 с.
78. Колесов, В. В. Древнерусский святой / В. В. Колесов // Труды Отдела древнерусской литературы. – М., 1993. − Т. 48. − С. 96−99.
79. Колесов, В. В. К характеристике поэтического стиля Кирилла

Туровского / В. В. Колесов // Труды Отдела древнерусской литературы. − М.; Л., 1981. − Т. 36. − С. 37−49.

80. Колесов, В. В. Порядок слов в русском литературном языке XVII века (на материале авторской правки в текстах протопопа Аввакума) / В. В. Колесов // Имя и глагол в исторической перспективе: научные труды. – Том. 558. − Рига: Издательство Латвийского университета, 1991. − 142 с.
81. Колобанов, В. А. Обличение княжеских междоусобий в поучениях Серапиона Владимирского / В. А. Колобанов // Труды Отдела древнерусской литературы. − М.; Л., 1961. − Т. 17. − С. 329−333.
82. Коробчинская, Л. А. Приложение в древнерусском языке // Л. А. Коробчинская // Вопросы русского языкознания. – Книга вторая. − 1965. − С. 69−79.
83. Коробчинская, Л. А. Функции порядка слов в древнерусском языке / Л. А. Коробчинская // Вопросы языкознания. – Книга 1. – 1955. – С. 73− 85.
84. Котляренко, А. Н. О расположении главных членов предложения в древнерусском языке (по памятникам XIV−XV вв.) / А. Н. Котляренко // Вопросы синтаксиса и лексики русского языка. Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. – 1965. – Т. 268. – С. 211− 227.
85. Красноречие Древней Руси (XI−XVII вв.) / сост., вступ. ст., подгот. древнерус. текстов Т. В. Черторицкой. – М.: Советская Россия, 1987. − 448 с.
86. Красухин, К. Г. Очерки по реконструкции индоевропейского синтаксиса / К.Г. Красухин. − М.: Наука, 2005. – 238 с.
87. Крылова, О. А. Коммуникативный синтаксис русского языка / О. А. Крылова. − М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 176 с.
88. Крысько, В. Б. Очерки по истории русского языка / В. Б. Крысько. – М.: Гнозис, 2007. – 423 с.
89. Лапаева, Т. А. Устойчивые сочетания в системе языковых единиц /

Т. А. Лапаева // Вестник Новгородского государственного университета. – 2007. − № 44. − С. 73−77.

90. Лаптева, О. А. О некоторых изменениях порядка слов в древнерусском языке / О. А. Лаптева // Филологические науки. – 1959. – № 3. – С. 55−67.
91. Лаптева, О. А. Расположение древнерусского одиночного атрибутивного прилагательного / О. А. Лаптева // Славянское языкознание. IV Международный съезд славистов. – 1959. – С. 98−112.
92. Лаптева, О. А. Расположение древнерусского одиночного качественного прилагательного в составе атрибутивных словосочетаний в русских текстах XI−XVII вв.: автореф. дис…. канд. филол. н. 10.02.01. / Ольга Алексеева Лаптева. – М., 1963. − 23 с.
93. Левин, В. Д. Краткий очерк истории русского литературного языка / В. Д. Левин. – М.: Просвещение, 1964. – 245 с.
94. Ленделова, В. Синтаксические особенности кратких и полных форм прилагательных в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XV в. в сопоставлении с московским летописным сводом к. XV в.: автореф. дис. … канд. филол. наук 10.02.01. / Ленделова Вера. − М., 1989. – 24 с.
95. Лихачев, Д. С. Великое наследие / Д. С. Лихачев. – М.: Современник, 1975. – 367 с.
96. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – М.: Наука, 1979. – 357 с.
97. Лихачев, Д. С. Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачев. – М.: Наука, 1970. – 178 с.
98. Ломтев, Т. Т. Очерки по историческому синтаксису русского языка / Т. Т. Ломтев. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1956. – 395 с.
99. Ломоносов, М. В. Российская грамматика / М. В. Ломоносов. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1755. − 213 с.
100. Лопарев, Х. М. Послание митрополита Климента к смоленскому

просвитеру Фоме. Неизданный памятник литературы XII века / Х. М. Лопарев. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1892. – 36 с.

101. Макеева, И. И. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в древнерусских и южнославянских риторических произведениях / И. И. Макеева // Славянский мир: язык, литература, культура: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного профессора МГУ имени М. В. Ломоносова А. Г. Широковой и 75-летию кафедры славянской филологии филологического факультета. − М.: МАКС Пресс, 2018. − С. 183−186.

102. Максимович, М. А. История древней русской словесности / М. А. Максимович. − Киев: Университетская типография, 1838. − Кн. 1. – 226 с.

103. Мейе, А. Общеславянский язык / А. Мейе. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1951. – 491 с.

104. Мельников (Давыдов), П. И. Историческая стилистика русского языка (художественный текст) / П. И. Мельников (Давыдов). – Борисоглебск, 2006. – 411 с.

105. Мельничук, А. С. Порядок слов и синтагматическое членение предложений в славянских языках / А. С. Мельничук. − Киев: Издательство АН Украинской ССР, 1958. − 63 с.

106. Мещерский, Н. А. История русского литературного языка: курс лекций / Н. А. Мещерский. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1981. – 114с.

107. Милых, М. К. Порядок слов в русском языке (К синонимике синтаксических конструкций) / М. К. Милых // Ученые записки Ростовского-на-Дону педагогического института. – 1948. – Вып. 3(13). Факультет языка и литературы. – С. 102 – 116.

108. Минлос, Ф. Р. Князь великий или великий князь: параметры варьирования / Ф. Р. Минлос // Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию

Ф. И. Журавлева. – М.: Индрик, 2011. − С. 209−217.

109. Минлос, Ф. Р. Линейное положение прилагательных в древнерусском: возвращаясь к статьей Д.Ворта / Ф. Р. Минлос // Русский язык в научном освещении. − 2010. − №2. − С. 287−296.

110. Минлос, Ф. Р. Позиция атрибута внутри именной группы в языке Псковской летописи / Ф. Р. Минлос // Русский язык в научном освещении. − 2008. − №2 (16). – 203−216.

111. Минлос, Ф. Р. Позиция притяжательного местоимения и языковые регистры древнерусских текстов / Ф. Р. Минлос // Исследования по славянской филологии. Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славянской среде. − М.: Ин-т славяноведения РАН, 2012. − С. 234−245.

112. Минлос, Ф. Р. Что притягивает притяжательные местоимения? или линейная позиция атрибутов / Ф. Р. Минлос // Вопросы русского языкознания. − Вып. III. Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее: к 50-летию научной деятельности Софии Константиновны Пожарицкой. − 2010. − С. 279−290.

113. Моисеев, А. И. Некоторые вопросы теории словосочетаний / А. И. Моисеев // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. − 1977. − № 2. − С. 54−60.

114. Молдован, А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона / А. М. Молдован. − Киев: Наукова думка, 1984. −238 с.

115. Молошная, Т. Н. Субстантивные словосочетания в славянских языках / Т. Н. Молошная. − М.: Наука, 1975. − 236 с.

116. Николаева, Т. М. Средства различения посессивных значений: языковая эволюция в ее лингвистической интерпретации / Т. М. Николаева // Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категория посессивности. – М.: Наука, 1986. С. 167−179.

117. Никольский, Н. К. О литературных трудах митрополита Климентия

Смолятича, писателя XII века / Н. К. Никольский. − СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1892. – 280 с.

118. Никищенкова, Г. В. Послания и поучения Феодосия Печерского. Проблемы поэтики: автореф. дис… канд. филол. наук: 10.01.01 / Никищенкова Галина Викторовна. − Орел, 2010. – 26 с.

119. Обнорский, С. П. Избранные работы по русскому языку / С. П. Обнорский. − М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1960. – 354 с.

120. Обнорский, С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода / С. П. Обнорский. – М.: Изд-во АН СССР, 1946. – 197 с.

121. Обнорский, С. П. Русский литературный язык старейшей поры: Лингвистический анализ памятников древнерусской словесности / С. П. Обнорский. − М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. − 200 с.

122. Орлов, А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) / А. С. Орлов. − М.: Императорское общество истории и древностей России при Московском университете, 1902. – 50 с.

123. Пельтина, М. Н. Определения, выраженные прилагательными, в истории русского языка в сопоставлении с английским языком / М. Н. Пельтина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». − №3. − 2010. − С. 113−120.

124. Пиккио, Р. История древнерусской литературы / Р. Пиккио. – М.: Кругъ, 2002. – 133 с.

125. Пименова, М. В. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте / М. В. Пименова.- СПб.; Владимир: ВГПУ, 2007. – 415 с.

126. Политова, И. Н. Изучение темы «Словосочетание» в курсе современного русского литературного языка / И. Н. Политова // Язык и образование. − № 3. − 2008. − С. 177−183.

127. Полковникова, С. А. О некоторых синтаксических функциях

действительных причастий в древнерусском языке / С. А. Полковникова // Исследования по русскому языку и языкознанию. – М., 1974 – С. 272−281.

128. Понырко, Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси: исследования, тексты, переводы / Н. В. Понырко. – СПб.: Наука, 1992. − 215 с.

129. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1958. – Т. I–II. – 535 с.

130. Распопов, И. П. Строение простого предложения в современном русском языке / И. П. Распопов. − М.: Просвещение, 1970. – 191 с.

131. Руднев, А. Г. К вопросу о принципах употребления именных и местоименных прилагательных в древнерусском языке / А. Г. Руднев // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. – 1948. – Т. 69. – С. 139−157.

132. Руднев, А. Г. О генезисе обособленных членов предложения, как синтаксической категории в русском литературном языке : автореф. дис. … д-ра филол. наук. 10.02.01. / Руднев Алексей Георгеевич – Л., 1952. – 32 с.

133. Руднев, А. Г. Обособленные члены предложения в истории русского языка / А. Г. Руднев // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. Г. Герцена. – 1959. – Т. 174. – С. 118−172.

134. Руеангдам, А. Устойчивые атрибутивные словосочетания в семантическим компонентом «время» в современном русском языке : автореф. дис. …канд. филол. наук. 10.02.01. / Ангсана Руеангдам. − М., 2018. – 26 с.

135. Русская грамматика: в 2т. / АН СССР, Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1980. – Т.2: Синтаксис. – 709 с.

136. Санников, В. З. Согласованное определение / В. З. Санников // Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков.

Члены предложения. − М.: Наука, 1968. − С. 47−94.

137. Синкевич, Д. А. Атрибутивные конструкции в современной лингвистике: проблемы определения и анализа / Д. А. Синкевич // Актуальные вопросы современной науки. − 2010. – Вып.12. – С. 239−248.

138. Сиротинина, О. Б. Порядок слов в русском языке / О. Б. Сиротинина. – Москва: ЛЕНАНД, 2014. – 176 с.

139. Сиротинина, О. Б. Порядок слов в русском языке: автореф. дис…. д-ра. филол. н. 10.02.01. / Сиротинина Ольга Борисовна. − Саратов, 1966. − 34 с.

140. Соболевский, А. И. Два русских поучения с именем Григория / А. И. Соболевский // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. − СПб., 1907. − Т. XII. − Кн. 1. − С. 250−262.

141. Соколова, М. А. Очерки по исторической грамматике русского языка / М. А. Соколова. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1962. – 311 с.

142. Сорокина, Ж. Э. Атрибутивные словосочетания в аспектах лексико-синтаксической координации и функционирования: автореф. дис…. канд. филол. наук. 10.02.01. / Жанна Энгельсовна Сорокина. − СПб. − 19 с.

143. Спринчак, Я. А. Очерк русского исторического синтаксиса (Простое предложение) / Я. А. Спринчак. – Киев: Радянська школа, 1960. – 255 с.

144. Срезневский, И. И. Мысли об истории русского языка и других славянских наречий / И. И. Срезневский. − СПб.: Типография В. С. Балашева, 1887. – 164 с.

145. Степанов, Ю. С. Индоевропейское предложение / Ю. С. Степанов. – М.: Наука, 1989. − 247 с.

146. Судаков, Г. В. Типология лексических групп русского языка / Г. В. Судаков // Вестник Рязанского государственного университета

им. С. А. Есенина. − 2017. − № 2 (55). − С. 78−91.

147. Тарланов, З. К. О предмете исторического синтаксиса русского языка (к постановке проблемы) / З. К. Тарланов // Вестник ЛГУ. − Сер. 2. История, язык, литература. –1983. − № 2. − С. 59−73.

148. Тарланов, З. К. Основные тенденции в динамике синтаксиса в простом предложении в русском языке XI−XVII вв. / З. К. Тарланов. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. – 1998. – С. 1−16.

149. Тарланов, З. К. Становление типологии предложения в его отношении к этнофилософии / З. К. Тарланов. – Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 1999. – 207 с.

150. Творогов, О. В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси / О. В. Творогов // Труды Отдела древнерусской литературы. – М., Л. – 1988. – Т.20: Актуальные задачи изучения русской литературы XI–XVII веков. – С. 29−40.

151. Творогов, О. В. Литературные стили Киевского Руси / О. В. Творогов // Русская речь. – 1968. – №4. – С. 13−19.

152. Творогов, О. В. Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет» // Труды Отдела древнерусской литературы. – М., Л. − 1962. − Т. 18. − С. 277−284.

153. Тер-Минасова, С. Г., Гвишиани Н. Б. Можно ли опровергнуть учение о словосочетании? / С. Г. Тер-Минасова, Н. Б. Гвишиани // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. − 1977. − № 2. −С. 61−67.

154. Толстой, Н. И. Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке / Н. И. Толстой // Вопросы славянского языкознания.- 1957. – Вып. 2. – С. 43−123.

155. Ужанков, А. Н. О специфике развития русской литературы XI–первой трети XVIII в.: Стадии и формации / Н. А. Ужанков. – М.: Языки славянской культуры, 2009.– 264 с.

156. Улитова, А. С. Зависимость позиции определения от контекста, в

котором находится атрибутивное словосочетание / А. С. Улитова // Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка. – М.: Издательство Московского университета, 2019. − С. 193.

157. Улитова, А. С. Многокомпонентные атрибутивные словосочетания в книжных и деловых текстах (на материале памятников XVII века) / А. С. Улитова // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. − №4. − 2015. − С. 108−118.

158. Улитова, А. С. О зависимости положения притяжательных местоимений от одушевленности определяемого существительного в русской деловой письменности XVII в. / А. С. Улитова // Вестник Московского университета. − Серия 9. Филология. − №3. − 2015. − С. 226−240.

159. Улитова, А. С. Позиция атрибута и одушевленность существительного в истории русского языка / А. С. Улитова // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка. – М.: Издательство Московского университета, 2014. −С. 90−91.

160. Улитова, А. С. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в памятниках русской деловой и книжной письменности XVII века: дис. … канд. филол. н.: 10.02.01 / Анастасия Сергеевна Улитова. − М., 2016. − 258 с.

161. Улитова, А. С. Расположение определений в некоторых книжных текстах начала XVII века // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – № 4. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2015. – С. 145−153.

162. Уржумова, А. А. Особенности употребления членных и нечленных имен с суффиксом –ьн- в древнерусском языке (на материале летописных и евангельских текстов) / А. А. Уржумова // Известия Высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные

науки. – 2013. – № 1(25). – С. 101−111.

163. Успенский, Б. А. Митрополит Климент Смолятич и его послания / Б. А. Успенский // Словѣне. − 2017. − №1. − С. 171−218.

164. Фоменко, О. В. Является ли словосочетание единицей языка? / О. В. Фоменко // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. −1975. − № 6. − С. 60-65.

165. Фортунатов, Ф. Ф. Избранные труды / Ф. Ф. Фортунатов. − М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1957. − Т.2. – 472 с.

166. Хоменко, Н. М. Устойчивые словосочетания в древнерусском языке XII−XV вв. (на материале произведений Кирилла Туровского и Епифания Премудрого): автореф. дис…. канд. филол. н.: 10.02.01. / Хоменко Наталья Михайловна. − Л., 1990. – 18 с.

167. Чуглов, В. И. Осложненные предложения в современном русском языке: полупредикативные и пояснительные конструкции (в структурно-семантическом аспекте) / В. И. Чуглов. – Вологда: Издательский центр ВИРО, 2011. – 240 с.

168. Шахматов, А. А. Очерк современного русского литературного языка / А. А. Шахматов. − М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1941. – 288 с.

169. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. − М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.

170. Шишков, А. С. Рассуждение о красноречии Священного Писания / А. С. Шишков. − СПб.: Императорская типография, 1811. – 111 с.

171. Якубинский, Л. П. История древнерусского языка / Л. П. Якубинский. − М.: Учпедгиз, 1953. – 368 с.

172. Ярцева, В. Н. Контрастивная грамматика / В. Н. Ярцева. − М.: Наука, 1981. – 110 с.

III Учебная и справочная литература

173. Белошапкова, В. А. Современный русский язык. Синтаксис / В. А. Белошапкова. − М.: Высшая школа, 1977. – 248 с.

174. Булаховский, Л. А. Курс русского литературного языка (Исторический комментарий): для студентов филологических факультетов университетов и факультетов языка и литературы пединститутов УССР / Л. А. Булаховский. − Киев: Радяньска школа, 1952.– Т.1. – 447 с.

175. Булаховский, Л. А. Курс русского литературного языка (Исторический комментарий): для студентов филологических факультетов университетов и факультетов языка и литературы пединститутов УССР / Л. А. Булаховский. − Киев: Радяньска школа, 1953.– Т.2. – 434 с.

176. Горшков, А. И. История русского литературного языка: краткий курс лекций / А. И. Горшков. – М.: Высшая школа, 1969. − 365 с.

177. Гудзий, Н. К. История древнерусской литературы: учебник / Н. К. Гудзий. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 591 с.

178. Данилевский, Н. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций: учебное пособие для вузов / Н. Н. Данилевский. – М.: Аспект Пресс, 1998. − 399 с.

179. Древнерусская литература. XI−XVII вв.: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / под ред. В. И. Коровина. − М.: ВЛАДОС, 2003. – 448 с.

180. Ефимов, А. И. История русского литературного языка: учебное пособие / А.И. Ефимов. – М.: Учпедгиз, 1961. − 322 с.

181. Иванов, В. В. Историческая грамматика русского языка: Учебник / В. В. Иванов. – М.: Просвещение, 1990. – 400 с.

182. История русской литературы X−XVII вв.: учебное пособие для студентов / Л. А. Дмитриев [и др.]. − М.: Просвещение, 1979. – 460 с.

183. История русской литературы XI−XVII веков: учеб. для студентов педагогических институтов / под ред. Д. С. Лихачева. М.: Просвещение, 1985. – 432 с.

184. Касаткин, Л. Л. Краткий справочник по современному русскому языку / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, П. А. Лекант – М.: Высшая школа, 1995. − 382 с.

185. Кедайтене, Е. И. История русского литературного языка: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности "Филология" / Е. И. Кедайтене. – М.: Российский университет дружбы народов, 1994. − 191 с.

186. Ковтунова, И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения: Учебное пособие / И. И. Ковтунова. – М.: Едиториал УРСС, 2002. − 240 с.

187. Колесов, В. В. Историческая грамматика русского языка: учебное пособие
для студентов высших учебных заведений / В. В. Колесов. – М.: Академия, 2009. – 672 с.

188. Кусков, В. В. История древнерусской литературы: Учебник / В. В. Кусков. – М.: Высшая школа, 2003. – 336 с.

189. Кустарева М. А. История русского литературного языка: Пособие для студентов-заочников факультета русского языка и литературы педагогических институтов / М. А. Кустарева. – М.: Просвещение, 1971. – 214 с.

190. Ларин, Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X−сер. XVIII в.): Учебник для филологических специальностей университетов и педагогических институтов / Б. А. Ларин. – М.: Высшая школа, 1975. – 324 с.

191. Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.

192. Мещерский, Н. А. История русского литературного языка (Курс лекций) / Н. А. Мещерский. − Л.: ЛГУ, 1981. – 280 с.

193. Ремнева, М. Л. Пути развития русского литературного языка XI−XVII

вв.: Учебное пособие по курсу «История русского литературного языка» / М. Л. Ремнева. − М.: Издательство Московского университета, 2003. – 336 с.

194. Русинов, Д. Н. Древнерусский язык: Учебное пособие / Д. Н. Русинов. – М.: Высшая школа, 1999. – 207 с.

195. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под. ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998. – Т.1. Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные. Все живое: Земля, космос. – 807 с.

196. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под. ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 2000. – Т 2: Имена существительные с конкретным значением. Всё создаваемое руками и умом человека (населённые места, обрабатываемые участки дороги; вещественные продукты труда); организации и учреждения. Названия предметов по форме, состоянию, составу, местонахождению, употреблению. – 762 с.

197. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под. ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 2003. – Т. 3: Имена существительные с абстрактным значением: Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество. – 720 с.

198. Скобликова, Е. С. Современный русский язык: Синтаксис простого предложения (теоретический курс): учебное пособие / Е. С. Скобликова. М.: Флинта: Наука, 2009. – 302 с.

199. Словарь древнерусского языка (XI−XIV вв.): в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. – М.: Русский язык, 1988. − Т.1: (А−Възаконатиса). − 527 с.

200. Словарь древнерусского языка (XI−XIV вв.): в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. – М.: Русский язык, 1989. − Т.2: (Възалкати−Добродътсльникъ). − 494 с.

201. Словарь древнерусского языка (XI−XIV вв.): в 10 т./ АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. – М.: Русский язык, 1990. − Т.3: (Добродетельно−Изжечиса). − 511 с.

202. Словарь древнерусского языка (XI−XIV вв.): в 10 т./ АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. – М.: Русский язык, 1991. − Т.4: (Изживати −Моление). − 559 с.

203. Словарь русского языка XI−XVII вв.: в 28 вып. / гл. ред. С. Г. Бархударов.- Москва: Наука, 1975. −Вып. 1 (А−Б). −371 с.

204. Словарь русского языка XI−XVII вв.: в 28 вып. / гл. ред. Ф. П. Филин. – М.: Наука, 1983. − Вып. 10 (Н−наятися). − 325 с.

205. Словарь русского языка XI−XVII вв.: в 28 вып. / гл. ред. Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1988. − Вып. 14 (Отрава−Персоня). − 311 с.

206. Словарь русского языка XI−XVII вв.: в 28 вып. / гл. ред. Г. А. Богатова. – М.: Наука, 1997. − Вып. 22 (Раскидатися−Рященко). − 298 с.

207. Словарь-тезаурус прилагательных русского языка / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2012. – 840 с.

208. Современный русский язык: Учебник / под ред. Н.С. Валгиной. − М.: Логос, 2002. – 528 с.

209. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. − СПб.: Типография императорской Академии наук, 1893. – Т.1. А – К. − 1420 с.

210. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. − СПб.: Типография императорской Академии наук, 1902. – Т.2. Л – П. −1802 с.

211. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. − СПб.: Типография

императорской Академии наук, 1912. − Т.23. Р – Я. – 1684 с.

212. Стеценко, А. Н. Исторический синтаксис русского языка: Учебное пособие по историческому синтаксису русского языка для студентов университетов и педагогических институтов / А. Н. Стеценко. – М.: Высшая школа, 1972. – 359 с.

213. Успенский, Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.) / Б. А. Успенский. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 558 с.

214. Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 единиц / отв. ред. С. Г. Шулежкова. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 424 с .

215. Хабургаев, Г. А. Старославянский язык: учебное пособие для студентов педагогического института по специальности № 2101 «Русский язык и литература» / Г. А. Хабургаев. – М.: Просвещение, – 1974. – 432 с.

216. Христианство: Энциклопедический словарь: в 3 т. / под ред. С. С. Аверинцева. − М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. – Т. 3: Т – Я. – 783 с.

217. Чуглов, В. И. Субстантивные конструкции с зависимой атрибутивной частью: учебное пособие по спецкурсу / В. И. Чуглов. − М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1984. − 88 с.

IV Литература на иностранных языках

218. Delbrück, B. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen / Berthold Delbrück. – Srassburg: Karl J. Trübner, 1893. – 795 p.

219. Horace, G. Lunt Old church Slavonic grammar / Lunt Horace. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1968. – 143 p.

220. Večerka, R. Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax. I.: Die inneare Satzorganisation / Radoskav Večerka // Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris. − XXVII. − Freiburg, 1989. − 141 p.

221. Večerka, R. Altkirchenslavische (Altbularische) Syntax. II: Die innere Satzstruktur / Radoskav Večerka // Monumenta Linguae Slavicae Dialecti

Veteris. − XXXIV. − Freiburg, 1993. − 411 p.

222. Worth, D. Animacy and adjective order: the case of новъгородьскъ. An explanatory microanalysis / Din Worth // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. − 1985. − № 31/32. − P. 533−554.

Список таблиц

2.1 − Морфологическое выражение атрибута в поучениях 54−55
2.2 − Зависимость положения атрибута от разряда прилагательного 58
2.3 −Позиция атрибута, выраженного качественным прилагательным, в предложных словосочетаниях 68
2.4 − Зависимость положения атрибута, выраженного качественным прилагательным, от разряда существительного 69
2.5 − Зависимость положения атрибута, выраженного качественным прилагательным, от одушевленности имени существительного 71
2.6 − Позиция атрибута, выраженного относительным прилагательным, в предложных словосочетаниях 78
2.7 − Зависимость положения атрибута, выраженного относительным прилагательным, от разряда существительного 79
2.8 − Зависимость положения атрибута, выраженного относительным прилагательным, от одушевленности имени существительного 81
2.9 − Расположение относительных прилагательных разных словообразовательных моделей 82
2.10 − Расположение атрибута в устойчивых посессивных сочетаниях 86
2.11 − Позиция атрибута, выраженного притяжательным прилагательным, в предложных словосочетаниях 86
2.12 − Зависимость положения атрибута, выраженного притяжательным прилагательным, от разряда существительного 87
2.13 − Зависимость положения атрибута, выраженного притяжательным прилагательным, от одушевленности имени существительного 88
2.14 − Зависимость положения местоименного атрибута от его 90

разряда
2.15 − Зависимость положения атрибута, выраженного местоимением *свои*, от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога 93
2.16 − Зависимость положения атрибута, выраженного местоимением *мои*, от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога 96
2.17 − Зависимость положения атрибута, выраженного местоимением *твои*, от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога 99
2.18 − Зависимость положения атрибута, выраженного местоимением *нашь*, от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога 102
2.19 − Зависимость положения атрибута, выраженного местоимением *вашь*, от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога 105
2.20 − Зависимость положения атрибута, выраженного местоимением *его*, от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога 107
2.21 − Зависимость положения атрибута, выраженного притяжательным местоимением, от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога 109
2.22 − Зависимость положения атрибута, выраженного местоимением *сь (сеи),* от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога 111
2.23 − Зависимость положения атрибута, выраженного местоимением *тотъ*, от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога 113
2.24 −Зависимость положения атрибута, выраженного указательным

местоимением, от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога 114
2.25 – Зависимость положения атрибута, выраженного местоимением *весь*, от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога 117
2.26 – Зависимость положения атрибута, выраженного определительным местоимением, от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога 120
3.1 – Морфологическое выражение препозитивного атрибута 148
3.2 – Морфологическое выражение постпозитивного атрибута 149
3.3 – Зависимость положения атрибута от разряда прилагательного 150
3.4 – Позиция атрибута, выраженного качественным прилагательным, в предложных словосочетаниях 155
3.5 – Зависимость положения атрибута, выраженного качественным прилагательным, от разряда существительного 156
3.6 – Зависимость положения атрибута, выраженного качественным прилагательным, от одушевленности имени существительного 157
3.7 – Позиция атрибута, выраженного относительным прилагательным, в предложных словосочетаниях 160
3.8 – Зависимость положения атрибута, выраженного относительным прилагательным, от одушевленности имени существительного 162
3.9 – Позиция атрибута, выраженного притяжательным прилагательным, в предложных словосочетаниях 165
3.10 – Зависимость положения атрибута, выраженного относительным прилагательным, от одушевленности имени существительного 166
3.11 – Зависимость положения местоименного атрибута от его разряда 168
3.12 – Зависимость положения атрибута, выраженного

притяжательным местоимением, от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога 173
3.13 − Зависимость положения атрибута, выраженного указательным местоимением, от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога 176
3.14 − Зависимость положения атрибута, выраженного определительным местоимением, от одушевленности определяемого существительного и наличия предлога 178